ЛЕГЕНДЫ

ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ™

ДАРТ МОЛ
В ЗАПЕРТИ

ДЖО ШРАЙБЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Убей или умри. В космической тюрьме, где отбывают срок самые отпетые преступники Галактики, осужденных заставляют участвовать в гладиаторских боях, а прибыль от ставок в этом кровавом развлечении получает подпольная игорная империя. Но новый боец, пугающий как своим внешним видом, так и смертоносными навыками, борется не только за собственную жизнь. Он действует по поручению темного повелителя и должен добыть абсолютное оружие, способное уничтожить джедаев и покорить всю Галактику. Повелители ситхов Дарт Плэгас и Дарт Сидиус жаждут заполучить эту реликвию. Но сначала их смертоносный ученик должен разобраться с кровожадным комендантом тюрьмы, бандой каннибалов, беспощадным Джаббой Хаттом — и другими, совершенно невообразимыми ужасами. Никто еще не выжил, бросив подобный вызов смерти. Но ведь и адепт темной стороны, известный под именем Дарт Мол, единственный в своем роде!

- Star Wars
  -
  - БЛАГОДАРНОСТИ
  - ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

Star Wars
Maul: Lockdown
by Joe Schreiber
Звёздные войны
Дарт Мол: Взаперти
Автор: Джо Шрайбер

© Наталья Кодыш, перевод на русский язык, 2016
© ООО «Азбука», 2016

* * *

Кристине — той, которой принадлежит мое сердце

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего я хотел бы многократно поблагодарить моих редакторов Фрэнка Паризи из «Random House», Джен Хеддл и Лиланда Чи из «Lucasfilm».

Эрих Шоневайс из «Random House» также внес свою лепту с неподражаемым энтузиазмом и пониманием. Я благодарен Кейт Клейтон, которая поддерживала меня с самого начала. Как всегда, спасибо моему замечательному агенту, Филлис Вестберг, сделавшей так, что все это сложилось вместе.

Для вдохновения и укрепления морального духа войск было бы упущением не упомянуть моего хорошего друга Дома Бенниджера, который всегда готов был понять и поддержать, а еще превосходно отредактировал в Photoshop рисунок для обложки. Спасибо также Майклу Луди, адепту старой школы структуры повествования и старому другу скромного автора. На этих страницах проницательный читатель также найдет влияние Гедди Ли, Нила Пирта и Алекса Лайфсона — музыка этих джентльменов оживляет бо́льшую часть действия, как я изначально задумал. И конечно, в первую очередь — Джорджа Лукаса, без которого этого всего никогда не случилось бы.

С радостью и гордостью благодарю мою семью — моего сына Джека, мою дочь Веду и особенно мою жену Кристину, которой посвящен этот роман, — за терпение и любовь во время долгой дороги, по которой шел Дарт Мол предыдущие два года.

И наконец, самое главное — Господа нашего создателя, автора всего хорошего и созидательного в моей жизни; перед Ним я в таком долгу, который невозможно выразить словами. Вся эта книга — скромное приношение Ему, попытка сказать спасибо посредством моей работы. Пусть Он направит нас всех, нашу работу, наши сердца и все, что мы делаем.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Артаган Труакс, заключенный (человек).

Койл, заключенный (чадра-фан).

Дакарай Блирр, оператор (человек).

Дарт Мол, заключенный (забрак).

Дарт Плэгас, владыка ситхов (муун).

Дарт Сидиус, владыка ситхов (человек).

Драгомир Хлорус, уполномоченный Галактической игорной комиссии (человек).

Эоган Труакс, заключенный (человек).

Джабба Десилиджик Тиуре, криминальный авторитет (хатт).

Комари Воса, предводительница культа «Бандо Гора» (человек).

Садики Блирр, комендант (человек).

Страбон, заключенный, главарь банды «Сила тяжести» (ногри).

Весто Слифер, выездной аналитик Межгалактического Банковского клана (муун).

Васко Нейлхед, заключенный, главарь банды «Короли костей» (человек).

Зеро, заключенный (тви'лек).

Давным-давно в далекой Галактике….

1
«УЛЕЙ-7»

Бац!

Первый удар пришел сбоку, заставив Мола развернуть плечи и отступить на полшага назад, чтобы полностью восстановить равновесие. Где-то внизу металлические плиты пола будто задрожали и сдвинулись, угрожая разверзнуться под ногами.

Он выплюнул зуб и вытер кровь.

Представшее перед его взором существо являло собой ходячее сборище трофеев, добытых у предыдущих жертв. Двух с половиной метров ростом, с массивными плечами и торсом, облаченное в примитивные доспехи, ранее явно служившие челюстями и панцирем гораздо более крупному хищнику. Казалось, противник занимает немалую часть тюремной камеры.

Мол пристально вгляделся в него. Серое скошенное лицо представляло собой ночной кошмар хирурга: ритуальные шрамы, кольца и петли из кожи, крючки из жил, вдобавок — голубоватые пульсирующие мешки под глазами, и все это, словно к отверстию воронки, стекало к зияющей пасти с бритвенно-острыми зубами. Казалось, даже его руки некогда принадлежали двум разным существам. Правая ладонь представляла собой жесткий кулак, а левая — клешню с длинными гибкими пальцами. Вместе они сочетались, как молот и лезвие, — одна крушит, другая рубит. Это правая выскочила из тьмы несколько секунд назад, оттолкнув Мола вбок и выбив ему резец.

Существо подобрало с пола зуб противника. Выпрямилось, воткнуло зуб в щербину своего собственного рта, покрутило, пристраивая на новом месте. Затем ухмыльнулось ситху, будто интересуясь, нравится ли тому вид его зуба у него во рту — еще одного трофея в его коллекции.

Мол уставился на существо.

Затем пришла ярость.

И ярость была неукротима.

* * *

Заключенному выдали стандартную робу — комбинезон из сковывающей движения тяжелой оранжевой ткани. Теперь одежда

затрещала но швам, когда он прыгнул на своего противника, уничтожив полуметровое расстояние между ними за долю секунды. Существо отреагировало именно так, как он надеялся. Оно вскинулось, охотно встречая его натиск, дико размахивая своими разнокалиберными руками, рассекавшими затхлую тьму тюремной камеры, и визжа с придыханием на гортанном языке, которого он никогда ранее не слышал.

«Пусть это будут твои последние слова, — подумал Мол. — Прямо здесь. Прямо сейчас».

Он уже ощущал трупный запах, похожий на вонь гниющего мяса, и погрузился в вихрь рефлекторных ударов. Обе руки вылетели вперед и схватили чудовище за горло, подняли над головой и сжимали, пока он не почувствовал, как глубокие сухожилия шеи стали мягкими и податливыми. Откуда-то из груди твари послышался приглушенный влажный щелчок, и вдруг из горла вырвался целый поток теплой, густой, липкой жидкости.

Кровь.

Сильный поток черной крови.

Это зрелище не принесло Молу никакого удовлетворения, лишь смутное раздражение от сознания, что ему никогда не требовалось столько времени, чтобы добиться перевеса в поединке. Тем не менее, если он быстро оборвет жизнь противника, это восстановит некоторый необходимый баланс данной стычки, что пусть и не послужит к чести Мола, но хотя бы обеспечит ему оправдание. Он сильнее сжал пальцы, и вопль прервался ломаным птичьим взвизгом. Выплеснулся очередной поток крови, чернильно-черной и вязкой; кровь потекла изо рта и глаз противника.

Довольно.

Идеально держа равновесие, Мол сделал оборот вокруг своей оси, придав твари ускорение и впечатав ее в пол. Раздался пронзительный лязг. Удар был настолько силен, что он почувствовал, как вибрация отдалась в стальных пластинах под ногами. Голова существа, болтавшаяся на сломанной шее, откинулась в сторону, открыв пульсирующие в толще серой плоти сосуды.

Только теперь Мол позволил себе выдохнуть. Как и ожидалось, он не нуждался в световом посохе или помощи Силы, чтобы отправить на тот свет эту гору мяса, — хотя в действительности выбора у него не было. Опустив голову и глядя в лицо твари, он поднял ногу, намереваясь с силой впечатать ее в беззащитное горло, стереть в порошок трахею, или что там оно использует для дыхания. На мгновение он встретился с его рассеянным, мутным взглядом.

«Сейчас ты умрешь», — сообщил взгляд ситха; казалось, его противник осознал, что ему суждено провести последние жалкие мгновения своей жизни здесь, во мраке и безвестности.

Совершенно неожиданно существо вырвалось и, распрямившись с ошеломительной скоростью, выхватило из-за спины нечто похожее на длинный изогнутый шест. За тот миг, что враг крутил шестом перед собой, Мол понял, что это оружие, которое он поначалу принял за кусок дерева или какой-то биомеханический гибрид, на самом деле — живое существо: змея совершила молниеносный бросок, целясь ему в лицо, и хлестнула по глазам.

Ситх отшатнулся, но слишком поздно. Зрение пропало, мгновенно похоронив его во тьме. Второй раз за не слишком долгое время загадочная тварь застала его врасплох, и теперь он понял причину: она была каким-то образом отрезана от Силы, полностью оторвана от всепроникающего поля повышенной чувствительности, откуда он черпал информацию об окружающем мире. Способности к интуитивной оценке, которую он считал само собой разумеющимся использовать в любой стычке, здесь просто не существовало.

Едкая тяжесть охватила его зрительные нервы: словно медленная капля проникала все глубже и глубже, пока он наконец не ощутил, как яд берет свое, как немеют мышцы и ткани лица.

Теперь визгливый смех существа раздавался сразу со всех сторон. Нарочитый. Триумфальный.

«Покончи с ним. Прямо сейчас».

Мол выпрямился. Раздавшийся в голове голос принадлежал ему самому — суровое эхо его обучения. Но в интонации безошибочно угадывался учитель — отголоски безжалостных инструкций, часов, дней, лет нескончаемых тренировок, нескончаемой боли. Сидиус всегда будет рядом. «Хорошо бы здесь был сейчас владыка ситхов». Эта мысль мгновенно вернула Мола к реальности и наделила четким знанием того, что делать.

Потянувшись сквозь слепоту. Мол схватил змею, примеряясь к ее длине. Где-то в пустоте он сумел ощутить дрожь кожистых сухожилий жезла, обвивавшего ему шею, ощутил сокращение сотни маленьких мышц, сжимавших ему горло и передавливавших дыхательные пути, словно живой аркан. Следующие несколько секунд решат все.

Он изогнулся, повел головой и дернул живое оружие, однако оно не ослабило хватки. Змея устраивалась вокруг него виток за витком, игнорируя любые попытки воспротивиться ей.

Мол велел своему разуму стать совершенно спокойным, а телу — абсолютно жестким, позволяя змее, охваченной

смертельной самонадеянностью, еще крепче сжать его, еще сильнее растянуться; он ощутил, как ее голова в очередной раз прошла мимо лица. Несмотря ни на что, он выжидал. Вдобавок он постоянно ощущал зловоние своего противника, чувствовал, как его когти скребут по коже, тычут в лицо, отхватывая кусочки плоти. Тварь пронзительно вскрикнула — на этот раз крик означал полную победу, возможно, даже заменял ей довольный смех. Подавляющий, безумный смех. Смех воина, которому нечего терять.

«Ты не воин, — подумал Мол. — Ты ничего не знаешь о темной стороне».

Момент настал. Забрак схватил зубами голову жезла-змеи, обездвижив ее тупой нос и клыкастую пасть. Рукой он вцепился в нее около головы и начал крутить и дергать, пока голова живого оружия не оторвалась от тела с влажным треском.

Результаты сказались незамедлительно. Рефлекторно содрогаясь, змея ослабила хватку, кольца обмякли и начали спадать с его шеи. Мол лишь раз позволил себе глубоко вдохнуть — здесь он еще не закончил.

Где-то во тьме соперник в ответ на гибель своего оружия издал вой обманутой ярости. На этот раз Мол не стал прислушиваться. Примитив. Эмоция, крик слабости, не более существенный и не более информативный, чем крик боли, который он выдавил из противника несколько мгновений назад. Теперь в нем уже не было ничего полезного.

Но ситх все же сумел воспользоваться криком существа: дотянулся до его разинутой пасти, ощутив на ладони влажное тепло дыхания, и выдернул из челюсти свой зуб. Удерживая его рот открытым, Мол запихнул в него откушенную голову змеи, оторвал три самых больших пирсинга с правой руки существа и забил их в глотку противника вслед за змеиной головой. Зажимая ладонью рот твари, Мол чувствовал, как дергается у нее в горле голова змеи, рефлекторно погружая в плоть ядовитые зубы, когда противник тщетно пытался вдохнуть или закричать.

«Заканчивай с ним».

Зрение к Молу все еще не вернулось, но противник оказался уже на расстоянии вытянутой руки. Забрак наклонил голову и боднул тварь, вонзив рожки в заплывшие глаза.

Тело противника прекратило подергиваться. Мол отпустил его, позволив рухнуть на пол у своих ног.

Он сморгнул, затем прищурился — его собственные глаза все еще горели, а выбитый зуб он сжимал в ладони. Зрение восстанавливалось: боец стал различать неясные тени темно-серого и блестящего синего цвета. Способность видеть

возвращалась невыносимо медленно, но все-таки возвращалась. Не было никаких причин, мешавших предположить, что через несколько часов оно полностью восстановится, и тогда…

Пол под ногами задрожал.

Мол обернулся кругом, сканируя глубины помещения в поисках источника вибрации. Все пространство камеры заполонила какофония треска, будто огромные цепи протаскивали сквозь шкивы и шестеренки гигантского часового механизма. Скрежет усиливался, превращаясь в оглушительный рев. Все вокруг него начало сдвигаться и наклоняться. Мол протянул руку, и кончики пальцев подтвердили то, что он уже начал подозревать.

Стены двигались.

Это не было иллюзией или побочным эффектом не до конца восстановившегося зрения. Камера в буквальном смысле меняла форму: отдельные стальные пластины, образующие стены, пол и потолок, сдвигались с мест, заходили друг на друга, словно гигантские искусственные чешуйки, и прогибались вовнутрь. Пол кренился все сильнее, превращаясь в чашу с отверстием в центре, в гигантскую воронку.

Отступив к стене, Мол отвел руку за спину и крепко схватился за подлокотник стоявшей сзади скамьи — вцепился в него, чтобы сохранить равновесие. Дыра в центре пола увеличивалась, доносившийся со всех сторон лязг и скрежет металла становился все громче.

Щурясь, ситх заглянул в отверстие. Уже достаточно восстановившееся зрение позволило разглядеть, как безжизненное тело противника в раздробленных и уже совершенно бесполезных органических доспехах скатывается к центру камеры. Подчиняясь законам физики, оно заскользило вниз в потеках собственной черной крови, и вскоре за ним последовало обмякшее безголовое тело змеежезла.

На глазах у ситха поверженный воин и его оружие канули в океан тьмы, почти столь же глубокий, сколь тот, из которого он сам только что вынырнул. На мгновение ему показалось — вправду ли? — что нечто бледное и безглазое возникло рядом с телами и утащило их вниз.

Металлические пластины снова пришли в движение: отверстие закрылось, пол выровнялся. Тряска и лязг прекратились. Камера обрела прежнюю форму.

Перед его глазами замерцали красные огоньки, постепенно превращаясь в зеленые.

Он терпеливо ждал, пока камера несла его вверх.

2
САДИКИ

Войдя в свой кабинет, комендант Садики Блирр окинула взором голоэкраны: они в несколько рядов тянулись вдоль стены и походили на судей с обличающими взглядами. Некоторые из них предназначались для наблюдения — на них демонстрировались различные уголки тюрьмы: столовая, медотсек, сплетающиеся между собой коридоры, туннели и висячие мостки, что подобно спицам колеса сходились к громадному открытому холлу, где до и после поединков толпились заключенные.

Однако на большинстве экранов мерцали в ожидании ответа входящие вызовы: целая вереница букмекеров, чиновников, а также руководителей различных игорных синдикатов — и все это, несомненно, результат поединка, состоявшегося прошлой ночью.

— Доброе утро, комендант, — бодро поприветствовал Садики дроид-администратор 3D-4. — Как ваше самочувствие?

— Как в сказке.

Она устроилась за центральным пультом, где уже ждала чашка утреннего кофе. Наклонившись вперед, молодая женщина приложила к считывателю кончики пальцев, чтобы ввести биометрический код. По экрану в виде ярких полос помчался ее утренний график.

— Покажешь мне голозапись боя с прошлой ночи?

— Конечно, — ответил 3D и развернул голову к экранам с сигналами о входящих вызовах. — Однако, как вы сами видите, вам звонили несколько представителей от казино и от Игорной комиссии, которые крайне заинтересованы в…

— Они могут подождать.

— Возможно, мне также следует напомнить вам об утреннем заседании с участием…

— Спасибо за всю эту полезную информацию, — перебила его Садики, даже не поднимая взгляда. — Голозапись готова?

— Разумеется. Мне воспроизвести ее с самого начала?

— Надеюсь, ты не станешь сильно возражать?

— Ничуть.

Дроид-администратор работал у коменданта уже три года, и абсолютную невосприимчивость к сарказму она считала одной из его самых милых черт. Дроид что-то просвиристел, повернулся и включил свой встроенный голопроектор, одновременно подстраивая амплитудную и фазовую модуляции, чтобы

улучшить качество изображения. Садики откинулась на спинку кресла, забросила ноги на приборную панель и сделала глоток кофе, тем временем всю стену кабинета заполнили кадры поединка, состоявшегося минувшей ночью.

Этот бой она смотрела уже в третий раз.

У нее вошло в привычку просматривать каждый поединок как минимум дважды: первый раз в реальном времени, а позже с более аналитическим подходом, оценивая сильные и слабые стороны бойцов. Ознакомившись таким образом с сотнями боев, она обнаружила, что иногда при повторном просмотре проявляется сам бой, подобно какому-то третьему участнику схватки; нечто большее, чем любой из бойцов по отдельности. Некое объединяющее присутствие, связывающее воедино пот, отчаяние и, возможно, неожиданную элегантность, с возникающей собственной индивидуальностью.

Проигравшее прошлой ночью существо принадлежало к какой-то особенно чудовищной расе, которую не смогла опознать даже самая совершенная из тюремных процедур идентификации. Заключенный двухметрового роста, весь покрытый ритуальными шрамами, вооруженный каким-то живым жезлом и еще бог знает чем, прибыл сюда, в «Улей-7», шесть стандартных месяцев назад вместе с партией осужденных, двоих из которых он убил по дороге. С тех пор тварь не поддавалась никаким попыткам классификации. Никто не смог опознать ее визгливый, завывающий язык; но она систематически уничтожала любого, выставленного против нее на поединок. Некоторые из охранников считали, что это чудовище — женского пола.

Его противником был новоприбывший заключенный — краснокожий забрак, покрытый черными татуировками, лысый и мускулистый, увенчанный короной из десяти рудиментарных рожек. Садики уже не в первый раз смотрела запись поединка, но все равно не могла оторвать от него глаз. В последние минуты боя, когда он вывел из строя змеежезл, откусив ему голову и затолкав ее в глотку противника, она ощутила дрожь мрачного волнения, какого не испытывала уже очень давно. По ее предположениям, это было то самое первобытное обаяние, заставлявшее игроков, собиравшихся по всей Галактике смотреть в реальном времени головидео боев, ставить на кон миллионы кредитов.

Когда поединок завершился, Садики остановила запись, чтобы как следует рассмотреть лицо нового чемпиона. Его желтые глаза впивались в нее. Задумчиво глядя в них, комендант сделала еще глоток кофе.

— Он забрал свой зуб, — проговорила она наконец.

Голова 3D повернулась к ней:

— Прошу прощения?

— Наш новый чемпион. Прежде чем прикончить противника, он забрал у него свой зуб.

— Возможно, это обычное для его расы…

— Как его зовут? — спросила Садики. — Как зовут этого нового заключенного?

— Я взял на себя смелость загрузить все данные в вашу базу, — сообщил 3D. — Заключенный номер 11240.

Садики набрала номер на своем пульте и принялась разглядывать выведенный на экран файл со сведениями о новичке. Там значилось:

«Заключенный номер 11240.
Дата поступления: 01102211224.
Имя: Джаганнат.
Раса: забрак.
Пол: мужской.
Рост: 1,75 м.
Вес: 80 кг.
Цвет глаз: желтый.
Цвет кожи: красный.
Род деятельности: наемник.
Осужден за: убийство».

— И это все? — Садики попыталась пролистать дальше, но экран был пуст. — Где остальное?

— Больше ничего нет.

— А откуда он взялся? Кто-нибудь может объяснить мне хотя бы это?

— Его задержали во время регулярной зачистки территории горнодобывающих колоний на Сабтерреле. Местные власти выяснили, что он особо опасный преступник, объявленный в розыск за убийство. Первоначальные анализы крови и микробиологии еще не готовы. — Дроид щелкнул и зажужжал, его фоторецепторы вспыхнули ярче. — Пока он не поддается более точной классификации. Запросить полное психиатрическое обследование?

Садики задумалась, а потом мотнула головой:

— Нет. Пока не надо. Для начала посмотрим, сколько он продержится. Он может оказаться очередным арестантом, который сначала наделал много шума, но вскоре растворился без следа.

— Конечно, — согласился 3D. — Если это все, вас ожидают

уполномоченный Игорной комиссии Хлорус и Эймон Хуань из казино на Андо-Прайм. С кем вас соединить в первую очередь?

— Хлорус? — Садики поймала себя на том, что машинально бросила взгляд на отражение в ближайшем мониторе, одновременно поправив челку. — Соединяй.

— Отлично.

На голоэкране возникло изображение в натуральную величину: седовласый мужчина с безукоризненной внешностью, одетый в двубортное шерстяное пальто, ниспадающее мягкими складками до самых лодыжек. Драгомиру Хлорусу было по крайней мере лет шестьдесят, но его лицо с желтовато-карими глазами, покрытое почти тропическим загаром, казалось лет на двадцать моложе, несмотря на то что в настоящий момент его портили морщинки нетерпения.

— Приветствую вас, уполномоченный, — произнесла Садики, приподнимая чашку, будто салютуя собеседнику. — Выглядите шикарно, как всегда. Откройте секрет, как вам удается не стареть даже на день? У вас особая диета?

— Да, — сухо отозвался Хлорус. — Я исключил из рациона необоснованную лесть. — Знаменитое угрюмое выражение на его лице проявилось четче: в уголках рта пролегли глубокие морщины. — Надеюсь, обмен любезностями на этом окончен?

— Мм, — кивнула Садики, потягивая кофе. — Видимо, да.

— Хорошо. Вы достаточно долго заставили меня ждать, комендант. Вне зависимости от того, что вы, возможно, слышали, Галактика вращается не вокруг вас.

— К сожалению, нет. — Садики улыбнулась, приподняв брови. — Но когда-то так и было, не правда ли?

Хлорус моргнул.

— Я уверен, что не понимаю, о чем вы говорите.

— Конечно нет, — сказала она, продолжая улыбаться. — Погодите, я сейчас посыплю голову пеплом, и уж тогда-то вы сможете открыть мне, что я сегодня сделала такого, что оскорбило нежные чувства Галактической игорной комиссии.

— Это не повод для шуток, комендант. Чем именно вы сейчас заняты?

Садики подняла брови чуть не до самой кромки волос:

— О боги, какие мы сегодня официальные! — Затем она сложила руки на столе. — Ну ладно. Итак, как вам известно, *уполномоченный*, «Улей-7» является прибыльным предприятием в сфере игорного бизнеса. Он предоставляет необходимые услуги миллионам…

— Я думаю, пропаганду для инвесторов можно опустить. Я хочу получить информацию о новом заключенном, победившем

прошлой ночью. И я хочу знать, сколько в точности кредитов вы выиграли, когда он разорвал своего соперника на куски.

— Сколько выиграла лично я?

— Не прикидывайтесь дурочкой, — оборвал ее Хлорус. — На ваши игры у меня нет ни времени, ни желания.

— Вот те на! А я-то думала, что уже знаю о вас все, что можно. — Опустив голову, Садики метнула в него свой самый простодушный взгляд. — Я так понимаю, руководство комиссии не удовлетворено результатами боя?

— Это еще мягко сказано! И сегодня утром букмекерские конторы и казино на всех планетах Ядра рвут на себе волосы из-за этого происшествия. Честно говоря, я их не виню. С точки зрения игроков, делающих ставки на исход поединка, ваш действующий чемпион — чем бы он ни был — имел колоссальное преимущество. Он выиграл шесть боев подряд. А забрак взял и побил его.

— Он сорвал все расчеты букмекеров, — пожала плечами Садики. — Вот почему они так расстроились.

— Позвольте вам напомнить, насколько часто это происходит в последнее время в вашем учреждении.

— Погодите-погодите. — Садики подалась вперед. — Вы ведь не хотите сказать, что мы пользуемся каким-то незаконным преимуществом?

— Я никогда…

— Как вам известно, мы с братом определяем шансы на победу в каждом поединке при помощи уникального алгоритма, основанного на истории боев, весе, статье судимости и прочих значимых факторах. Все эти сведения доступны миллионам наших подписчиков. Но сложатся ли все факторы в победу, конечно, никогда нельзя знать наверняка. — Она снова пожала плечами. — Вот поэтому-то ставки на спорт и считаются азартными играми.

— Тем не менее «Улей-7» всегда выигрывает.

— Как и миллионы прочих игроков. — Она внимательно посмотрела на чиновника. — Это бизнес, уполномоченный Хлорус.

— Безумно прибыльный.

— Это вопрос?

Хлорус закашлялся.

— Нет никакого сомнения, что с момента своего создания «Улей-7» пользуется беспрецедентной популярностью в сообществе азартных игр…

— Спасибо, что напомнили.

— Но я хотел бы указать на тот факт, что существует большое

количество владельцев казино, галактических банкиров и… — он замялся, — в особенности, мелких криминальных синдикатов, которые контролируют игорный бизнес во Внешнем Кольце. И все они осведомлены, насколько часто установленные вами коэффициенты на вероятность исхода ваших поединков впоследствии оказываются неверными.

— О каких именно синдикатах идет речь? — осведомилась Садики. — И разве на них не распространяется ваше влияние?

— Вы меня не понимаете.

— По-моему, я вас понимаю. Комиссия стремится сохранить лицо перед своими дружками из Межгалактического Банковского клана, а вы лично стремитесь сохранить свою репутацию, не запятнав ее подозрениями во взяточничестве и связях с организованными преступными группировками. Все это я уважаю. Но не думаю, что вам следует угрожать мне взысканиями…

— *Взысканиями?* — Хлорус слегка наклонился вперед, его голос смягчился, став почти нежным. — Садики, я собираюсь остановить тебя прямо сейчас. Я знаю твою склонность к неортодоксальному поведению, но из уважения к нашему общему прошлому я хочу, чтобы ты вняла этому дружескому предупреждению.

Он сделал паузу, вздохнул, как человек, собирающийся поднять особенно тяжелый груз, подобрался и продолжил:

— Если «Улей-7» делает ставки, пользуясь инсайдерской информацией, значит вы лучше других должны понимать, что Игорная комиссия — последнее, о чем вам следует беспокоиться.

— И что именно значат эти слова? В мою тюрьму заявится толпа виго «Черного солнца», чтобы установить тут свои порядки? — Она издала хриплый смешок. — При всем уважении, хотела бы я посмотреть, как они попытаются это сделать.

— Вовсе не обязательно «Черное солнце».

— Кто же тогда?

Хлорус неловко бросил взгляд вправо, куда-то за пределы видимого ей изображения.

— Я сказал достаточно. До свидания, Садики.

— Подождите секунду…

Но лицо ее собеседника уже растаяло. Хлорус разорвал связь. Со вздохом откинувшись в кресле, Садики потянулась за своим кофе и обнаружила, что тот уже остыл.

— Прелестно. — Она окинула взглядом кабинет в поисках дроида. — 3D, подогрей кофе и выясни, кого там еще мне сегодня придется успокаивать.

— Подозреваю, что меня, — раздался голос с порога.

Садики подняла взгляд: в дверях ее кабинета неожиданно

материализовался высокий, тощий муун. Смирившись с ощущением некоторого беспокойства, она заметила, что он одет, как принято у поверенных, — в зеленый китель с круглым воротником, облегающие брюки и ботинки. Эта форма сообщила ей все о том, кто он такой и, по всей вероятности, зачем прибыл сюда.

С прохладной улыбкой она поднялась из-за стола:

— Простите, мы с вами знакомы?

— Весто Слифер, — представился муун. — Межгалактический Банковский клан. Мы с вами общались по головидео, но я никогда прежде не имел удовольствия видеть вас лично.

— Приветствую вас. — Она позволила улыбке чуть-чуть растянуть уголки рта. — Мы всегда рады неожиданным гостям из МБК.

— В самом деле? — Улыбка Слифера в точности копировала ее собственную. — Выражение вашего лица утверждает обратное.

— О, не принимайте это на свой счет. Просто выдалось тяжелое утро. — Садики взглянула на 3D, затем опять перевела взгляд на Слифера: — У меня назначена встреча с вами?

— Я пытался сказать вам… — начал было дроид, но Слифер лишь улыбнулся.

— Моя дорогая, — сказал муун невероятно любезным тоном. — У *меня* назначена с вами встреча.

3
ГОРЯЧИЙ ЦЕХ

По тюремной столовой Мол шел, словно хищник, выпущенный из клетки: он легко проходил сквозь толпу, раздвигая ее одним лишь взглядом. Некоторые заключенные невольно делали шаг назад, позволяя ему пройти, другие просто застывали на месте. Головы поворачивались ему вслед. Непрерывный гул голосов падал до шепота, а шепот стихал, превращаясь в настороженное, оценивающее молчание, когда забрак проходил мимо.

Он подошел к крайнему столу и сел.

По другую сторону стола о чем-то спорили двое заключенных — бледный, заросший четырехдневной щетиной человечек испуганного вида и готал, у которого, как оказалось, не хватало одного глаза. Они сразу умолкли, подхватили свои подносы и поспешно ретировались.

Мол сидел неподвижно и наблюдал за происходящим вокруг, при этом не показывая, что делает это. Его периферийное зрение еще не полностью восстановилось после ночного поединка, но он замечал достаточно, чтобы понять: в данный момент он стал объектом всеобщего внимания. Казалось, даже охранники, дежурившие на мостках над залом столовой, перешли в состояние повышенной боевой готовности: одну руку положили на бластер, а другую — на маленький плоский пульт, который носили на поясе. Мол безошибочно различал исходящий и от заключенных, и от охраны особый запах — смесь страха, отчаяния и мучительно однообразной паранойи, — возникавший, когда живых существ помещали в замкнутое пространство на неопределенное время.

У ситха все это вызывало отвращение.

Тем не менее — по крайней мере, на данный момент — здесь был его дом.

Он ступил на палубу этой космической клоаки менее двадцати четырех стандартных часов назад, но этого времени хватило, чтобы понять все, что нужно, относительно данного места. Все остальное время надо будет просто перетерпеть — выполнить задачу и не раскрыть, кто он такой на самом деле.

И то и другое не составит для него особого труда.

И то и другое просто вытекает из характера поставленной перед ним задачи, соответственно, и то и другое безусловно должно быть сделано.

* * *

Он попал в «Улей-7» на борту единственного прибывшего в тот день транспорта — безымянной тюремной баржи с выломанными переборками, провонявшей органикой и немытыми телами. В грузовом трюме находилось еще тридцать семь арестантов, чье присутствие Мол едва замечал — после того, как оценил их потенциал и понял, что ни один из них не стоит того, чтобы потратить на него хоть мгновение своего времени. Кучка дурнопахнущих, завшивленных представителей примерно десятка различных рас: одни, явно невменяемые, о чем-то разговаривали сами с собой, другие тупо пялились в единственный имевшийся в трюме иллюминатор, как будто нечто в бездонной черной пустоте могло дать им перспективу в их бессмысленной, вот-вот готовой оборваться жизни.

На протяжении всего перелета Мол неподвижно сидел поодаль от своих спутников по этапу. Некоторым из них, по-видимому, не терпелось устроить бучу. По мере их путешествия скука превращалась в беспокойство, косые взгляды и мелкие обиды перерастали в акты насилия, казалось бы ничем не спровоцированные, — и завязывались драки. Спустя несколько часов после вылета какой-то чрезвычайно мускулистый субъект с выпученными крабьими глазками на стебельках вскочил и бросился на родианца, которому каким-то образом удалось пронести на баржу плоский хлыст, который он заточил и, видимо, собирался использовать в качестве импровизированного виброклинка. Борьба длилась недолго. Когда обладатель заточки случайно задел Мола, тот поднял взгляд лишь для того, чтобы вскинуть локоть, раздробивший родианцу крестец. Имевшиеся на борту охранники даже бровью не повели, когда полупарализованный зеленокожий экзот с воем рухнул на бок. Так он и лежал, поскуливая, всю дорогу до космической тюрьмы, с умоляющим видом тараща слезящиеся глаза.

Это был единственный раз, когда Мол пошевелился.

Когда они наконец пристыковались к станции, в ангаре их встретила шеренга офицеров службы исполнения наказаний; те электропиками и шокерами загнали их внутрь через биометрические сканеры. Новоприбывшие неуклюже продвигались вперед и, моргая, разглядывали незнакомую обстановку. В тот момент Мол одновременно увидел больше охранников, чем где-либо еще на борту космической станции. Он неподвижно стоял в конце шеренги, пока нервный молодой офицер, на идентификационном бейдже которого значилось

«Смайт», проверял его сканером в поисках инфекций или припрятанного оружия. Было отчетливо видно, что руки человека дрожали, когда он водил похожим на палочку сканером рядом с лицом ситха.

— Знаешь, зачем ты здесь, слизняк? — спросил Смайт, стараясь скрыть дрожь в голосе этой жалкой потугой на браваду.

Мол ничего не ответил.

— Двадцать два стандартных часа в сутки вы имеете право свободно перемещаться по холлу и столовой, — сообщил ему Смайт. — Дважды в день звучит трубный глас, и надо вернуться в камеру на контроль. — Охранник сглотнул, дернув кадыком вверх-вниз. — Любая попытка побега ведет к немедленному уничтожению. Отсутствие в камере во время проверки приравнивается к попытке побега и ведет к немедленному уничтожению. Вопросы есть?

Мол без выражения смотрел на надзирателя, ожидая, пока тот закончит свои дела и отойдет от него. Когда молодой офицер наконец-то двинулся дальше, ситх услышал, что тот все-таки осмелился напоследок огрызнуться:

— Ты тут сдохнешь, слизняк. Тут все подыхают.

* * *

На очереди стоял медотсек: час был убит на дезинфекцию, исследования при помощи токсикологических экранов, нейродатчиков и электроэнцефалографов, которыми ведали равнодушные дроиды. После долгого ультразвукового сканирования дроид-хирург GH-7 произвел внутри себя какие-то настройки и вонзил в грудь Мола длинный шприц, но сразу вытащил, чтобы снова ввести иглу под немного другим углом. Потом финальное сканирование подтвердило то, что сделал с ним дроид, и надзиратель, поджидавший в дальнем конце отсека, махнул рукой, приказав двигать на выход.

Возникшие позже два конвоира, вооруженные штурмовыми бластерами E-11, провели забрака сквозь запутанную сеть становившихся все уже и уже коридоров. Последняя дорожка уткнулась прямо в его камеру — безликий металлический купол метров трех в диаметре. Углепластиковый пол грязно-серого цвета. Над головой шумит единственная вентиляционная отдушина. Войдя внутрь, Мол присел, сгорбившись, на единственной узкой скамье и уставился на единственный

источник света — обыкновенную желтую панель, помаргивавшую на противоположной стене.

— Сюда будешь являться на проверку, — сказал ему один из надзирателей. Идентификационный бейдж извещал, что этого бывалого, седеющего мужчину зовут Войсток. — Если услышал трубный глас, где бы ты ни был, у тебя есть пять стандартных минут, чтобы вернуться сюда, потом дверь запирается, и если не успел, тебя уничтожат.

Мол холодно посмотрел на него:

— Уничтожат?

— Да, тебе ж никто не сказал! — Охранник кивнул на плоский серый блок управления, прикрепленный к его бедру. — Эту штуку мы называем «дропбокс». Знаешь почему?

Мол молча смотрел на него.

— Да ты у нас крепкий орешек! — фыркнул Войсток. — Ну-ну. Все с этого начинают. Смотри. В медотсеке каждому заключенному в сердечную мышцу имплантируют субатомный электростатический детонатор. А у тебя их два, у тебя ведь два сердца. Значит, я набираю здесь твой номер, 11240, — он пробежался пальцами по клавиатуре «дропбокса», — и детонаторы срабатывают. И ты играешь в ящик.

Мол молчал.

— Да не дрейфь! — криво усмехнулся Войсток. — У крутого парня вроде тебя здесь не должно быть никаких проблем. — Он похлопал Мола по щеке. — Наслаждайся пребыванием здесь, договорились?

Надзиратель ушел, оставив дверь камеры распахнутой настежь, но Мол остался на месте: он неподвижно сидел, сгорбившись, позволяя новому окружению постепенно проявляться вокруг него, медленно прирастая все новыми деталями.

Нацарапанные на стенах граффити — слова на десятке различных языков, — обычные признания в слабости: мольбы о помощи, прощении, признании, быстрой смерти. У скамьи имелись ручки; их поверхность была отполирована сотнями ладоней, как будто все заключенные, сидевшие в этой камере ранее, испытывали необходимость за что-то держаться. Мол не придал значения этой детали как несущественной.

Пока не прозвучал трубный глас.

Ситх насторожился, сел прямо, и тут световая панель перестала моргать и загорелась красным. Труба завывала пять минут. Снаружи до Мола доносились голоса и неистовый топот ног — это заключенные спешили по своим камерам. Когда сигнал тревоги стих, он услышал, как соседние камеры автоматически

запираются.

Стены затряслись. Странные скрежещущие звуки раздались откуда-то из самой сердцевины тюрьмы — скрежетали замысловатые пневматические механизмы. Камера принялась менять форму. Мол опустил взгляд. Пол под его ногами уже начал прогибаться, принимая форму чаши; в сочетании с куполообразным потолком помещение превращалось в идеальную сферу.

И камера начала переворачиваться.

Лишь в этот момент наличие потертых поручней на скамье обрело смысл. Он повис на них, когда камера перевернулась практически вверх ногами, затем вернулась обратно, качнулась вбок, словно неисправный авиасимулятор. Все это сопровождалось лязгом и скрежетом — металлические пластины стен вставали на новые места.

Когда вращение прекратилось, утопленная в стене дверь с шипением распахнулась. За ней оказалась на первый взгляд такая же пустая камера, заполненная тьмой, — но присутствовало в ней и что-то еще. Поначалу Мол просто стоял, вглядываясь в темноту. Затем сделал шаг внутрь. Когда он ощутил присутствие другой формы жизни — воина с разнокалиберными руками и странным живым жезлом, — первый удар он уже пропустил.

* * *

А теперь…

Сидя посреди столовой, чувствуя на себе взгляды других заключенных, ощущая, как вокруг медленно скапливается напряженность, похожая на поток заряженных частиц, Мол понял, что обитатели «Улья-7», все вместе и каждый по отдельности, уже готовятся к его смерти.

«Пусть готовятся. Это лишь облегчит твою задачу».

К нынешнему моменту он уже успел понять, что тюрьма представляет собой выгребную яму, а ее концентрическая структура способствует появлению у ее обитателей иллюзорного ощущения фальшивой свободы. В действительности же беспрепятственные перемещения по тюрьме в промежутках между поединками лишь усиливали неуклонно возрастающую между заключенными враждебность и готовность при малейшей провокации разорвать друг друга на куски.

Мол позволил своим мыслям вернуться к электростатическим

детонаторам, которые дроид имплантировал в стенки обоих его сердец, — крошечные семена смерти, что обитатели «Улья-7» постоянно носили в себе. В итоге свобода для этих жалких существ — не более чем обещание забытья. Вне зависимости от того, что они совершили, чтобы в итоге оказаться здесь, — вне зависимости от того, от чего они бежали, или о чем мечтали, или чего надеялись добиться, — эти детонаторы диаметром в микрон полностью символизировали всю их жизнь, а также легкость, с какой они могут ее лишиться.

«Ты должен отыскать Айрема Радика, — велел ему Сидиус во время их последней встречи на Корусанте. А затем, быть может ощутив физическую реакцию, которую Молу не до конца удалось подавить, повелитель ситхов добавил: — Это будет не так просто, как кажется».

Сидиус сообщил ученику, что Радик — чрезвычайно скрытный торговец оружием, о котором по Галактике ходят легенды. Его штаб-квартира находится где-то в «Улье-7», хотя никто, даже сам Сидиус, не в состоянии утверждать, что это факт.

Истинная личность Радика хранится в строжайшем секрете. Также вызывает сомнения то, что он является заключенным. Он действует исключительно под непрерывно меняющимся прикрытием, через посредников, фальшивые личины, охранников, арестантов и продажное руководство как внутри, так и за пределами изменчивых стен космической тюрьмы. Те, кто служит ему прямо или косвенно, могут и не знать, на кого работают, а если и знают, то в любом случае никогда не узнают его в лицо.

* * *

«Ты не покинешь „Улей-7" до тех пор, пока не обнаружишь Радика и не встретишься с ним лицом к лицу. Это будет способствовать делу, которым мы заняты в настоящий момент, — сообщил ему Сидиус. — Понятно?»

«Понятно». Мол снова обвел взглядом столовую. Сотни заключенных уже откровенно таращились на него. За соседним столом двое заключенных человеческой расы — по виду будто отец и сын — сидели рядом, словно стремились защитить друг друга. Старший, могучего телосложения ветеран тысячи сражений, весь покрытый шрамами, держал в руке смотанную веревочку с завязанными на равном расстоянии узелками, младший же смотрел на него с немым восторгом.

Неподалеку от них несколько заключенных склонились над столами, ощупывая свои подносы с едой. Когда один из них поднял голову, Мол понял, что глаза у него отсутствуют — будто их выбили из глазниц. Случилось ли это во время одного из поединков? Рука человека нашла вилку, и он принялся на ощупь запихивать пищу в рот.

В другом конце зала еще один заключенный, тви'лек, уставился прямо на Мола. Рядом с ним стоял виквай с отсутствующим выражением на будто опаленном солнцем лице, похожем на скалу в пустыне. На голове его торчком стояли полдесятка косичек. «Кто-то из них может оказаться Радиком, — думал Мол. — Или никто не окажется».

Мол внимательно оглядел весь зал, сумев за один раз вобрать всю имевшуюся информацию. Здесь действовали сотни союзов, он чувствовал это, банды и шайки, а также целая сеть социальных связей, чья сложность потребует его самого пристального внимания, если он не хочет запутаться в них и собирается выполнить задание, ради которого здесь находится. И если у него и было что-то в неограниченном количестве, то только не время.

Значит, пора приниматься за работу.

Он стряхнул остатки еды с подноса в ближайшее мусорное ведро и пошел по столовой. У выхода кучковались заключенные, и он направился левее, вдоль стены, к дверце в углу, откуда доносился запах дешевой тюремной еды, смешанный с вонью чистящих средств.

Именно то, что нужно.

Он скользнул внутрь.

4
КОЙЛ

Тюремная кухня ничем не отличалась от тех, на которых доводилось бывать Молу: там было не продохнуть от суеты и шума, создаваемого толпой арестантов и дроидов, поэтому он смог проскользнуть мимо, не привлекая особого внимания. На всех горизонтальных поверхностях громоздились горы продуктов и посуды; несколько пирожков с мясом банты отделились от огромной полуразмороженной глыбы и теперь валялись под столом; на плите кипело содержимое гигантских кастрюль. В липком воздухе витали запахи дешевого синтетического белка, соуса и крахмала — их вместе с паром распространяла прикрученная к полу промышленная посудомоечная машина; в ее недрах бесконечные ряды дребезжащих подносов ехали на ленте автоматизированного транспортера прямо под обжигающие струйки.

Мол приблизился к громадному агрегату, внимательно присмотрелся к нему, а затем достал из соседнего шкафчика большую скороварку. Рядом обнаружилась бутыль с чистящим средством на аммиачной основе и бикарбонатом кремния. Ситх вылил содержимое в скороварку, плотно закрыл крышку и поставил кастрюлю среди подносов на ленту конвейера, потащившую ее в разогретое до двухсот градусов нутро машины.

— Эй, братан, — окликнул его один из заключенных. — Ты что здесь ищешь?

— Проблемы. — Мол обернулся и уставился на него: — У тебя они есть?

Заключенный так быстро побледнел, что черты его лица, казалось, почти исчезли.

— Да ладно тебе. — Он развел руками, голос у него дрожал. — Я ничего не видел.

Мол подождал, пока тот отошел, развернулся и двинулся прочь. Вернувшись в столовую, он привалился к стене и принялся ждать.

Через десять секунд из кухни раздалось громкое металлическое «Бум!», а следом за ним — удивленные возгласы.

На шум моментально отреагировали сидевшие в зале. Мол заметил, как заключенные, принадлежащие к двум тюремным бандам, инстинктивно прыгнули друг к другу и собрались в своих углах. У заключенного-отца, которого он заметил ранее, дернулась рука: он намеревался поставить блок, прикрывая сына.

Трое арестантов выпрыгнули, казалось, из ниоткуда и встали в защитную стойку вокруг тви'лека, ранее пялившегося на Мола.

И посреди всего этого лишь один-единственный из присутствующих, миниатюрный чадра-фан, настолько маленький, что рост его едва ли достигал девяноста сантиметров, даже не поднял взгляда. Он так и продолжал свой обед, с выражением полного счастья выбирая из еды мелкие косточки и что-то напевая под нос, будто ничего не случилось.

Когда в столовой восстановился порядок, Мол подошел и сел напротив него.

— Здорово, брат.

Чадра-фан поднял на него взгляд и ухмыльнулся, продемонстрировав длинные передние резцы, дернул грызуньими ушами и шевельнул плоским, слегка вздернутым носом, словно пытаясь лучше принюхаться к незнакомцу. Или, возможно, он принюхивался к своему обеду — в свободной руке он по-прежнему сжимал грязно-белый кусок студенистого синтетического белка. Он покопался в нем, вытащил маленькую тонкую косточку и продемонстрировал ее собеседнику с выражением благодарности на лице:

— Величайшие сокровища обнаруживаются в самых неожиданных местах, ты не находишь?

— Кто ты? — поинтересовался Мол.

— Койл меня звать, — робко кивнул чадра-фан. — Но я всего лишь микроб, ничтожество среди ничтожеств, не так ли? Не трать на меня время, брат.

Мол наклонился вперед, прямо к его уху.

— Ты единственный не подпрыгнул при звуке взрыва, — прошептал он. — Почему?

Койл застенчиво улыбнулся:

— Заметил, как ты пробрался на кухню. Не так ли? И уже успел подлить масла в огонь? Ты узнал то, что хотел узнать?

— Кто тот тви'лек? — поинтересовался Мол. — Тот, кого другие бросились защищать?

Чадра-фан проигнорировал этот вопрос, изучающе глядя на Мола через стол.

— А ты здоровяк, не так ли? Намного больше, чем на головидео.

Он затолкал остатки еды себе в рот, принялся было жевать, но остановился, чтобы выудить изо рта еще одну косточку и присоединить ее к растущей коллекции в углу подноса.

— Я кое-кого ищу, — сообщил Мол.

— Как и все мы, не так ли? — чуть ли не с радостью поинтересовался Койл, стряхивая крошки с усов. — А какая драка

была прошлой ночью! Ты вырубил того жуткого громилу меньше чем за пять стандартных минут, не так ли? Чтобы так драться, брату нужны умения зловещие и жуткие, однако! И мы задаемся вопросом, кто учит убийцу убивать?

— Я ищу Айрема Радика.

— Радика, да? — Койл прищурился и почесал пучок волос между ушами. — Не-а. Не могу сказать, что знаю это имя. Не слышал о нем никогда, нигде, ни здесь, ни там.

Мол перевел взгляд на зал, на членов двух банд, сбившихся вместе, когда из кухни прогремел взрыв. Позже бандиты расслабились и потихоньку расползлись по своим углам, но все же между ними обнаружилась очевидная связь. Одна шайка собралась в дальнем правом углу, недалеко от точки, где заключенные отходили от раздаточных столов, и было их всего десятка два. Эта группа состояла целиком из людей со стрижеными головами, носивших в проколотых ушах и крыльях носа нечто похожее на кости. По одним только их позам Мол смог определить, что они что-то прячут в рукавах или под робами. Что-то острое.

В другом конце зала собралась вторая шайка, состоящая из людей и представителей других рас. Впереди стоял злобный с виду ногри — явно их главарь. У всех у них отсутствовал правый рукав робы, демонстрируя одинаковые татуировки, тянущиеся по рукам от запястий до плеч. На первый взгляд они казались случайным сборищем разного сброда, что придавало им вид более примитивной и более опасной шайки. Они переводили взгляды с Мола на другую шайку, затем снова на Мола.

— Что насчет них? — спросил Мол.

— Те две банды? «Короли костей» и «Сила тяжести». У «королей» верховодит Вас Нейлхед. — Чадра-фан кивнул на огромного, заросшего густой бородой человека с острыми резцами во рту. — А у «Силы» главарь вон тот, Страбон. — Койл перевел взгляд на безволосого серокожего ногри, рядом с которым отирался приятель-нелваанец.

— Что до меня, я бы не стал связываться ни с кем из них, брат. Ничего-то они не знают, кроме убийств, не так ли? И по отношению к большинству из них даже это можно утверждать с натяжкой, правда?

— А тви'лек? — поинтересовался Мол. — Его как зовут?

— Тви'лек? — заморгал Койл. — У него нет имени, не так ли? Не слышал, чтоб у него было имя. Мы зовем его просто Зеро, правда?

— Зеро?

— Заключенный номер ноль, потому что он здесь с самого

начала.

— Почему его защищают?

Койл пожал плечами.

— Зеро — тот, кто может обеспечить всем.

— Чем — всем?

— Тремя вещами.

— Что это за три вещи? — нахмурился Мол.

— Предметы. Влияние. Информация. — Чадра-фан снова пожал плечами и продолжил перебирать свою коллекцию косточек. — Так ведь было всегда, не так ли? Хотя бы покуда я здесь.

Мол обратил взор туда, где в момент взрыва стоял тви'лек. Тот уже исчез, будто растворившись в толпе.

— Если я захочу его найти, где мне искать?

— Кого, Зеро? — переспросил чадра-фан. — О, насколько я знаю, он бывает в вентиляционном туннеле номер 11-AZR. Кажется, это единственное место, насколько я знаю, где он время от времени принимает гостей. Конечно, это только слухи, не так ли? Ничего определенного, правда?

— Туннель 11-AZR, — повторил Мол.

— Это верно, но…

Ситх уже повернулся к нему спиной, намереваясь уходить.

5
«МЫШЬ В НОКАУТЕ»

— Это он, — прошептал Эоган. — Это же он, верно?

Человеку, привалившемуся рядом к стене, сунув руки в карманы, не было нужды поднимать взгляд, чтобы понять, о ком говорит сын. Даже если бы мальчишка не болтал о новом чемпионе все утро, забыв даже про завтрак, а после этого без тени смущения не слонялся бы по холлу в надежде хоть мельком увидеть краснокожего новичка, это было бы очевидно.

После некоторых размышлений к Артагану Труаксу пришла поразительная мысль: с того момента, как они попали в «Улей-7», все существо его шестнадцатилетнего сына сосредоточилось на действующем чемпионе; он либо страшился дня, когда ему придется драться с ним, либо боготворил его издалека. Или, возможно, и то и другое вместе.

Да, это он, — произнес Артаган, по-прежнему не поднимая взгляда, когда новоприбывший заключенный прошел метрах в двадцати от них. — Ты и сам прекрасно знаешь.

— Я слышал, его зовут Джаганнат, — тараторил Эоган. — Наемник и убийца, который в розыске в десятке звездных систем. Говорят, это означает…

— «Зуб», — кивнул отец, ошеломленный энтузиазмом парнишки. — Да, об этом я тоже слыхал.

— Как ты думаешь… — Эоган поубавил пылу, стараясь задать вопрос как можно более спокойным тоном. — Я хочу сказать, просто если предположить, что мне придется… если так получится, что я выйду против него на поединок, если я буду продолжать тренировки… как ты думаешь, я когда-нибудь смогу?..

Артаган ответил не сразу. Он никогда не любил скрывать от сына правду и еще до того, как они очутились здесь, поклялся всегда быть с ним абсолютно честным, ведь он столь многим обязан этому мальчику. После того как он протащил за собой Эогана из одного конца Галактики в другой, заставляя стоять в толпе и наблюдать, как отец ночь за ночью принимает удар за ударом в бесконечной веренице боев, правда осталась единственным, что он мог ему предложить.

Тем не менее сейчас он обнаружил, что не в силах говорить откровенно.

«Мы снова и снова подводим себя, — подумал он. — Каждый день».

— Ты почти готов, — сказал он и, протянув руку, взъерошил светлые рыжевато-каштановые волосы паренька. — Еще месяц или два тренировок — заметь, серьезных тренировок, где нельзя отступать, когда становится тяжело, — должны сделать свое дело.

С сияющим лицом Эоган повернулся к отцу, в его светло-зеленых глазах светилась надежда:

— В самом деле?

— Ничуть в этом не сомневаюсь. — Артаган постарался насколько возможно изобразить обнадеживающую улыбку. Не найдя в себе сил продолжать притворяться, он перевел внимание на окружавшую их толпу заключенных — Спускайся вниз и жди меня в мастерской. Сегодня будешь охотиться на крыс.

— Так точно, сэр, — улыбнулся Эоган. — Встречаемся на месте.

Он повернулся и пошел прочь, продираясь сквозь толпу.

Артаган смотрел ему вслед, улыбка исчезала с его лица.

«Ничуть в этом не сомневаюсь», — сказал он.

Однако он сомневался.

Причем сомневался во всем.

* * *

Отца и сына этапировали сюда почти год назад — арестовали вместе с кучкой налетчиков и фальшивомонетчиков и бесцеремонно сунули в котел «Улья-7», состоящий из психопатов, бандитов и убийц. Однако, что бы там ни воображал себе мальчишка, это не было случайностью.

Таковы были условия сделки, которую Артаган Труакс заключил с тем, кто управляет в Галактике темными делами.

С момента прибытия он участвовал в поединках в общей сложности пять раз. Первые три он с блеском выиграл, быстро и сноровисто расправившись со своими противниками. По-прежнему сильный и ловкий, с рефлексами, отточенными более чем тридцатью годами боев, он быстро отправил своих оппонентов в мир иной; ему даже понравилось на краткий миг стать звездой среди местных.

Четвертый поединок — против калиша с острыми, словно скальпели, клыками — развернулся иначе. Эти самые клыки вонзились ему в грудь и проткнули легкое. Артаган сумел сломать один и использовать против бывшего владельца. К счастью, ему удалось нанести противнику смертельный удар. Он

снова одержал победу — хотя на этот раз и не без потерь.

А вот пятый поединок…

Пятый поединок чуть не убил его.

Его выставили против клатуинца, и он сразу же понял, что дело плохо. Минуты через две после начала боя это существо так врезало Артагану в висок, что он чуть не потерял сознание. Подобной боли он не испытывал никогда, и на ее фоне манящее обещание забытья оказалось настолько соблазнительным, что Артаган уже собирался нырнуть в него, хотя бы на краткий миг, для передышки. Лишь мысль о том, что Эоган останется один, беззащитный, в стае хищников, удержала его на краю сознания. Собравшись с силами, он сумел в последний момент провести обманный прием, выхватить из рук противника клатуинскую боевую секиру и вонзить ее лезвие тому в череп.

Больше поединков не было.

Однако до конца он так и не оправился. Клатуинский удар послужил причиной закрытой черепно-мозговой травмы — сотрясения мозга, и с тех пор Артаган страдал от постоянных головных болей, тошноты и повышенной потливости. Зрение, одна из самых сильных его сторон, настолько четкое и ясное, что позволяло различить западню, отраженную в зрачке противника, ухудшилось, стало туманиться по краям. Иногда он просыпался от ослепительного сияния опалесцирующего света — эту ауру он научился связывать с приступами мучительной боли. Руки стали постоянно слегка дрожать, а однажды, два месяца назад, у него случился припадок — к счастью, уже после того, как Эоган уснул. Когда мальчик перевернулся на другой бок и сквозь сон позвал отца, Артаган заверил сына, что тому все приснилось. После этого он украл из столовой ложку и, ложась спать, брал ее в зубы, чтобы в случае чего не откусить себе язык.

Теперь, находясь среди других заключенных, он держал руки в карманах робы, чтобы не было заметно, как они дрожат. Он скрывал это и от сына, хотя не имел понятия, насколько успешно. Вся его сила, уверенность и самообладание, с которыми он выходил на ринг, исчезли. Иногда по утрам он едва мог видеть, не говоря уже о борьбе. В свои пятьдесят четыре он превратился в то, что другие заключенные называли «мышь в нокауте», — бывший чемпион, достигший своего предела и ожидающий неотвратимого последнего боя.

Того, который убьет его.

* * *

— Слышал, ты меня искал.

Артаган полуобернулся, все еще пряча ладони в рукавах робы, и увидел седого старого надзирателя Войстока, стоящего с бластером в руке по ту сторону полупрозрачной сетки из проволоки и транспаристали. Как долго охранник там стоял, Артаган не знал. Он не слышал, как тот подошел, из-за шума в коридоре.

Артаган привалился спиной к стене и, стараясь не отводить взгляда от шатающихся мимо него заключенных и не двигать губами, сказал достаточно громко, чтобы надзиратель услышал:

— Спасибо, что пришли.

— Брось, — ответил Войсток. — У тебя есть что-то для меня или нет?

Артаган вынул из кармана правую руку, продемонстрировав аккуратный, толщиной в палец, моток полимерной нити. Он просунул его сквозь проволочную сетку в раскрытую ладонь охранника. Войсток взял моток, встряхнул его и поднес к лицу, чтобы рассмотреть.

— Что это за дерьмо?

— То, о чем мы говорили.

— Ты обещал мне тридцать тысяч кредитов, — усмехнулся Войсток. — Говорил, что у тебя на какой-то другой планете счет в частном банке…

— Офицер, взгляните на то, что я вам дал. Что вы видите?

— Моток ниток. Паршивый моток ниток, которые ты надергал из своей рубашки. Еще один слизняк пытается отвертеться от поединков! — Он бросил моток себе под ноги и уже развернулся, намереваясь исчезнуть там, откуда пришел. — Еще раз попытаешься зря потратить мое время, и тебе даже не придется ждать следующего боя. Понял, что я говорю, ты, ни на что не годный выродок?

— Подождите, — попросил Артаган. Боль зародилась внутри головы — в том же месте за левым глазом. — Просто взгляните. Пожалуйста.

Какое-то отчаяние в его голосе, должно быть, заставило надзирателя остановиться, потому что Войсток повернулся, подобрал моток и снова поднес к лицу, чтобы рассмотреть внимательнее. Неровный свет тюремных ламп осветил завязанные на нити крошечные узелки, собранные в группы, хотя ни одна из них не превышала по размерам блики света, отражавшегося в подозрительных глазах охранника.

Артаган заговорил вновь, тихо и терпеливо:

— В Галактике существует более шести миллиардов

вариантов завязывания узелков, офицер Войсток. Любой узел представляет собой шар, особым образом деформированный в трехмерном пространстве, уникальный, как буква алфавита.

Войсток хмыкнул:

— И это должно для меня что-то значить?

— Предмет, который вы держите в руках, называется *кипу*, или узелковое письмо, — объяснил Артаган. — Любой дроид с самым простым аналитическим модулем способен расшифровать составленное из узелков сообщение. Это не занимает более тридцати секунд. В итоге у вас окажется последовательность из двадцати одной цифры.

— Что, вроде кода?

Артаган кивнул.

— Первые двенадцать цифр — номер банковского счета на Муунилинсте, на котором хранятся тридцать тысяч кредитов. Следующие девять цифр — пароль для доступа к счету. — Он вскинул взгляд на Войстока. — Смотрите сами.

— Узелки. — Охранник фыркнул, но все-таки сунул моток себе в карман. — Старик, ты чокнутый, как мутировавшая вомп-крыса, ты это знаешь?

Артаган слегка улыбнулся:

— Вы не первый, кто делает подобное замечание.

— Допустим, ты говоришь правду. А ты расскажешь мне, как отребье вроде тебя сумело наложить лапу на такие деньжищи?

— Это призовые, — объяснил Артаган. — Я копил их пятнадцать лет.

— В здешних поединках тебе такого не заработать.

— Я собирался жить на них, когда отойду от дел. — Артаган приподнял кустистую бровь, оглядывая холл и слоняющихся по нему заключенных. — Никогда не думал, что придется провести это время здесь.

— Отойти от дел, да? — На этот раз Войсток уже откровенно хихикнул. — Забавный у тебя взгляд на мир, старик, ты это знаешь?

— Возможно, он забавный у нас обоих.

— И как ты себе это представляешь?

— Мы оба обретаемся на плывущем в пространстве кусочке ада, — объяснил Артаган. — Просто по разные стороны от решетки, вот и все.

Войсток глядел на него, прищурясь.

— Да-а, ну, одна большая разница между нами есть, — сказал он, положив руку на плоскую коробочку «дропбокса» на поясе. — Ты обретаешься здесь с бомбой в сердце. Стоит набрать шесть цифр, и ты ляжешь и больше не встанешь. Показать, как это

делается?

— Подождите! — Артаган глядел на него, подняв брови. — Если я чем-то обидел вас…

— А ты знаешь, что мне даже не нужно просить подтверждения у коменданта? — По лицу Войстока промелькнуло нечто похожее на коварную улыбку — только он не улыбался. — Все, что мне нужно, — заявить, что заключенный представлял угрозу. Не нужно заполнять никаких бумаг, и не будет никаких комиссий по расследованию. Блин, да я даже сообщать об этом не обязан! Вы все здесь просто расходный материал. — Он наклонился ближе к Артагану. — А где твой парень?

— Нет, подождите… — Артагана мгновенно охватила паника. — Что вы делаете?

— Просто небольшая демонстрация. — Войсток отстучал несколько цифр на консоли своего «дропбокса». — Твой парень — заключенный 11033, верно?

— Пожалуйста, не…

Войсток пожал плечами:

— Слишком поздно.

И нажал на «ввод».

Артаган застыл. Метрах в двух справа от него заключенный-валптиринец, стоявший, привалившись спиной к переборке, вдруг окаменел, а затем его украшенное бивнями лицо внезапно оплыло. Колени подломились, он сполз по стене и бесформенной кучей рухнул на пол.

Несколько секунд другие заключенные, оказавшиеся неподалеку от валптиринца, косились на тело, а затем разошлись по своим делам, а нескладный лязгающий дроид «Тредвелл» пятой модели подкатился, зацепил манипуляторами труп за лодыжки и потащил его прочь.

— Ой! — Войсток пожал плечами. — Должно быть, неправильно набрал номер. — Он пристально посмотрел на Артагана: — Будь спок, в следующий раз я наберу его верно. — Офицер вновь обратил свое внимание на кипу и провел пальцем по узелкам. — Лучше бы ему быть настоящим.

— Он настоящий.

В черепе Артагана стучало так сильно, что глаза, казалось, готовы были вывалиться из орбит, и больше всего в Галактике он мечтал оказаться в тишине и темноте своего уголка в тюремной камере. Но что-то ему подсказывало: любой намек на слабость способен разрушить слабый проблеск доверия, возникший между ним и надзирателем.

— Если вздумаешь меня обмануть, добром это не кончится ни для тебя, ни для твоего парня, — заявил Войсток. — Теперь ты

это понимаешь, не так ли?

Артаган лишь кивнул:

— Просто возьмите *кипу*.

Охранник прищурился:

— А что ты хочешь взамен? Чтобы я дал гарантию, что ты не будешь больше участвовать в поединках? Чтобы защитил твоего сына? — Он покачал головой. — Говорят, ты сам его серьезно тренируешь, пытаешься научить технике «пятьдесят два кулака», чтобы подготовить к первому поединку. Думаешь, у него действительно есть шансы?

Артаган медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Высказать это вслух, казалось, стоило ему чего-то глубокого и личного, что он предпочел бы держать при себе.

— Нет, — признался он почти шепотом. — Мальчик не боец — это заметит и слепой. Он достаточно быстр, я полагаю, и с каждым днем становится сильнее… но он не убийца. Этому нельзя научить.

Мучительно было произнести это вслух — над всеми этими страшными фактами он размышлял бессонными ночами и ни с кем ими не делился, но одновременно наступило облегчение: у этих фактов появился голос, и он услышал, как они звучат.

— И я знаю, что вы не можете оградить от поединков. Это намного превышает ваши полномочия.

— Так что же тогда? — Войсток сверлил его взглядом, явно раздраженный. — Ты же не станешь утверждать, что вот так просто взял и отдал мне все свои сбережения.

Артаган покачал головой:

— Не стану.

— Тогда чего же ты хочешь?

— Я хочу кое-чего гораздо большего, — ответил Артаган. — Я хочу, чтобы вы помогли нам бежать.

6
ВСЕ ЗАМЕШЕНО НА КРОВИ

Двадцать минут спустя Садики и Весто Слифер спускались в турболифте сквозь этажи «Улья-7». Муун стоял неподвижно, сложив руки и все с той же легкой непроницаемой ухмылкой на устах. Взглянув на него, Садики обнаружила, что эта улыбка нравится ей уже не так, как нравилась двадцать минут назад.

— Операции, которые мы осуществляем с заемными средствами, соответствуют самым высоким стандартам, — заявила она мууну. — Я действительно не вижу причин, по которым МБК решил проводить расследование нашей предпринимательской деятельности.

— Возможно, «расследование» — слишком резкое слово, — отозвался Слифер, безмятежно рассматривая лифтовые датчики. — Можете воспринимать это как плановый аудит, если вам так больше нравится.

— И этот плановый аудит обычно проводит высокопоставленное должностное лицо?

— Мм. — Муун широко улыбнулся собеседнице, будто признавая какую-то незначительную поправку. — Я понял. Фактически, если уж быть совершенно откровенным, комендант, «Улей-7» — абсолютно выдающийся случай среди объектов, которыми владеет МБК во Внешнем Кольце. Конечно, вопросов о вашей рентабельности или безопасности наших текущих капиталовложений в него не возникает.

— А если мы так безразличны друг другу, откуда такой внезапный интерес к нашей деятельности? — поинтересовалась Садики.

— О, уверяю вас, комендант, в нашем интересе к «Улью-7» нет ничего необычного.

Лифт начал сбавлять ход.

— В любом случае МБК всегда проявлял повышенный интерес к уникальным особенностям вашего в значительной степени фантастического успеха здесь, в самом захолустье. — На его лицо вернулась все та же приятная улыбка. — В конце концов, вы занимаетесь одной из разновидностей азартных игр. Хотя вы не похожи на казино, гоночные треки и залы для сабакка, которые финансирует МБК, вложение денежных средств в вашу деятельность никогда не рассматривалось нами как убыточное. Ни разу.

— Вы так говорите, будто это что-то плохое.

— Конечно же нет. — Во взгляде мууна внезапно промелькнула сталь. — Но разве вы не согласитесь с тем, что если что-то кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, возможно, так оно и есть?

— Слишком хорошим, чтобы быть правдой? — Садики выгнула бровь. — Ну, в таком случае давайте взглянем.

Лифт уже остановился. Когда двери распахнулись, она жестом пригласила спутника выйти наружу, на открытые мостки, и не смогла сдержать легкое самодовольство, заметив, как слегка расширились его глаза, а взгляд утратил напускную отстраненность.

В холл со свистом и улюлюканьем вывалила толпа заключенных, они подталкивали друг друга, топоча ботинками по металлическому полу, формируя круг. В центре этого круга кто-то кричал.

— А, — обронила Садики. — Утреннее веселье уже началось.

Прямо под ними, метрах в тридцати внизу, трое арестантов — все люди с бритыми головами и густыми бородами — жестоко избивали какого-то заключенного чем-то похожим на длинные шесты, сделанные из заостренных костей. Когда жертва упала на колени, один из нападавших снова поднял его, а другой вонзил заостренное костяное копье прямо в грудь с такой силой, что оно вышло между лопатками.

— О, — невнятно пробормотал муун. — Что…

— «Короли костей» и «Сила тяжести». Крупнейшие банды в «Улье», — пояснила Садики и пожала плечами. — Время от времени их напряженные отношения прорываются наружу

Мгновение муун обдумывал это.

— Разве возможно доверие внутри банды, когда любого ее члена могут в любой момент выставить на поединок против другого члена той же банды?

— Мы за этим следим, — ответила Садики. — Алгоритм подбора бойцов учитывает наряду с физическими факторами еще и социальные. Вообще-то, мы уже рассматривали идею выставить эти банды целиком друг против друга.

— В самом деле?

— О да. В перспективе драка стенка на стенку, например между некоторыми из «королей» и «сил», может стать событием, которого игорное сообщество никогда ранее не видело. Это уже вызвало значительный интерес кое у кого из тех, кто делает ставки на исход поединков.

— И мне понятно, по какой причине, — сказал муун. Ему пришлось повысить голос: проткнутый насквозь заключенный почему-то заорал громче. Его булькающие вопли вызывали в

толпе лишь смех, и такая ее реакция, казалось, подтолкнула троих «королей» на еще большую жестокость. С воем они вновь вонзили свое оружие в жертву, чье изломанное тело повисло на импровизированных копьях, словно скрюченная марионетка. Это развеселило толпу, а затем избиение окончилось так же внезапно, как и началось. Заключенные разошлись по своим делам, остались лишь трое «королей», склонившихся над изуродованным телом своей жертвы.

— А что они теперь делают? — выдавил из себя Слифер.

— Обвалку туши.

— Что… — Слышно было, как муун сглотнул. — Прошу прощения?

— Они извлекают из тела кости, — пояснила Садики. — Затачивают их о стену и носят в рукавах, как-то так.

— И это вы тоже разрешаете?

Садики пожала плечами:

— Примерно один раз в стандартную неделю охрана обыскивает камеры и конфискует все, что находит.

— Понятно. — Муун кивнул. — Подозреваю, что это великолепный спектакль.

— О нет! — заверила его Садики. — Это вовсе не спектакль. Это одна из причин, почему то, чем мы здесь занимаемся, не приедается игрокам. Взгляните правде в глаза, господин Слифер. В Галактике, где так много виртуального и симулированного, мы предлагаем реальность такой, как она есть. Кроме того, мы обсуждаем перспективу предоставления крупным игрокам возможности прилететь и посмотреть поединки лично.

— Здесь? Непосредственно в тюрьме?

— Нашими предложениями всерьез заинтересовались некоторые игорные объединения даже на Корусанте.

— Что ж. — К мууну вернулась невозмутимость. — Похоже, вы просто кладезь блестящих идей, комендант.

— Не я одна, — скромно кивнула Садики. — Хотя мне нравится считать «Улей-7» горнилом, где рождаются истинное величие и всеобщая выгода. У раттатаки есть прекрасная поговорка, которая очень точно это описывает: «Чи мото, мандо санги».

— Что означает…

— «Все замешено на крови».

— Провокационное заявление, — заметил Слифер и вновь взглянул на трех заключенных, уже бегущих прочь, оставив лежать на стальном полу безжизненное тело.

— Они удивительно быстро справились, не так ли?

Финансист содрогнулся. Несмотря на отделявший их от

заключенных толстый защитный слой транспаристали, в воздухе все время присутствовал всепроникающий запах крови, грязи и болезни.

— Все это несколько отличается от залов для игры в сабакк на Ламаридде, вы не находите? — поинтересовалась Садики.

Казалось, в голову Слиферу пришла новая мысль:

— Заключенные могут нас видеть?

Садики качнула головой:

— С этого ракурса — нет. На верхних мостках дежурят охранники, кроме того, внизу есть камеры видеонаблюдения.

— И вы позволяете им вот так свободно разгуливать?

— Слово «свободно» здесь вряд ли применимо. — Садики сверилась с хронометром в своем планшете. — Они постоянно наблюдают друг за другом, и мы постоянно наблюдаем за ними.

— Значит, у вас никогда не случалось побегов?

Она приподняла бровь:

— Я думала, мы обсуждаем финансовые вопросы, господин Слифер.

— Это важный момент. Этим вашим заключенным целыми днями нечего делать, кроме как изучать тюрьму и выискивать слабые места в ваших системах безопасности.

— Каждому заключенному имплантируется…

— Я осведомлен об этой процедуре, — сухо прервал ее муун. — Тем не менее я считаю… — Его голос затих. — Неважно.

— Неважно что?

— Вы провели для меня исчерпывающую демонстрацию причин, по которым ваша деятельность продолжает вызывать такой горячий интерес среди игроков и поклонников кровавого спорта. Но это еще не все, не так ли?

— Я не уверена, что понимаю вас.

— О, я думаю, вы все прекрасно понимаете. — Муун сложил ладони тыльной стороной, сплетя пальцы, и в раздумье коснулся ими груди. — Для того чтобы «Улей-7» приносил ту астрономическую прибыль, о которой сообщает мой совет директоров, вам необходимо уметь предсказывать победителя почти со стопроцентной вероятностью. — Он развернулся к женщине. — Не думаю, что вы заинтересованы раскрыть МБК, как именно вы это проворачиваете.

Садики оглянулась на лифтовую кабину.

— Пойдемте со мной, — предложила она.

7
«СИЛА ТЯЖЕСТИ»

Мол наблюдал, как пустеет столовая.

Когда все заключенные ушли, он так и остался стоять у стены, наблюдая за охраной верхнего периметра — как они патрулируют тюрьму, прохаживаясь туда-сюда. Он отметил маршруты патрулей и технических дроидов, сновавших по столовой среди зеков. Поначалу казалось, ничего не меняется. В свете потолочных ламп он следил, как взаимодействуют охрана, дроиды и заключенные, как они движутся друг относительно друга — каждый по собственному маршруту. Где-то они двигались, где-то просто стояли и ждали, за ними темнели проемы, ведущие к неосвещенным камерам.

Итак, им известно, что он направится в вентиляционный туннель номер 11-AZR.

Здесь попахивало ловушкой, обыкновенной примитивной западней. Тем не менее это могла оказаться та самая возможность, которой он ждал. Вспоминая слова Койла, Мол остро ощущал напряжение в груди — чувство, что нужно срочно идти и утверждаться среди тех, кто с удовольствием расправится с ним, предаст его и сделает все, чтобы помешать выполнению его задания. Этого хочет от него учитель.

«Ты внедришься туда под видом преступника, — говорил ему Сидиус, — и будешь жить среди этих животных под личиной наемника и убийцы, полагаясь лишь на собственные ум и хитрость, причем не только в целях выполнения возложенной на тебя задачи, но и ради самого выживания. Ты должен понимать, что любой заключенный в любой момент будет искать возможность нанести тебе удар в спину».

Выпрямившись, Мол в очередной раз окинул взглядом столовую, пока не нашел то, что искал. В голове у него уже начала формироваться идея. Примитивно, но должно сработать.

Слева от него шайка, которую Койл назвал «Силой тяжести», — всего шесть или семь душ во главе с ногри и его дружком-нелваанцем — продолжала болтаться у выхода: причем все они пристально наблюдали за ситхом. Мол направился прямо к ним. Приблизившись, он заметил, что все они начали напрягать и сгибать обнаженные правые руки, словно мышечные волокна единого организма. Ни один не отступил.

— Это ты Страбон? — спросил Мол.

Ногри даже не дрогнул:

— Кто спрашивает?

— «Короли костей». — Мол оглянулся на банду, столпившуюся в противоположном углу столовой. — Хотят встретиться.

Заключенный прищурился:

— Что?

— Вон те негодяи. Мол повернулся, чтобы взглянуть через зал туда, где в своем углу толпились «короли», уставившись на него даже пристальней обычного. — Просили передать тебе сообщение.

— Какого рода встреча?

— Не знаю, и мне все равно, — ответил Мол и заглянул ногри в глаза, побуждая того отвернуться. — Они сказали, приходи к вентиляционному туннелю 11-AZR.

Развернувшись, он ушел, не потрудившись оглянуться. Когда он приблизился к дверям, путь ему преградил заключенный из «Королей костей», бородатый мужчина, которого Койл назвал Нейлхедом. Это было чудовище в человеческом обличье: лоб изборожден шрамами, в носу торчала заостренная кость, в бороде засохшая кровь, во рту — желтые кривые зубы, торчащие вкривь и вкось.

— Эй, выродок! — окликнул он ситха.

Мол молча уставился на него.

— Я Васко Нейлхед. Я главный у «Королей костей». — Человек позволил ухмылке пробежать по своему лицу. — Полагаю, ты мне скажешь, о чем вы там шептались с «Силой тяжести»?

— Спроси у них сам, — огрызнулся Мол и собрался было идти дальше, но человек протянул руку и остановил его.

— Я спрашиваю тебя.

Нейлхед наклонился к нему так близко, что Мол ощутил запах крови у него в бороде. Из его рта разило, как из могилы. Из-под манжеты робы мелькнуло что-то заостренное, желтовато-серое, едва видное на уровне горла, готовое разить.

— А теперь я еще раз спрошу, я сегодня добрый. Что ты им сказал? Ты говорил о том, что было сегодня утром?

— Они хотят встретиться, — ответил Мол.

— Это правда? — Нейлхед облизнул губы. — И где же, по их мнению, должна состояться встреча?

— Вентиляционный туннель 11-AZR. — Мол придвинулся ближе. — Да, и они сказали мне еще кое-что.

— Что же?

— Они сказали, готовьтесь истечь кровью.

8
МОЛЧАЛИВАЯ МАТЕМАТИКА

Двери турболифта раскрылись в полной тишине.

Садики провела Весто Слифера через вычислительный центр, наполненный перемигивающимися консолями и шкафами с серверными стойками; заполнявшее всю ширину эргономичной, плавно изогнутой стены окно выходило на центральный ангар тюрьмы.

Весь вычислительный центр, казалось, затаил дыхание. Шагавший рядом с комендантом Слифер открыл было рот, собираясь что-то сказать, но остановился, озадаченный, потому что не удалось издать ни звука. Садики кивнула вверх, указав подбородком на сетку из конусов акустической пены, которые крест-накрест выстилали стены и потолок, поглощая каждый децибел шума, рожденного в окружающей среде.

Муун понимающе кивнул. Мгновение они просто стояли и смотрели на молодого человека, работавшего за своей консолью: он изучал потоки данных, полученных предыдущей ночью, проводил диагностику, вносил мелкие коррективы; все это составляло смысл его присутствия здесь.

Наконец Садики тронула рычажок, клинья на стенах и потолке слегка изменили угол наклона, и зловещую тишину будто смыло хлынувшими в помещение извне гулом и грохотом. Одновременно у присутствующих возникло впечатление, будто все находящееся здесь вздохнуло с облегчением.

— В высшей степени впечатляет, — проговорил Слифер, когда к нему вернулся голос. — Полагаю, здесь поработали генераторы «белого шума»?

Садики кивнула:

— Не только они. Также планировка и отделка. Само помещение центра представляет собой безэховую камеру.

— Звукоизолированное помещение?

— Звук не может проникнуть ни изнутри наружу, ни снаружи внутрь, — уточнила она. — Вы что-нибудь знаете о пониженном акустическом сопротивлении?

— Боюсь, это далеко за пределами моей эрудиции.

Садики указала на стены:

— Вот эти клинья из пены расположены под углом девяносто градусов друг к другу. Когда они выровнены, пирамидальные поглотители вызывают непрерывное изменение диэлектрической постоянной. — Она покачала головой. — Все это создает то, что

мой брат называет «абсолютно свободным пространством бесконечного размера». Оно буквально пожирает звуковые волны.

— Ваш брат… — Муун покосился на молодого человека, сидящего за главным пультом. — Судя по вашим словам, он очень умный.

— Очень. — Она вздрогнула. — Лично у меня от этого места мурашки по коже.

— Ага. — Муун снова улыбнулся ей. — Вы предпочли бы, чтобы здесь было шумно?

Садики пожала плечами:

— Я предпочла бы, чтобы здесь была жизнь.

— В этом мы с вами сходимся. Здесь настолько тихо… — Муун с возросшим уважением оглядел помещение. — Знаете, в какой-то момент я даже не слышал, как бьется мое сердце.

— Я никогда к нему до конца не привыкну. Конечно, не я придумала все это соорудить.

Подойдя к молодому человеку в сером кителе, Садики наклонилась, чтобы коснуться губами его щеки:

— Ты спишь?

Он повернулся, чтобы взглянуть на нее, и рассеянная, детская улыбка возникла на его лице — лице молчаливого близнеца, ее персонального призрака, будто она только что разбудила его, видевшего приятный сон. Садики знала, что улыбка предназначалась не ей, но это не делало ее менее привлекательной; женщина понимала, что первейшее и главное удовольствие в жизни для ее брата всегда исходило от его алгоритмов.

— Позвольте вам представить моего брата Дакарая, — произнесла Садики. — Дакарай, это Весто Слифер из МБК. Он приехал проверить нашу работу и убедиться, что мы не запускаем руку в чужой карман.

— О нет! — запротестовал Слифер. — Я не стал бы расценивать мою задачу таким образом. — Он решился подойти ближе к стеллажам с носителями данных и модулями их обработки. — Значит, это вы знаменитый Дакарай Блирр? Я много слышал о вас, и все из достоверных источников. — Муун протянул руку. — Рад с вами познакомиться.

Дакарай лишь посмотрел на протянутую ему руку с непроницаемым лицом, отвернулся и взялся за белую керамическую кружку с кофе, украшенную стилизованной эмблемой «Улья-7».

— Вы должны извинить моего брата. — Садики наблюдала, как он берет кружку обеими руками, словно ребенок, и подносит к губам. — Он ни с кем не разговаривает вот уже десять лет.

— В самом деле? — поразился муун. — Даже с вами?

— Боюсь, за это время я не слышала от него ни единого слова, — ответила Садики, внимательно глядя на брата с намеком на грусть — реальную или мнимую, даже она не могла точно определить. — Сейчас я даже не уверена, что смогу узнать его голос.

Дакарай посмотрел на нее. Глаза программиста мерцали над краем кружки, бледно-голубые и слегка водянистые, светящиеся где-то глубоко внутри. При свете мерцающих мониторов Садики они иногда казались почти похожими на серые жидкие кристаллы, словно капельки конденсата, глубоко посаженные на гладком, бледном лице; высокий лоб и аристократический нос разительно напоминали ее собственные. Как и у нее, у брата были черные как смоль, слегка взлохмаченные волосы, неровная челка небрежно падала на лоб.

— Ни единого слова целых десять лет, — проговорил муун, глядя на Дакарая так, словно тот предстал перед ним в совершенно новом свете. — Он дал какой-то обет?

— Не думаю, что это каким-то образом связано с религией, — ответила Садики, нежно проводя пальцами по волосам брата. — Дакарай — знаток беззвучия. Когда мы с ним разговаривали в последний раз, он сказал, что, по его мнению, тишина алгоритмической определенности находится ближе всего к чистой радости из когда-либо им слышанного. Все остальное, включая его собственный голос, лишь отвлекает.

— Я понял.

— Он как-то говорил мне, что математика — это музыка, и она идеальна. И с чего мы взяли, что можем улучшить ее своими воплями и бормотанием?

— Математика — это музыка, — повторил муун; ему явно понравились эти слова. — Снова наши с вами мысли совпадают — и меня от этого факта прямо жуть берет. Что же касается математики... — Он вновь повернулся к консолям. — Предполагаю, именно здесь работает ваша программа? Та система, что управляет поединками, верно?

— Верно. Дакарай сам написал весь код. Когда он пять лет назад закончил модернизировать организацию сухопутных гонок на Андо для клана Десилиджик, у него возникла идея создать совершенно новую программу... — Увидев, что Дакарай вздрогнул, услышав выбранное ею слово, она поправилась: — Прости, алгоритм, способный анализировать все данные всех потенциальных участников боев в замкнутом помещении, чтобы устраивать самые захватывающие поединки в истории галактических единоборств.

— И таким образом, — муун подался вперед, — отсюда вы можете наблюдать...

— За каждым аспектом поведения каждого заключенного, — подхватила Садики. — Да, все верно. Все, начиная от веса и частоты сердечных сокращений до постоянно меняющихся альянсов как среди конкретных заключенных, так и союзов банд, которые могут влиять на исход поединка. Алгоритм все это анализирует и ежедневно выдает два набора номеров заключенных для двух поединков.

— Для двух?

— Мы подумываем добавить еще один. — Взгляд Садики вновь обратился к мониторам, она присмотрелась. — Есть что-нибудь новое?

Дакарай замер и потряс головой, положив кончики пальцев на переносицу. Слегка нахмурясь, он отстучал на консоли еще несколько команд, подождал, пока экран заполнят данные, и, прищурившись, принялся их разглядывать.

— Что это? — спросила Садики брата.

Выражение лица Дакарая продолжало оставаться мрачным, и Весто Слифер наклонился, чтобы взглянуть на один из мониторов с дальнего правого края, где заключенный-забрак с рожками на голове шел сквозь толпу в холле, устремляясь в тень коридоров.

— Если я не ошибаюсь, это ваш новый чемпион? — осведомился муун.

— Да, это он победил прошлой ночью.

— И довольно эффектно победил, если мне не изменяет память. — Слифер повернулся к Садики: — Куда он идет?

— Куда бы он ни шел, — сказала Садики, сверяясь с хронометром и свежими данными, только что появившимися на мониторе Дакарая, — долго он там не задержится.

— Почему?

Она адресовала ему кривую ухмылку:

— Скоро узнаете.

9
НАД СХВАТКОЙ

Следуя по залитым ярким светом просторам центрального холла тюрьмы, Мол бросил взгляд вверх, на тянувшиеся над головой вентиляционные шахты, на каждой из которых были по трафарету нанесены номера и названия обслуживаемых ими помещений. Полустертые буквы складывались в едва читаемую надпись: VC 09-AMA.

Он двинулся дальше, ведя кончиками пальцев по покрытой конденсатом стене, ощущая, как капельки становятся все холоднее. По мере того как ситх продвигался вперед, потолок делался ниже, а коридор — уже. Сверху слышался непрерывный заунывный рев воздушных фильтров и блоков переработки воздуха с вентиляторами размером с турбину звездолета, но и этот шум полностью не перекрывал звуки, доносившиеся из тюремного холла у него за спиной. В просветах между всем этим оборудованием поблескивали черные линзы, следя за каждым его шагом. Когда проход закончился, влившись в перпендикулярный ему коридор, ситх свернул вправо, миновал первый вливавшийся в него коридор и прочитал надпись на идущей по его потолку трубе: VC 11-AAR.

Уже ближе.

Шум гигантских вентиляторов остался позади, и теперь Мол слышал, как в пространстве отдаются эхом его собственные шаги. Он остановился и потянул носом воздух: пахло стоячей водой и моторным маслом. Вне всякого сомнения, и здесь имелись камеры видеонаблюдения. Но это не имело значения. Если бы кто-то в тюремной администрации хотел остановить его, они могли в любой момент перекрыть проход.

Он двинулся дальше, проверяя маркировку вентиляционных шахт через каждые несколько метров. Когда он дошел до номера 11-AZR, коридор, по которому он двигался, пересекся с очередным проходом. Мол свернул в него и через три шага наткнулся на вделанные в стену скобы, напоминающие ступеньки, которые вели вверх, к эксплуатационному люку.

Он замер.

За его спиной, там, откуда он пришел, что-то двигалось, производя равномерный вибрирующий шум. Мол затаил дыхание и прислушался.

Звук походил на шорох крыльев.

Взглянув вверх, он увидел его: черный силуэт пролетел прямо

над ним. Мол вовремя отпрянул — существо промелькнуло так близко к лицу, что он ощутил на щеке жирную, пахнущую мускусом гладкость черных перьев. Развернувшись в воздухе, птица уселась на толстый электрический кабель, сложила крылья и уставилась на него сверху вниз черными безразличными глазами.

Мол поднял взгляд на пернатое существо.

Это оказался когтекрыл, ростом почти полметра, маленький для своей породы. Мол видел голозаписи, как они охотятся на вомп-крыс на Вейленде, их когти напоминали виброклинки, а зазубренный клюв обладал способностью пронзать плоть, словно масло. Но что представитель этого мутировавшего вида из Внешнего Кольца делает в тюрьме?

Не отрывая от забрака равнодушного взгляда, когтекрыл раскрыл клюв и издал громкое, резкое карканье. Оно прозвучало как смех. Птичий крик раскатами пронесся по всему коридору. Мол нахмурился, глядя на тварь. Она производила слишком много шума, за которым он не в состоянии был еще что-либо расслышать.

— Убирайся отсюда, — велел Мол. — Прочь!

Птица осталась сидеть и каркнула громче, будто решила выдать местонахождение ситха всей округе. Забрак поднял с пола валявшийся металлический болт и швырнул его в тварь, — та взмыла вверх с испуганным криком и умчалась вниз по коридору.

В наступившей тишине Мол вновь прислушался, склонив голову набок. Теперь ему удалось разобрать то, ради чего он явился сюда.

Шаги.

Быстрые, но не торопливые, и становящиеся все быстрее. Кто-то крупный, судя по звуку, и в нем нет неуклюжести или неуверенности. Носит сапоги и облечен властью.

Мол вскарабкался по стальным скобам к потолку. Обхватив ногами подвешенный под потолком электрический переключатель, он ухватился за край эксплуатационного люка и подтянул себя кверху, чтобы скрыться в тенях. Забрак напряг все тело, обездвижил каждый мускул и обратил самое пристальное внимание на лежащий под ним перекресток двух проходов.

Прямо под ним возникла фигура. Надетое на ней снаряжение слабо флуоресцировало, подсвечивая шлем и лицевой щиток, тяжелая черная ткань униформы шуршала при приближении.

Охранник.

Мол обнаружил, что глядит прямо на макушку шлема надзирателя. Сверху невозможно было разглядеть его лицо. Не то чтобы это имело значение...

— Я знаю, что ты здесь, — произнес офицер, поворачивая голову из стороны в сторону. Одна его рука покоилась на поясе, но не на бластере — а на кое-чем другом, на плоской черной консоли «дропбокса», прикрепленного к его бедру, со светящимся зеленым дисплеем, изображение на котором Мол не мог разглядеть под таким углом. — Зачем ты ищешь Зеро?

Мол крепче вцепился в люк, за который держался, и позволил себе глубоко вздохнуть. Капля влаги, холодной как лед и маслянистой, сорвалась с одного из проходивших по потолку конденсаторов, упала ему на голову, скатилась между рожками и соскользнула вниз по щеке к подбородку.

— Зеро уже знает, что ты особенный, — говорил между тем охранник. — Слышал, что ты убийца. Видел, что ты боец. Ты здесь не случайно.

Выслушав это, Мол даже не пошевелился.

— С его точки зрения, есть лишь одна причина, по которой кто-то вроде тебя забрался в столь отдаленный уголок Галактики и ищет здесь его, — продолжал охранник. — Ты прибыл сюда, чтобы его убить. Я прав?

Мол выжидал. Офицер прекратил крутить головой по сторонам в его поисках. Теперь его взгляд был прикован к чему-то прямо перед ним.

Капелька сорвалась с подбородка Мола и ударилась о шлем стоящего внизу человека с мягким, но хорошо слышным шлепком. Охранник застыл, а потом запрокинул голову и посмотрел прямо на Мола, белки его глаз отражали омывавший его желтовато-красный свет.

— Я так и думал, — сказал он. — Знаешь что? Мне даже не нужен вот этот бластер, чтобы разобраться с тобой. — Он указал на «дропбокс», прикрепленный к поясу. — Я уже ввел сюда твой номер, слизняк. Я нажму кнопку, бомба у тебя в груди взорвется, и ты умрешь прежде, чем шлепнешься на пол.

— Где Зеро? — спросил Мол.

— Ты что, шутишь? — Пальцы охранника дернулись над переключателями консоли на поясе: забрак был почти уверен, что он пока еще не слышит шум, доносящийся из дальнего конца прохода, — приглушенные голоса и шаги, на протяжении последних нескольких секунд неуклонно становящиеся все яснее и яснее. — Ты в самом деле считаешь, что он позволит тебе вот так просто взять и свалиться на его голову? — Теперь поведение офицера изменилось: возникла колючесть, а игривость, если она и была, пропала. — У тебя нет ни единого шанса.

— Я думаю, что есть, — произнес Мол.

Отдаленные звуки между тем стали отчетливее: голоса

больше не стремились быть тихими, шаги больше не были приглушенными. Мол наблюдал, как проявлялась реакция офицера: случившееся застало того совершенно врасплох; и все равно было уже слишком поздно. Топот ног обрушился на них, словно буря; шум лавиной зазвенел о металлические стены и встряхнул коридор от начала до конца. В проходе, над которым устроился рогатый ситх, с двух сторон раздались рев и яростные вопли, заполонившие замкнутое пространство.

— Какого?.. — Охранник развернулся, не веря своим глазам.

Ему врезали с двух сторон одновременно. Со своего места под трубопроводом Мол имел великолепный обзор развернувшегося внизу побоища. Вал бритоголовых заключенных человеческой расы, «Королей костей», катился с одной стороны коридора, в то время как вторая масса тел, «Сила тяжести» под предводительством ногри Страбона, валила им навстречу, чтобы столкнуться с противником лоб в лоб. Попавшего в эпицентр свалки офицера мгновенно затоптали.

Мол выжидал. Секунды до нужного момента отсчитывали его внутренние часы, принцип действия которых основывался на чистых рефлексах. Заключенные уже принялись вопить. Из своего укрытия забрак слышал хруст ломающихся костей.

Пора.

Крепко держась ногами, Мол повис вниз головой и вытянул руки, едва не касаясь дерущихся. Он схватил охранника за ремешок шлема, выдернул его вверх и, воспользовавшись его шлемом в качестве тарана, вышиб технологический люк и затолкал человека внутрь. Со всех сторон начали завывать сигналы тревоги.

Мол протиснулся в эксплуатационную шахту вместе с охранником, держа того за горло.

— Отключи сирену! — приказал он.

— Не могу, — прохрипел тот. — Он не...

Мол подтащил человека обратно к открытому люку.

— Отключай, или я брошу тебя к ним. Они тебя сразу разорвут в клочья.

— Говорю же, не могу! Сигнализация отключается с центрального пульта! Клянусь!

Мол прижал правую руку человека к краю распахнутого люка, с силой захлопнул его и удержал на месте. Вопль охранника достиг верхних регистров и рассыпался.

— Где Зеро? — мягко шепнул Мол ему на ухо.

— *Я не знаю!* — Лицо офицера залила мертвенная бледность, за исключением двух ярко-красных пятен, лихорадочно горевших на щеках. В глазах стояли слезы от боли. — Никто не знает!

— Разве это возможно? Везде же есть камеры.

— За ним не следят! Он приходит и уходит! Даже охрана не знает, откуда он появляется и куда исчезает!

— Тогда почему чадра-фан отправил меня сюда?

— Говорю тебе, Зеро думает, что ты собираешься убить его!

— Передай ему, что я его ищу, — произнес Мол. — Скажи, что мне нужна личная встреча, а не засада.

— Он так дела не ведет!

— Где его камера?

— Восьмой уровень, камера двадцать два. Дверь за дальним углом — придется поискать, но она там, я клянусь. *Пожалуйста, отпусти меня!*

Мол отпустил люк, позволив ему распахнуться. Охранник застонал и, поскуливая, освободил свою сломанную руку, баюкая ее другой рукой, словно мертвого маленького зверька, безвольно выглядывающего из рукава. Он медленно поднял взгляд на заключенного. Что-то свирепое промелькнуло в его глазах, наполнив их гневом.

— Заключенный 11240, — произнес он, положив здоровую руку на кнопку активации «дропбокса». — Считай, что ты мертв, слизняк.

Мол внимательно глядел на него.

— Увидим.

Офицер нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

10
ШКУРНЫЙ ИНТЕРЕС

— Вы сохранили ему жизнь, — констатировал Весто Слифер, стараясь, чтобы слова звучали буднично. — Зачем?

Ни один из Блирров ему не ответил. Сидящий за пультом Дакарай чуть-чуть склонился вперед в своем кресле, указательный палец его правой руки все еще удерживал кнопку дистанционного деактиватора «дропбокса» охранника.

Садики склонилась над плечом брата для лучшего обзора. Все пять ближайших к Дакараю экранов были перенастроены, чтобы под разными углами отображать эксплуатационную шахту, обеспечивая полный обзор забрака и охранника, которому тот только что сломал запястье.

Дакарай нажал на другую кнопку, запустив стартовый отсчет.

— Что происходит? — осведомился Слифер. — Это...

Внезапно сам окружавший их воздух разразился низким звучным гулом. Возникшие в уголках всех экранов часы начали обратный отсчет от пяти минут. До Слифера донесся взрыв статических помех, и долю секунды спустя из недр космической станции вырвался трубный глас, заполонив, казалось, весь мир своим непрерывным вибрирующим ревом.

Дакарай поморщился. Сотрясения становились все более сильными, ритмичными, пульсирующими, словно билось сердце какого-то колоссального существа при реанимации. На поверхности кофе в его чашке появилась рябь; не отрывая взгляда от экранов, он протянул руку, чтобы поддержать ее.

— Что все это значит? — поинтересовался Слифер. Он догадался, что происходит, но уже давно открыл для себя, насколько ценно задать очевидный вопрос в подходящий момент. Муун повернулся к Садики и громко, чтобы услышали за ревом трубы, спросил: — Что происходит?

— Алгоритм моего брата отобрал двух бойцов для следующего поединка. — Комендант улыбнулась, глядя на один из экранов. — Сейчас мы сведем их вместе.

— Заключенный 11240, — прочитал муун в досье, которое высветилось на экране. — Это забрак?

— Джаганнат, — подтвердила Садики. — Верно.

— И поэтому вы?..

Она кивнула.

— Мы отменяем полномочия охраны активировать электростатический детонатор, если данный заключенный

занесен в список участников боев. — Движением подбородка она указала на мониторы. — В данном случае 11240 снова был отобран.

— И кого вы выставите против него?

— Подождите и узнаете, — пообещала Садики. — Не хочу портить сюрприз.

Слифер оглянулся на прочие экраны, где заключенные по всему «Улью-7» спешили по коридорам в свои камеры на контроль. Вся космическая станция сотрясалась с такой силой, что мууну пришлось приникнуть к стене и обхватить своими изящными тонкими пальцами опору, чтобы не упасть. Он чувствовал, как жужжат и пощелкивают внутренние механизмы «Улья-7»: их движения отдавались сквозь покрытие пола у него под ногами в лодыжки и колени.

— Это всегда происходит так громко?! — крикнул он. — Такое чувство, что вся станция ходуном ходит!

— Не вся, а лишь около восьмидесяти пяти процентов, — поправила Садики, указав на изображение прямо над мониторами: подробную схему космической станции в высоком разрешении, изменяющую конфигурацию в реальном времени.

Слифер молча уставился на схему, словно загипнотизированный. Его языком всегда были цифры, его поэзией — шаблоны данных, но происходившее здесь в данный момент являлось для него в равной степени захватывающим: детальная схема показывала, как целые блоки и этажи перемещались, менялись местами, полностью изменяя саму архитектуру тюрьмы.

— А вот и новый соперник для нашего чемпиона. — Садики указала на свой монитор.

Слифер взглянул на изображение.

— 11240 будет бороться с этим?

Садики кивнула.

— Мы еще ни разу не выставляли его на поединки, — пояснила она. — Пара вольнонаемных охотников за головами привезла его из заброшенного космопорта в системе Аноат, в Исонском коридоре. — Она взглянула на экран. — Мы думаем, это существо и ранее участвовало в незаконных гладиаторских боях. Оно называется...

— Я знаю, как оно называется, — перебил ее мууи.

Садики явно впечатлили познания банкира:

— Вы раньше видели представителей этой расы?

— Не совсем так, — принялся объяснять Слифер. — Однажды МБК принимал участие в суде над одним бывшим клиентом, обвиненным в незаконной торговле мехами во Внешнем Кольце.

Сами мы, естественно, никакого участия в этом не принимали, но известно, что браконьеры и охотники на крупную дичь охотятся на этих существ уже многие десятилетия. — Он покачал головой. —

Причем охотников погибает даже больше, чем дичи. Это хищники двух с половиной метров ростом и зачастую весом более двухсот килограммов, с острыми как бритва зубами и когтями. И они необычайно жестоки.

— Выходит, что такой расклад вам не нравится? — поинтересовалась Садики.

— Это существо против забрака? — Муун моргнул. — Такой поединок вряд ли можно назвать честным.

— Но вы не видели, как дерется 11240.

— При всем уважении, комендант, не думаю, что в этом есть необходимость.

— Посмотрим. — Садики указала на верхние консоли, где в реальном времени выводились сведения о распространении свежих данных по Галактике. — Как всегда, букмекеры и владельцы казино имеют стандартное пятиминутное «окно» для оценки шансов. Посмотрим, что думают об этом поединке в игорных синдикатах других миров. — Она воззрилась на дисплей, где демонстрировались ставки: миллионы кредитов ставились на обоих бойцов. — Похоже, большинство согласны с вашей оценкой.

— А вы? — поинтересовался муун. — На кого ставят достопочтенные координаторы «Улья-7»?

— Мы ставим на того, кого указывает алгоритм.

— Всегда?

— Без исключений.

— И ваш алгоритм никогда не ошибается? — спросил Слифер.

Садики повернулась к брату. Дакарай отстучал несколько команд и подождал, когда система выдаст ответ.

— Ты прав, — сказала она. — Это далее неинтересно.

11
ОТТУДА, ГДЕ ЛЬДЫ И СНЕГА

Когда Мол добрался до своей камеры, в запасе оставалось всего несколько секунд.

Люк захлопнулся прямо за его спиной, магнитные запоры включились со звуком, напоминающим запирающийся вакуумный замок. Желтые огоньки на панели начали перемигиваться красным. Все вокруг него, вся камера уже принялась менять форму: пол под ногами прогнулся, стенные панели начали находить друг на дружку с уже привычным скрежетом металла по металлу, сужаясь кверху, чтобы слиться с потолком.

Делая медленные вдохи и выдохи, он улучил момент, чтобы вернуться мыслями к недавним событиям. Ни одно из них не имело смысла. И он едва ли планировал извлечь из них какой-то смысл.

Западня в вентиляционном туннеле сработала, как он и ожидал — точь-в-точь как задумано. Ситх в полной мере предугадал подставу, и надзиратель не разочаровал его. Личности вроде Айрема Радика не выжить столь долгое время без армии агентов и соглядатаев. Их он вербует как среди заключенных, так и среди охраны, чтобы ввести в заблуждение тех, кто явится сюда по его душу. Может, Зеро работает на Радика? Может ли все быть так просто?

Имелся и более насущный вопрос — почему он не умер, когда охранник активировал вживленные в его сердца заряды? Быть может, в последний момент каким-то образом вмешалась сама темная сторона, стремясь спасти его?

Размышляя о последствиях этого события, Мол даже затаил дыхание. Несмотря на все разговоры Дарта Сидиуса о его роли как ученика и, возможно, преемника, Мол все же чувствовал свою крайне малую причастность к Великому плану ситхов по покорению Галактики и ничтожность своей роли в его осуществлении. По приказу темного владыки он провел несколько лет в тренировках на Орсисе, а затем на Корусанте, в здании «ЛайМердж», претерпевая лишения и соблюдая самую суровую дисциплину в ожидании визитов учителя. И это было правдой: Сидиус долго и упоенно разглагольствовал о темной стороне, о ее мощи, и более смутно — о месте, которое предстояло занять Дарту Молу, и забрак продолжал изучение искусств ситхов. В самые отчаянные моменты Мол смелел настолько, что позволял себе питать надежду, что придет момент,

когда Сила полностью проявится в нем, и он безошибочно поймет, что это — судьба.

Мог ли этот момент наступить сегодня?

Если да...

Внезапно камера резко накренилась, и все находившееся в ней устремилось вниз. Мол ухватился за ручки по бокам скамьи и закрепился на месте, чувствуя, как кровь приливает к лицу, когда вся камера перевернулась вверх ногами, затем кувырнулась вбок, качнувшись влево-вправо. Его обиталище сделало оборот вокруг своей оси, дернулось влево, проехало вперед, снова дернулось вправо. На мгновение он потерял равновесие и еще крепче сжал ручки.

Раздался громкий лязг, и камера резко остановилась. Что-то зашипело; распахнулся гидравлический люк с другой стороны одной из стен, но люк его собственной камеры оставался заперт.

Затем он услышал...

За стеной раздался низкий горловой рык.

Мол закрыл глаза и прислушался. Что бы ни оказалось по ту сторону этого люка, судя по издаваемым звукам, оно было крупнее и голоднее существа, с которым он дрался ранее. В рыке хорошо различался грудной тембр, сотрясающий сам воздух. Ситх поймал себя на том, что начинает распространять свои чувства, и заставил себя прекратить: голос учителя жег ему слух с их последней встречи на Корусанте.

«Понимаешь ли ты, — сказал ему Сидиус, — что, если в какой-нибудь момент ты откроешь свою истинную сущность владыки ситхов, твое задание можно считать проваленным? Никогда и ни при каких обстоятельствах не используй Силу, или все окажется бесполезным. Ты осознаешь масштабы возложенной на тебя ответственности?»

Мол осознавал. Очень хорошо осознавал.

Он остался сидеть неподвижно, прислушиваясь, настраивая себя в соответствии с обстоятельствами. Рев прозвучал снова, на этот раз громче и дольше — он превратился в вопль неприкрытой ярости. В камере ситха отчетливо слышался лязг металлических цепей; что-то внезапно ударило в стену, раздался оглушительный треск, перегородка между камерами содрогнулась. Послышался очередной рев — громче предыдущих, отдавшийся у забрака в груди. Тварь за стенкой уже почуяла его запах, он был в этом уверен. Теперь уже недолго.

Световая панель на стене перестала моргать и загорелась ровным красным светом.

Дверь распахнулась.

* * *

Один долгий миг Мол стоял неподвижно, рассматривая существо.

Вампу приковали к полу камеры цепями, крепившимися к ошейнику и тяжелым нейлостальным кандалам на руках и ногах. Стоя, он возвышался почти на три метра, его густой мех слипся от грязи, жира и крови. Правый рог цвета охры сломался пополам, превратившись в зазубренный изогнутый кинжал, торчавший из черепа. На груди и животе целые полосы белой шкуры были содраны, обнажая сморщенную, покрытую рубцами плоть — без сомнения, результаты предыдущих поединков. Существо приподняло верхнюю губу, чтобы показать острые как бритва клыки, изо рта у него потекла слюна; оно разразилось ревом, в котором сплелись голод, разочарование и ярость, и рванулось из цепей.

Мол все еще стоял неподвижно. Он позволил себе потратить несколько секунд на оценку места, где им предстоит сражаться, — высоту потолка, диаметр камеры, — прежде чем вернуть пристальный взгляд к желтым полуразумным глазам существа.

Итак, пора.

Будто услышав его мысли, вампа пригнулся, собираясь с силами, и в этот момент расстегнулись его кандалы. Мол не слышал, как они упали на пол.

Тварь бросилась на него.

Забрак подпрыгнул, уклоняясь от первой атаки, но чудовище взмахнуло массивной лапой и когтями проскребло по его спине, разрывая мускулы и оставляя в плоти противника глубокие борозды. Мол ощутил, как воздух покидает легкие. Жестокое, горячее острие — даже теперь, когда он отказался считать его болью, — поселилось в боку, глубоко угнездившись в нервных окончаниях. Внезапно камеру заполнил острый медный запах его собственной крови.

Нырнув вниз и тут же подпрыгнув под потолок, он почувствовал, как горячая жидкость струится по бедру и стекает на пол под его ногами. Он поскользнулся и впечатался в возникшую перед ним стену. Действительно ли камера стала меньше, чем была совсем недавно? Возможно ли, что она прямо сейчас изменила форму?

Мол сделал вдох и сосредоточился. Все происходит слишком быстро. Надо снизить скорость. Но вампа уже рванулся к противнику, замахиваясь длинными гибкими лапами: когти разрезали тень, Мол отбросил свое тело к покатой стальной

стене, и челюсти существа сомкнулись всего лишь в нескольких сантиметрах от его лица. Ситх скользнул по луже собственной крови, перекатился по полу до свободного пространства и вскочил за спиной твари быстрее, чем та сумела обернуться. Отведя руку назад, он напряг плечо и впечатал локоть в основание черепа противника, вложив всю силу рук и плеч в удар, который должен был размозжить чудовищу шею.

Ничего. Как будто он изо всех сил ударил локтем каменный монолит, покрытый толстым слоем меха. Существо, подняв лапы, снова повернулось к нему, казалось заполнив собой все пространство камеры. Когда оно в очередной раз взревело, рев больше походил на стон — надломленный, влажный горловой крик, будто тварь каким-то образом мучила себя, нападая на противника. В мозгу Мола вспыхнула догадка.

С этим существом что-то не так. Оно не...

Когтистая лапа вампы рванулась вперед, по диагонали располосовав лицо ситха.

Горячая вспышка гнева испарила момент ясности. Мол нагнул голову, напряг все внутри, и камеру снова наполнил рев — на этот раз его собственный рев, исходящий из самых сокровенных и первобытных глубин его сущности. Он открылся ему, отдался под контроль ядовитого гнева, быстрого, слепящего и могучего. Теперь уже недолго. Отбросив яркий жар, пылающий на щеке и переносице, как он только что отбросил странный проблеск прозрения, он нагнулся и принял низкую стойку, позволяя вампе вновь навалиться на него.

Следующий шаг станет для чудовища последним.

Мол резко выпрямился навстречу вампе, вонзил свою рогатую макушку снизу в голову твари, размозжив ей нижнюю челюсть и вогнав внутрь осколки костей. Ситх даже ощутил, как трещит череп вампы, и интуитивно понял, что нанес смертельный удар.

Но когда он снова поднял взгляд, тварь все еще стояла на ногах и наступала на него, воя и голося, — слепой колосс. После удара забрака ее морда будто вдавилась внутрь, превратившись в кровавое месиво с торчащими обломками костей. Где-то в кипящем котле своего гнева Мол ощутил волну недоверия.

Как он до сих пор может бороться?

Вопреки всякой логике, он бросился на противника — швырнул в него все свои когти и зубы, всё свое убийственное непоколебимое сосредоточение. Уперевшись ногами в стену, Мол ухватился за единственный оставшийся рог твари и приложил всю силу своих мускулов, чтобы склонить ее голову набок. Ему удалось отвернуть голову чудовища от себя, но в последний момент он понял, что не может удержать ее. Внутри у вампы

оказалось нечто гораздо более прочное, чем он рассчитывал.

Тварь снова бросилась на забрака, вонзила зубы ему в плечо, повредив важные нервные центры. Вся сила из руки и запястья испарилась, тело предало его в самый ответственный момент. Уронив руки, он попятился, уставившись на своего противника. Тьма, о которой он не знал ранее, заполонила периферическое зрение — плотная, пульсирующая, густеющая с каждой секундой. Впервые произошло невозможное — появилась перспектива, что Дарт Мол действительно потерпит поражение.

Он запрокинул голову, не давая крови залить глаза.

«Взгляни на него, — призвал голос, исходивший откуда-то из глубин сознания. Принадлежал он не Сидиусу, а инстинкту самосохранения, которым Мол обладал на много дольше, чем служил своему повелителю. — Разве ты не видишь?»

Мол взглянул. С вампой что-то было не так — что-то глубоко и крайне неправильное, выходящее за рамки и генетически заложенной жестокости, и всей предыдущей жизни хищника-убийцы. И он сразу понял, как покончить с этим противником.

Собрав все оставшиеся силы, Мол ринулся на чудовище. Сжав ладони так, что пальцы превратились в когти, он погрузил их в шкуру соперника, разрывая мягкие ткани. Вампа взвизгнул и заревел, но Мол его едва слышал. Сунув руки поглубже, он погрузил их по локоть, просунул между ребрами в полость грудной клетки, пошарил там и на ощупь нашел то, что искал, — скользкую, пульсирующую массу сердца.

Мол схватил его, сплетя пальцы обеих рук, и стиснул.

Сердце вампы лопнуло у него в пальцах, словно плотный волокнистый бутон. И тут же тварь упала навзничь — в неловкой, неуклюжей позе, ударившись о стену с низким стоном, будто освобожденная от зависимости намного худшей, чем любые цепи или оковы. Чудовище издало последний кашляющий крик, содрогнулось и затихло.

Мол слизнул с зубов кровь и сплюнул. Отшатнулся, попытался удержать равновесие, но не смог. Усталость уже брала над ним верх, накинув плотную, неумолимую сеть, затруднявшую самое простое движение. Перенесенную кровопотерю так легко не восполнить. Снова подступила тьма, и он понял, что на этот раз не сможет ей противостоять.

Последнее, что он видел, — стены вокруг него сдвигаются и начинают расти.

Затем наступила тьма.

12
РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Тви’лек, известный под именем Зеро, появился из-за угла и вошел в столовую. Как всегда, он без лишнего шума возник в толпе заключенных, достаточно плотной, чтобы никто не заметил, откуда он взялся. Что касалось появлений, Зеро был образцом абсолютной хитрости: только что его не было, и вот он уже тут.

Заключенные в столовой занимались делом: только что начался обед. Зеро молча пристроился за двумя арестантами, только что взявшими свои подносы, и пододвинулся к ним ближе:

— Есть новости?

При звуке его голоса те обернулись и искоса посмотрели на него.

— Здорово, Зи, — ответил один из них, кривя щербатый рот. — Где пропадал?

— То тут, то там, — неопределенно ответил тви’лек. — А что?

— Просто любопытно, вот и все. А то мы все думаем, что с тобой случилось, когда взорвалась бомба.

Тви’лек нахмурился и покачал головой.

— Не было никакой бомбы.

— Не было?

— Кухонный персонал обнаружил в посудомоечной машине скороварку, набитую химикатами. — Он взглянул на заключенных, выстроившихся в очередь за едой. —

Думаю, некоторое время нам придется есть из грязной посуды.

Второй его собеседник моргнул, переваривая информацию.

— Кто-то посылает сообщение? Или отвлекает внимание?

— Вряд ли.

— Тогда что?

Зеро не ответил — он осматривал помещение столовой. Стоявший справа от него контрабандист и трижды неудачник по имени Миггс пожал плечами.

— И ты что-то собираешься сделать в ответ, так?

Рассеянно кивнув, Зеро шагнул вперед. Двигаясь со своими подносами вдоль раздаточных столов, они миновали пять-шесть членов «Силы тяжести» с опухшими и покрытыми синяками лицами. По крайней мере у одного из них все еще сочилась кровь из ран, перевязанных самодельными бинтами.

— Слыхал, что с ними случилось? — поинтересовался Миггс.

— Сшиблись с «Королями костей», — ответил Зеро. — Говорят, у них была встреча в туннелях прошлой ночью, незадолго до поединка.

— Надо же! — Миггс подставил свой лоток, и дроид, стоявший за раздаточным столом, шлепнул в него ковш бесцветного белкового геля. — Тьфу! Эта дрянь воняет еще хуже, чем обычно.

Подошедший вслед за ним Зеро протянул свой лоток. Кухонный дроид издал щелчок в знак того, что опознал его, сделал паузу, развернулся, снял крышку со стоявшей рядом кастрюли и сложил свои манипуляторы в виде щипцов, чтобы положить Зеро исходящее паром ароматное мясо и свежие овощи.

— Стейк из траладона средней прожарки с рамореанским овощным рагу и свежей зеленью суфара, — объявил он.

— Благодарю. — Зеро кивнул и взял поднос, в то время как дроид вернулся к баку с серой гелеобразной жижей, чтобы выдать следующему осужденному в очереди его порцию.

— А ты, кстати, видел тот бой? — поинтересовался он.

— Да ты шутишь! — Миггс взглянул на дружка: тот плелся вслед за ними в дальний угол зала к столу, за которым они обычно ели. — Мы с Хэлликом записали всю драку на голо и посмотрели его уже раз восемь, верно?

Его дружок Хэллик кивнул, усаживаясь.

— Крутая драка! Тебе тоже стоило записать ее, Зеро, честно!

— Неужели? — Тви'лек отрезал тоненький ломтик стейка и понюхал, прежде чем положить в рот. — И что там было?

— Этот краснокожий урод, его теперь Зубом кличут. Как там его зовут, Джаганнат? — Миггс зачерпнул ложкой из своей тарелки, отправил еду в рот и утерся рукавом. — Его снова выпустили на арену, выставили против того чокнутого снежного зверя...

— Вампы? — Тви'лек приподнял бровь. — Я не знал, что здесь до сих пор держат вамп.

— Одного *держали*, — мрачно сказал Миггс, снова берясь за ложку. — Так вот. Все началось прям так, как ожидаешь. Этот вампа отшиб этому краснокожему его нечестивые кишки, реально заставив его потерять обед. Я говорю, так даже нечестно. Мы все уже решили, что господин Зуб на этот раз потерял не зуб, а гораздо больше. Понимаешь, о чем я толкую? — Он снова зачерпнул из своей тарелки, положил в рот, пару раз двинул челюстями и проглотил. — И тут так внезапно, когда уже думаешь: «ну все» — бам! — Миггс грохнул кулаком по столу и помолчал для пущего эффекта. — Этот Зуб, прикинь,

дотягивается и разрывает зверюге грудь...

— Вот прямо так и разрывает?

— ...а потом засовывает руки вампе в живот по локоть, хватает сердце и, прикинь, давит его голыми руками!

— Ммм. — Зеро отрезал еще один кусочек стейка. — Впечатляет.

— Я не вру, чувак! Мы все видели. А потом — бум! Вампа вроде как валится на пол и помирает. — Миггс снова потряс головой. — Нелинейно. Заставляет задуматься.

Зеро прекратил жевать.

— Задуматься?

— Ну, я грю... — Миггс взял ложку, соскреб еду с краев тарелки и снова положил ее. — Грю я, если размышлять над этим — ну, у них тут есть вампа, и, если честно... кто знает, чем еще они тут затарились?

— Например?

— Ну, я грю, например, волкочервь.

Зеро обратил на него непроницаемый взгляд:

— Ты правда в это веришь?

— Не знаю, чувак. Слыхал, вот и все. Что он далеко, на нижних уровнях тюрьмы, где никто никогда не был.

Тви'лек собрался было ответить, но ощутил тычок достаточной силы, чтобы оттолкнуть в сторону его тарелку. Он обернулся и увидел, что прямо за его спиной стоят четверо заключенных.

«Короли костей». Зеро внимательно, одно за другим, рассмотрел их лица.

— Знатная у тебя жратва, Зи-иро, — сказал лысый бородач, стоявший впереди, — имя он намеренно коверкал с издевательской интонацией, — глядя на недоеденный стейк и овощи на тарелке тви'лека. — Я всегда хотел тебя спросить — как так получается, что ты питаешься лучше, чем все остальные?

— Мне кажется, это совершенно очевидно, — отозвался Зеро. — Я занимаю более высокое положение, чем вы.

— Да ну?

— С почти всем возможным уважением — да, — подтвердил Зеро.

Между ними воцарилось молчание. Он узнал стоявшего перед ним человека — Васко Нейлхед, босс «королей». Нейлхед был каннибалом и в среде зрителей гладиаторских поединков славился тем, что обычно поедал хотя бы часть любого убитого им существа. Поговаривали, что он принадлежит к какой-то секте, что получает от поклонников письма, передачи и даже иногда предложения вступить в брак, — хотя ходили слухи, что

дома, на Тепаси, у него имелась большая семья.

— Забавно, что... — Нейлхед злобно смотрел на него, в уголках его губ пузырилась слюна. Сквозь ткань левого рукава его робы проступало что-то длинное и тяжелое, а из-под манжеты выглядывал заостренный кончик этого предмета. — Бьюсь об заклад, тебе кровь пустить так же легко, как любому. А ты что думаешь?

Краем глаза Зеро увидел, как Миггс и Хэллик храбро поднялись на ноги и встали в защитную стойку. Он жестом попросил их сесть.

— Все в порядке, — спокойно произнес он. — Я уверен, что господин Нейлхед готов принести извинения за свое неподобающее поведение.

— Снова ошибся, Зи-иро.

Не дожидаясь ответа, Нейлхед нагнулся, схватил Зеро за воротник и вздернул его на ноги так резко, что поднос тви'лека перевернулся и загремел по полу, а остатки стейка и зелени посыпались под ноги. Кость в рукаве Нейлхеда теперь четко проступала сквозь ткань, а ее острый конец упирался во впадину у основания шеи Зеро.

— Смотри-ка, мы кое-чему научились прошлой ночью, когда столкнулись в туннелях с «Силой тяжести», — проговорил Нейлхед. — И мы научились, и они. Можно сказать, выработали вместе новую стратегию.

— О. — Взгляд тви'лека оставался безмятежным. — И что это за стратегия?

— Ты нам и близко не нужен так, как мы нужны тебе. Факт в том, что единственная причина, по которой ты рулишь местечком вроде этого, — эти слизняки думают, что ты это делаешь. Когда они перестанут так думать, ты перестанешь здесь всем заправлять.

— Замечательно, — произнес Зеро. — Просто чудо, что никто из вас не пострадал при таком умственном напряжении.

Нейлхед хмыкнул.

— И вполовину не так замечательно, как будет, когда мы вытащим тебя из туннелей и вырвем у тебя горло.

— А Делия этого хотела бы?

Нейлхед застыл. Он еще плотнее прижал костяное острие к горлу Зеро и впился в него взглядом.

— Что ты сказал?

— Твоя сестра, — пояснил тви'лек. — Она до сих пор шлет тебе письма, не так ли? Потому что она думает о тебе. Она еще помнит время, когда вы вместе жили на Тепаси. После всего, что ты сделал, она не перестает надеяться, что ты вернешься и снова

станешь тем мальчишкой, которого она помнит. Который пел «Сахарный замок Фронда», заставляя ее хохотать над каждой строчкой.

Нейлхед шумно, неглубоко вздохнул и чуть-чуть склонил голову. С его лица, обрамленного торчащей всклокоченной бородой, исчезла вся свирепость, и оно приобрело странно расслабленное, безучастное выражение.

— Откуда... — Он сглотнул и продолжил необычно хриплым голосом: — Откуда ты знаешь о ней?

— Я сижу уже долго, — ответил Зеро. — Если бы ты сидел здесь столько, сколько я, тоже узнал бы много всего такого. Заинтересованная личность вроде меня держит уши открытыми, поэтому может услышать многое. Например, о твоей семье и твоей сестре. И конечно, я могу передавать сообщения отсюда на волю и обратно.

Нейлхед отпустил его и отступил на шаг. На мгновение в мутных, сумеречных глубинах его взгляда мелькнуло нечто, что можно было бы принять за искру настоящей вежливости, — отдаленная ясность, напомнившая человека, которым он, возможно, был до того, как много лет назад ступил на путь морального разложения.

— Может быть, пришло время вам вернуться к вашим дружкам, господин Нейлхед, — произнес Зеро таким вежливым, терпеливым тоном, каким мог бы предложить отправиться на вечернюю прогулку. — Похоже, возникли некоторые обстоятельства, которые вам следует обдумать.

Нейлхед сделал еще один шаг назад, его руки неуклюже повисли. Он ничего не сказал, даже не моргнул, просто развернулся и стал пробираться по столовой обратно, туда, где ждали остальные «Короли костей».

— Вот это да! — выдохнул Миггс — они с Хэлликом наблюдали за отступлением Нейлхеда. — Зеро, это просто *потрясно*, даже для тебя. Как это ты его...

Он обернулся к столу и умолк.

Зеро уже не было.

13
ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Мол ждал в камере, когда тви'лек вернется из столовой, притаившись в тени сразу за дверью. Услышав звук приближающихся шагов, он вышел из своего укрытия.

Мгновение Зеро пялился на него. К его чести, он не пытался бежать. Он даже не выглядел особенно удивленным.

— Джаганнат, — сказал он. — Удивительно хорошо выглядишь, учитывая обстоятельства.

Мол ничего не ответил. За двенадцать часов, прошедших с момента поединка с вампой, он почти полностью залечил раны, нанесенные чудовищем. На лице еще оставались налитые кровью шрамы от когтей, однако подвижность руки полностью восстановилась, а сила забрака после поединка, казалось, лишь возросла — как растение, пышно разрастающееся после того, как его обрезали у самого корня.

— Знаешь, — произнес Зеро, — я все думал, когда же нам выпадет шанс встретиться.

— Ты постарался, чтобы это было непросто, — заметил Мол. — Для начала отправил ко мне надзирателя.

— Само собой, личность вроде меня не может позволить себе отбрасывать слишком длинную тень. Уверен, ты понимаешь, — слегка улыбнулся Зеро. — В любом случае, справиться с ситуацией для тебя не составило большого труда.

— Я ожидал западни.

— В таком случае рад, что не разочаровал тебя. Чему обязан таким вниманием?

— Мне кое-что нужно.

— Никакого притворства. Свежо. — Тви'лек снова улыбнулся. — Присаживайся. Устраивайся поудобнее. Могу я тебе что-нибудь предложить?

Забрак молча остался стоять. За час, проведенный в камере в ожидании хозяина, он ее тщательно обыскал. Результаты оказались весьма плодотворны. Внешне обиталище Зеро не отличалось от прочих камер «Улья-7», однако обладало множеством преимуществ, незаметных с первого взгляда. Под койкой обнаружилась небольшая библиотека, потайная ниша с пищей, питьем и утварью и несколько тайников с узлами электронных устройств в различных стадиях сборки.

— Хочешь перекусить? — осведомился Зеро, вытаскивая из-под койки узкую коробочку с едой. — Мой ужин сегодня грубо

прервали, так что я надеюсь, ты простишь меня, если...

— Мне нужен Айрем Радик.

— Что... — Зеро бесстрастно взглянул на него. — Прошу прощения?

— Я знаю, что он здесь. Мне нужно встретиться с ним лично, и как можно скорее. Кажется, ты именно тот, кто способен организовать такую встречу.

Тви'лек не ответил. Мол неподвижно стоял, буравя его взглядом.

«Ты должен неустанно трудиться, — сказал ему Сидиус. — Используй любую появившуюся в твоем распоряжении возможность для сбора информации. Мы располагаем крайне малым сроком, чтобы организовать покупку ядерного устройства у Радика и передачу его в руки „Бандо Гора". Но одновременно ты должен иметь в виду, что в „Улье-7" имя Айрема Радика всегда произносится с трепетом».

Тем не менее в данном случае Зеро удивил его. Мгновение он тупо смотрел на Мола, кусая губы, затем его рот дернулся — и за этим последовал взрыв хохота, неожиданный поток веселья, казалось по крайней мере на секунду полностью лишивший тви'лека самообладания.

— Я вынужден извиниться, — выговорил наконец Зеро, похоже взяв себя в руки. — Видишь ли, это просто... о боги... — Пытаясь восстановить дыхание, он вытер выступившие слезы и поднял взгляд на Мола. — Айрем Радик, говоришь? Ты многого не просишь, верно? — Еще раз хихикнув, он тряхнул головой. — Скажи, я могу сделать для тебя что-то еще? Может, тебе нужен личный истребитель? Аудиенция у Галактического Сената? Утраченные луны Явина?

Мол без выражения глядел на него.

— Извини, — сказал Зеро. — Это не твоя вина. Я вижу, тебя ввели в заблуждение насчет масштабов моих возможностей. Если тебе нужно получить в обход тюремных правил некие продукты, или более удобную робу, или даже конкретное домашнее животное, тогда да, я мог бы помочь, но...

— Мне нужен Радик, — заявил Мол. — Я знаю, что он здесь. Если кто-то и может найти его, это ты.

Тви'лек уже полностью овладел собой и перестал смеяться. Он уселся на койке, положил коробочку с едой на колени и воззрился на Мола.

— Позволь, я расскажу тебе одну историю, — произнес он. — Доставь мне такое удовольствие.

Не дожидаясь ответа, Зеро снял синтетическую обертку, прикрывавшую блюдо из глазированных красноваторозовых

фруктов, помедлил мгновение, чтобы вдохнуть запах, и взял маленький кусочек.

— Около двух лет назад сюда прибыл заключенный. Он тоже заявлял, что ищет Айрема Радика. Эта заблудшая душа утверждала, что он не только знал Радика ранее, но и фактически спас Радику жизнь несколько лет назад, на другом краю Галактики — и что Радик каким-то образом вызвал его сюда, в «Улей-7», чтобы предложить в качестве благодарности некую защиту.

Зеро отправил в рот очередной кусочек, тщательно разжевал и проглотил.

— Я даже не говорю, что все это полнейший бред. Этот новый заключенный считал, что Радика арестовали и прячут где-то здесь. Он бесчисленное множество раз приставал ко мне с расспросами, настаивая, что я должен помочь ему, и отказывался признавать причину, по которой я не мог ничего сделать.

— Что это за причина? — спросил забрак.

Зеро ответил не сразу — сначала он дожевал свою еду и вытер губы. Затем снова посмотрел на Мола; взгляд его был сама искренность и откровенность.

— Айрема Радика не существует. Он — миф, поучительная история из тех, которые мелкие торговцы оружием рассказывают своим детям на ночь. «Не задирайся, а то придет Айрем Радик и заберет тебя». Что-то в этом роде.

Зеро закончил трапезу, отбросил в сторону коробочку и встал напротив Мола, повернув голову так, чтобы смотреть посетителю прямо в глаза, сохраняя при этом значительную дистанцию.

— Слушай меня внимательно, Джаганнат. Этой так называемой личности, которую ты ищешь, здесь нет.

— Что случилось с тем заключенным?

— Прости?

— С тем, кто утверждал, что спас Радику жизнь, — пояснил Мол. — Что с ним произошло?

— О, — неопределенно откликнулся Зеро. — Он по-прежнему где-то здесь. В конце концов он бросил поиски. Полагаю, он разуверился в своих заблуждениях. Знаешь ли, здесь есть такая тенденция. Ты и сам поймешь это... если доживешь.

Ситх промолчал.

— А теперь, — заявил тви'лек, — поскольку ты попал в беду, пока искал меня, я чувствую, что обязан спросить, есть ли что-нибудь еще, что тебе от меня нужно? Что-нибудь реальное?

— Да.

— И что же?

— Мне нужен передатчик. Устройство дальней связи, которое

невозможно отследить. Подойдет любой подпространственный видеопередатчик. Я знаю, что у тебя в камере есть для него все необходимые детали.

— Ты... — Впервые во взгляде Зеро отразилось замешательство. — Ты что, нашел их?

— Он нужен мне как можно скорее, — ответил на это Мол.

— Твоя просьба стоит недешево. Ты должен понимать, что все виденные тобой компоненты ввезли сюда тайно, подвергая огромному риску се...

— Твоя цена? — прервал его Мол.

— Итак. — Тви'лек сделал вдох, затем медленно выдохнул. — Раз уж ты спрашиваешь... Похоже, у меня возникли некоторые трудности с «Королями костей» и «Силой тяжести». Они...

— Что еще?

— Еще? — Ошеломленный Зеро заморгал. — Уверяю тебя, этого вполне достаточно.

— Готовь передатчик, — велел Мол. — У тебя больше не будет никаких проблем с бандами.

14
НАСЕКОМЫЕ В МОРИЛКЕ

Страбон ненавидел прачечную.

Когда он впервые попал сюда, в «Улей-7», восемнадцать стандартных месяцев назад, его определили на работу в прачечную. Он целыми днями вкалывал до седьмого пота среди гигантских стиральных и сушильных машин в компании других заключенных и неисправных дроидов, в окружении пропитанных запекшейся кровью тюремных роб и постельного белья. Возложенный на него — казалось бы, по стечению обстоятельств — однообразный каторжный труд среди пота и вони оказался для него хуже, чем смерть.

Но это длилось недолго. Вскоре он продвинулся в иерархии «Силы тяжести» — задушил главаря и легко занял его место, и теперь ему уже почти год ни к чему было спускаться сюда.

Несмотря на это, когда он вошел внутрь во главе своей банды и в нос ударила слишком знакомая, жалящая вонь вязкого воздуха в тесном, захламленном помещении, он будто вернулся на родину, откуда некогда бежал в ужасе. В данный момент машины затихли — их отключили на ночь, но слабый вой, который они издавали сейчас, почему-то оказался еще навязчивее.

— Не вижу смысла бродить здесь посреди ночи, — прорычал он и через плечо оглянулся на бандита, стоявшего у него за спиной. — Ты уверен, что речь шла об этом месте?

— Да. — Этот заключенный, длинномордый и зубастый нелваанец по имени Ижмаш, был вторым в банде после главаря. — Сообщение пришло прямиком от Хелкона.

— То есть нас вызвал сюда сам капитан охраны? И зачем? Что есть такого, чего нельзя сказать нам наверху? — Страбон встряхнул головой. — Все это дурно пахнет.

Помощник ничего не ответил. На воле нелваанец промышлял информационным пиратством. Сюда, в «Улей-7», его упрятали по статье за информационную диверсию. Не будучи по натуре ни бойцом, ни убийцей, он, благодаря сочетанию верности и необыкновенных познаний в технологиях, стал незаменим для Страбона и «Силы тяжести» — или, по крайней мере, настолько незаменим, насколько это возможно там, где каждого могут в любой момент вызвать на поединок, чтобы драться насмерть.

Страбон понимал, что сейчас не время заострять на этом внимание. Час назад Ижмаш сообщил ему, что получил через

тюремного дроида секретное послание от офицера Хелкона, служившего в «Улье-7» капитаном охраны. В нем предписывалось всем тринадцати членам «Силы тяжести» спуститься в прачечную на какую-то тайную встречу на высшем уровне между бандитами и надзирателями. Страбон достаточно давно возглавлял банду, чтобы понимать: игнорировать подобные «повестки» означало подставляться под удар. Хелкон, вероятно, не станет взрывать вживленные в его сердце заряды за столь мелкую провинность, но надзиратель способен отравить ему жизнь тысячью других способов — от уменьшения пайка до помещения его в отдельную камеру со строгой изоляцией, пока он не полезет на стенку.

Таким образом, вся «Сила тяжести» в полном составе сейчас пробиралась среди чанов с химикалиями и трубопроводов, перекачивавших литры промышленных растворителей и моющих средств, а также охладителей для сверхпроводников в двигателях гигантских стиральных и сушильных машин.

— В любом случае, как долго нам придется здесь торчать? — проворчал Страбон, бросив взгляд на стиралки и сушилки — в темноте зияли их распахнутые семидесятисантиметровые люки. — Хелкон хотя бы сказал, чего он хочет от нас?

— Нет.

— Даже не намекнул?

— Только, что надо спуститься вниз. — Ижмаш пожал плечами. — И все.

— Сукин сын понимает, что не может нас тронуть, верно? — проговорил Страбон. — Впредь...

Он внезапно умолк, услышав топот окованных металлом подошв, приближавшийся из полутьмы дальней ниши, который их обладатель не особо стремился скрыть. В прачечной имелся лишь один вход, что означало...

«Они уже здесь. Ждут нас».

— Хелкон! — проревел Страбон — его резкий голос лишь слегка приглушали вызывающие клаустрофобию размеры помещения. — Мы пришли. Что ты собираешься нам сказать такого важного в это время ночи?

Раздался громкий лязг — это за их спинами захлопнулся входной люк. Когда Страбон сообразил, что произошло, он уже мог разглядеть тех, кто стоял перед ним...

Не охранники.

«Короли костей».

Впереди стоял сам Васко Нейлхед, его покрасневший лысый череп выпирал навстречу конкурирующей банде, словно гнойный нарыв.

Учитывая все обстоятельства, Нейлхед, как оказалось,

удивился не меньше Страбона.

— Что за?.. — произнес он, делая шаг вперед. Они приблизились уже настолько, что Страбон мог пересчитать все шестнадцать «королей», столпившихся у него за спиной. — Ты?

— Нейлхед! — Страбон вперил взгляд в соперника, чье имя слетело с его губ, словно брань. Краем глаза он удостоверился, что Ижмаш и остальное его «войско» мрачно готовятся к драке: вытаскивают из-под роб короткие проволочные плети, веревочные дротики и метательные когти. Это оружие, изготовленное из всякого мусора, тайно отточенное и отполированное, было излюбленным инструментом «Силы тяжести», и они всегда держали его под рукой. — Чего ты здесь забыл? Хочешь отыграться?

— Если ты этого хочешь... — Нейлхед перевел взгляд на Ижмаша, маячившего за плечом Страбона.

— Мы получили известие, что надо прибыть сюда, — объяснил нелваанец. — Хелкон передал его мне через служебного дроида.

— Мы тоже, — проронил Нейлхед.

— Что? — Страбон уставился на него. — Быть не мо...

Остальные слова потонули в свистящем шуме, раздавшемся откуда-то из огромных чанов. Обе банды развернулись к источнику звука. Страбон узнал этот шум, и кровь застыла в его венах. Из емкостей повалили плотные облака переохлажденного пара и заклубились вокруг заключенных, высасывая из воздуха кислород.

«Охладители», — подумал ногри, и в мозгу вспыхнуло воспоминание, как его предупреждали насчет жидких азотистых и гелиевых моющих средств: любая трещина или утечка способна в буквальном смысле высосать кислород из легких того, кому не посчастливилось оказаться в этом замкнутом помещении.

«Вентиляционная вытяжка на потолке. Ее выключатель наверху...»

Слишком поздно. Страбон ощутил, как сплющивается трахея, пытаясь прогнать через себя адскую смесь, что должна быть воздухом, но вместо этого жалит нежную внутреннюю поверхность горла, словно рой ос. Легкие в груди смялись, как пустые бурдюки, силы разом покинули тело, а пол бросился вверх и ударил его в лицо, словно огромный кулак. Глаза и ноздри горели, легкие протестующе подрагивали. Он не мог забраться наверх, чтобы включить вентиляцию, потому что не мог даже свободно сделать вдох.

Раздался долгий вязкий крик. Страбон приподнял голову и напряг слезящиеся глаза. Нейлхед и «Короли костей» сгибались

пополам, хватаясь за грудь, судорожно дыша и кашляя, и валились на пол вперемешку с «Силой тяжести». Менее чем за тридцать секунд утечка криогенного вещества сделала то, чего не сумела бы никакая дипломатия: объединила обе банды в братство отчаянной борьбы за кислород. Страбон видел, как его подчиненные валяются рядом с «королями», бок о бок, униженные в свои последние мгновения, неотличимые от помещенных в морилку мух.

«Во имя лун Реннокка, мы все здесь умрем!» — в смятении подумал он. И тут включился всеподавляющий, первобытный механизм борьбы за выживание, более властный, чем все сознательное, заменяющий все прочие инстинкты.

«Наружу. Наружу. Немедленно наружу...»

Спотыкаясь, он двинулся к выходу сквозь ряды своих собственных головорезов. Страбон ощупью нашел направление — но лишь затем, чтобы убедиться, что люк заперт. Что-то ударило его по руке, словно таран, и он понял, что рядом кто-то есть — кто-то огромный и неистовый.

Это оказался Нейлхед. Бородач тоже стремился наружу: он все отчаяннее дергал рычаг ручного открывания двери, стучал по нему, пытаясь вырваться из западни, в которую превратилась прачечная. Его некогда внушительное лицо превратилось в заросшее волосами, залитое потом, скованное ужасом пятно.

Вдруг Страбон ощутил, как что-то сверху схватило его за руку.

Он поднял взгляд.

На них обоих сверху вниз взирал забрак по имени Джаганнат; его рот и нос закрывал аварийный респиратор. Страбон уставился на него, не уверенный до конца, является ли то, что он видит, реальностью, или это побочный эффект от вдыхания паров криогенных веществ. Он располагал не более чем мгновением, чтобы задуматься над подобной возможностью, потом забрак отодвинул его в сторону и шагнул в тесное помещение, к открытым емкостям с криогенными веществами, испускавшим все более густые облака бронзового цвета.

«Закрой клапан! — хотел было заорать Страбон, хотя в данный момент его голос представлял собой лишь бледное воспоминание. — Надо...»

Но Джаганнат уже занялся делом. Он подтянулся, ухватившись за вделанные в стену скобы, легко взобрался по ним на крышку бака и закрыл расположенные с двух сторон клапаны. Забрак еще что-то включил, и Страбон в изумлении наблюдал, как лопасти вентиляторов у него над головой приходят в движение, выгоняя прочь пары криогенных веществ и наполняя

запертое помещение свежим кислородом.

Воздух вскоре очистился. Вентиляторы трудились. Страбон наблюдал, как они вращаются — круг за кругом — и как медленно, ужасающе медленно, горящие комки в его легких начинают рассасываться и исчезать.

Забрак отключил вентиляторы.

Воцарилась тишина.

— Слушайте меня.

Страбон протер глаза, закашлялся, сплюнул и наконец посмотрел вверх. Окружавшие его «короли» и «силы» глядели на забрака, разинув рты, с одинаковым выражением всепоглощающего, не до конца осознаваемого удивления.

— Какого хрена тебе надо? — сумел выговорить Нейлхед: он осип, превратившись лишь в слабое подобие прежнего себя.

Джаганнат никак на него не отреагировал.

— Произошла утечка охладителя, и это не случайность. Ее организовал капитан охраны Хелкон. Я подслушал, что он планирует. Поэтому он и позвал вас сюда.

Никто ничего не ответил. Возможно, из-за того, что известие обрушилось на банды столь внезапно, никто не решился первым возразить на это обвинение.

— Он хочет уничтожить обе банды, — объявил забрак. — Уничтожить вас всех. От вас стало больше проблем, чем пользы. Комендант Блирр не позволила ему это сделать, поскольку некоторых из вас выбрали для участия в поединках, поэтому Хелкон решил устроить так, чтобы это выглядело как несчастный случай.

Молчание.

— У меня не было необходимости спасать вас, — продолжал Джаганнат. — Я мог просто позволить вам всем подохнуть здесь. А теперь каждый из вас... — Он обвел взглядом желтых глаз обе банды, их смятенные, бледные лица. — Все вы видели, как ваши так называемые предводители только что поступили — они отвернулись от вас, чтобы спасти свои шкуры. Скреблись под дверью, как собаки, чтобы выбраться наружу. Меньше сделать для вас они не могли.

Толпа дружно зароптала. Страбон инстинктивно выставил перед собой руки, защищаясь. Бандиты из «Силы тяжести» и «Королей костей» обратили гневные взгляды к нему и Нейлхеду, их лица, на которых читались боль и паника, уже сменили выражение с подозрительного на яростное.

— Он прав! — выкрикнул кто-то. — Я тоже видел!

— Они привели нас сюда!

— Это они!

— Стойте! — Страбон попятился и уперся в Нейлхеда — тот уже прижимался спиной к стене. Остальные заключенные все плотнее смыкались вокруг них. Ижмаш оскалился, показав хищные острые зубы. Страбон почувствовал, как полдесятка рук тянутся с полдесятка различных направлений, чтобы схватить его и разорвать в клочки.

— Время банд подходит к концу, — раздался сверху голос Джаганната. — Хелкон не успокоится, пока не уничтожит вас всех.

— Не получится! — Страбон обвел рукой всех бандитов — и «королей», и «силы». — Мы под защитой! Потому что все, что мы делаем, мы делаем ради служения Радику...

Его голос оборвался. Заключенные, еще долю секунды назад готовые броситься на главаря, отступили, создав вокруг него свободное пространство, как будто обнаружили, что Страбон страдает какой-то ужасающе заразной болезнью. Даже Нейлхед отодвинулся подальше.

Джаганнат пристально посмотрел на ногри сверху вниз:

— Что ты сказал про Радика?

Страбон опустил голову.

— Каким образом банды работают на него? Что они делают?

Страбон покосился на Ижмаша, но нелваанец избегал встречаться с ним взглядом. Впрочем, как и все остальные. Страбон осознал, что превратился из предводителя в абсолютного изгоя, произнеся всего лишь одно-единственное имя.

— Говори. — Джаганнат бросил еще один взгляд на обе банды, прежде чем вновь обратить его на Страбона. Молчаливое послание было абсолютно понятным: «Твоей власти конец. Теперь только я смогу тебя защитить».

Страбон открыл рот и захлопнул его, клацнув зубами. Когда он в конце концов заставил голос повиноваться, слова слетали с его губ неохотно, будто их вытаскивал невидимый крючок.

— Запчасти, — проговорил он. — Для оружия.

— Что с ними?

— Они... их привозят контрабандой. Каждый из нас получает по одной детали, такой маленькой, чтобы ее можно было унести под робой и спрятать в камере. Никто не знает, что другие тоже их получают. Никто не знает, как они соединяются между собой. Никто не знает, для чего они предназначены.

— Как Радик забирает их у вас?

— Никто не знает. Они просто исчезают.

Джаганнат пристально смотрел на него:

— Исчезают?

— Это все, что я знаю. Оплата поступает так же. В форме

кипу. — Страбон приподнял штанину и показал веревочку с узелками, обернутую вокруг лодыжки. — Здесь закодирован секретный счет. К такой форме оплаты охрана не может получить доступа.

Забрак обвел взглядом остальных:

— Я знаю, что все вы работаете на Радика. Что означает, что вы уже служите общей цели. Теперь вы все служите одному лидеру. — Он выпрямился. — Мне.

— Никогда!

Страбон заметил, что Нейлхед бросился вперед, сжав кулаки и сверкая глазами, и обнаружил, что сам тоже сделал шаг вперед — чтобы этот новоиспеченный вожак ответил за такое откровенное унижение, поскольку нечто звериное в его характере отказывалось склоняться перед Джаганнатом.

Забрак отреагировал быстрее, чем сумели бы он или Нейлхед. Обхватив Нейлхеда сзади, Джаганнат сунул пальцы в ноздри каннибала и дернул, задрав тому голову, и погрузил свой кулак в хрящ дыхательного горла, заставив человека рухнуть на пол безвольной задыхающейся грудой. Страбон успел заметить, как забрак развернулся и пнул вверх так, чтобы ударить его в солнечное сплетение, заставив повторить судьбу конкурента: точно так же упасть, судорожно глотая воздух.

Тьма сгущалась. Страбон пытался сражаться с ней. Голос Джаганната раздавался, казалось, откуда-то издалека, но в нем присутствовала такая холодная свирепость, что его невозможно было игнорировать.

— Теперь вы работаете на меня, — повторил забрак. — Можете продолжать держаться за свои банды, но, как и сейчас, я над вами главный. Я буду посредничать между вами и охраной. — Он повернулся к Нейлхеду и заглянул прямо в глаза каннибалу. — Кроме того, с этого момента вы прекращаете преследовать заключенного по имени Зеро, это понятно? Это касается обеих банд.

Никто ничего не сказал. Страбон уставился на свои ноги. По крайней мере в данный момент он не мог заставить себя посмотреть на дружков, которыми привык верховодить.

Когда он наконец поднял взгляд, забрака уже не было.

15
«ЛАЙМЕРДЖ»

— Встань, мой ученик.

При звуке этого голоса пульс Мола участился. Он поднялся на ноги и посмотрел на голографическое изображение своего учителя.

Тви'лек по имени Зеро сдержал слово. Менее чем через два часа после того, как Мол разобрался с бандами, он получил зашифрованное сообщение, что надо прийти сюда, в отдаленный закуток тюремного морга, в одну из пустующих комнат, предназначенных для хранения трупов заключенных перед утилизацией.

Он ждал его здесь.

Передатчик, полностью собранный и в рабочем состоянии.

И вот теперь...

Изображение Сидиуса стояло перед ним, желтые глаза пылали из-под глубокого капюшона его одеяния. Плащ из зейд-ткани всколыхнулся, грубая материя зашуршала, когда Сидиус поднял руку. За его спиной отчетливо просматривались некоторые детали внутреннего убранства верхнего помещения башни «ЛайМердж», и Мола поразила четкость картинки. Может, Зеро и собрал это устройство из всякого мусора, но оно оказалось чрезвычайно высокого качества.

— Учитель, — вслух сказал он — или попытался сказать: слова застревали в горле.

— Ты хорошо выглядишь, мой ученик, — произнес Сидиус. — Я с большим интересом наблюдаю, как ты завоевываешь авторитет среди обитателей «Улья-7».

— Да, учитель.

— Я заметил, — продолжал Сидиус, — что вне зависимости от обстоятельств во время поединков ты прикладываешь большие усилия, чтобы не раскрыть свою истинную мощь ситха. — (Промелькнул ли в его голосе оттенок сарказма?) — Это достаточно очевидно.

— Вы имеете в виду последний поединок? — Мол заколебался. — Вампа...

— Стал серьезным испытанием. Так мне показалось. Возможно, у тебя в душе возникло желание открыто обратиться к мощи темной стороны? Или использовать световой посох?

Мол ощутил в этих словах подвох и возразил:

— Моя сила исходит изнутри.

— В самом деле? — Сидиус долго смотрел на него с непроницаемым выражением лица. — Интересно.

— Учитель...

— Гордость и чувство собственного достоинства — не те качества, которые можно заиметь раз и навсегда. Могущество ситха возрастает с каждым испытанием. Опираться на имеющиеся достижения значит препятствовать развитию способностей в полной мере использовать присущие тебе гнев и дисциплину.

— Да, учитель.

— Хранить в тайне твою личность и истинную цель твоего задания окажется бессмысленно, если ты умрешь, выполняя его. — Сидиус сделал паузу и вперил в ученика пронизывающий взгляд. — Мои слова задевают тебя? Быть может, ты находишь мое суждение несправедливым?

— Нет.

Владыка ситхов ослабил натиск:

— Я возлагаю на тебя большие надежды, Дарт Мол. И лишь потому, что я единственный понял, каким ты обладаешь потенциалом в достижении величия темной стороны.

— Благодарю вас, учитель. Мое единственное желание...

— Достаточно. — Лицо Сидиуса внезапно будто заледенело. — Дисциплина, неустанные тренировки и самообладание — вот единственное, благодаря чему ты продвинулся столь далеко. Насколько же успешно продвигаются поиски Айрема Радика?

— Мои поиски стали более интенсивными. Я поставил под свой контроль тюремные банды и выяснил, каким образом они работают на Радика. — Мол встретился взглядом с учителем. — Осталось немногое. — Он остановился, затем все-таки решился на просьбу: — Возможно, если вы раскроете мне истинную цель ваших планов...

Сидиус воздел руку, прерывая его:

— Тебе предоставлена вся информация, необходимая для успешного выполнения задания. Вот все, что в настоящее время тебе нужно знать. Мы продолжаем прикладывать усилия по дестабилизации обстановки во Внешнем Кольце, поддерживаем мятежи и сепаратистские настроения.

Повелитель ситхов глубоко вдохнул и не спеша выдохнул, пристально глядя на Мола: возможно ли, что в его взгляде проявилось сочувствие?

— Я твердо знаю, что твоя верность нашему делу не зыблема. От меня не укрылось, что ты разочарован ролью, до настоящего момента отведенной тебе в осуществлении наших планов, — что ты, возможно, жаждал сыграть более важную роль в операции на Эриаду, например.

Мол предпринял безуспешную попытку подавить удивление. Как Сидиус сумел узнать об этом? Когда учитель использовал охранных дроидов, чтобы тайно организовать убийство шести членов Директората во время торгового саммита на Эриаду и попытаться убить канцлера Валорума, Мол так и не сумел понять, почему Сидиус решил не привлекать его к этой операции. Он считал, что хорошо скрыл разочарование, похоронив в самой глубине души, где даже он сам мог бы проглядеть его. Тем не менее учитель видел его насквозь.

— Достаточно сказать, что твои нынешние успехи в деле с Айремом Радиком намного превосходят любые более мелкие поручения, которые я мог бы дать тебе.

— Да, учитель.

— Хорошо. Встань и двигайся дальше. Бери то, что принадлежит тебе по праву. Темная сторона с тобой.

Мол собрался было ответить, но созданное проектором голоизображение учителя, стоящего на заваленном строительным мусором полу в здании «ЛайМердж», уже начало растворяться в воздухе.

* * *

Когда Дарт Сидиус отошел от голоприемника, открыл глаза и пошел через пустующее помещение башни «ЛайМердж» к турболифту, в его уме уже кишели набегавшие друг на друга мысли.

Подобно всем прочим заданиям, которые выполнял Мол, ситуация, которую Сидиус создал в «Улье-7», была нестабильной. Владыка ситхов не питал иллюзий по поводу гордости своего ученика, или его амбиций, или того, насколько тесно эти качества связаны с гневом, постоянно пылавшим в его душе. Пока что гнев Мола продолжал расти. Запертое в непоколебимой верности их делу, сердце забрака стало реактором, вырабатывающим чистую, дистиллированную ярость.

«И эта ярость хорошо мне послужит».

Да. Оглядываясь на годы тренировок, через которые прошел Мол, снова и снова сталкиваясь с худшим из того, что могла предложить Галактика, Сидиус ощущал гордость, которую ни с чем невозможно спутать, силой и стойкостью духа своего ученика. «Улей-7» по определению являлся средой, где не выживает никто, а ведь Мол уже заявил о своем превосходстве,

даже не пустив в ход способности, дарованные Силой. Вопреки тому, что Сидиус сказал Молу, он чувствовал все возрастающее уважение к достижениям своего ученика, которых тот столь непреклонно добивался. В свое время эти способности послужат ему лучше, чем он мог себе представить.

* * *

Когда он уже вышел из здания и направился к остановке аэротакси, намереваясь лететь в Сенатский округ, заботы владыки ситхов отошли на задний план. Час еще ранний, а рабочий график сенатора Палпатина уже забит до отказа.

К нему, шумно затормозив, спланировало аэротакси, и когда дверца распахнулась, он сразу понял, что салон вовсе не пуст. Внутри его поджидал Хего Дамаск.

— Дарт Сидиус, — поприветствовал его Дамаск, жестом указав на пустое сиденье рядом с собой. — Составишь мне компанию?

Взгляд Палпатина метнулся к кабине такси, но Дамаск успокаивающе кивнул.

— Я перевел следящее оборудование в нерабочее состояние, — сказал муун. — Так что мы можем говорить свободно. Как равные.

— Конечно. — Дарт Сидиус без колебаний уселся рядом с учителем. Его лицо выражало лишь приличествующую случаю степень приятного удивления. — Всегда рад видеть тебя при любых обстоятельствах.

— Да. — Под маской транспиратора Дарт Плэгас попытался изобразить что-то вроде слабой улыбки. — Я знаю, мы собирались встретиться позже, во время нашей обычной прогулки на площади Монументов, но всплыли некоторые обстоятельства, и мне пришлось в последний момент перекраивать свой график. Я подумал, что лучше нам поговорить сейчас. — Он повернулся к Сидиусу и бросил мимолетный взгляд назад, на здание «ЛайМердж». — Я так понимаю, ты связывался с тем забраком?

— На самом деле я просто...

— Я помню — ты упомянул, что отправил его в «Улей-7» на поиски этого неуловимого торговца оружием.

— Айрема Радика. — Сидиус говорил осторожно, стараясь, чтобы голос звучал по возможности буднично, хотя в глубине души он был серьезно озадачен. Дарт Плэгас лишь в самых общих

чертах знал об усилиях, которые Дарт Сидиус в настоящее время предпринимал для дестабилизации планет Внешнего Кольца и подготовки галактической гражданской войны. Он редко задавал конкретные вопросы о том, откуда будет браться оружие или как именно Сидиус собирается использовать все это, чтобы способствовать осуществлению их Великого плана.

— А этот Радик, — продолжал Плэгас все тем же не принужденным тоном, глядя в окно на приближающийся проспект Первопроходцев, — по слухам, один из самых могущественных торговцев оружием в Галактике?

— Радик столь же опасен, сколь непредсказуем. — Сидиус осознал, что по шее начинает подниматься тепло и заливает щеки и лоб, чего он вовсе не желал. — Вот почему я послал Мола убить его.

— Понятно.

Сидиус слегка наклонился вперед в попытке поймать взгляд Плэгаса.

— Я собирался оповестить тебя. Моя задача...

— В чем я нисколько не сомневаюсь, так это в твоем умении довести любое начатое дело до конца. — Плэгас положил руку на плечо ученика. — Я должен похвалить тебя за дальновидность и верность нашей конечной цели, Дарт Сидиус. Как ты, возможно, уже догадался, с увеличением интенсивности моих собственных... личных занятий в Тайнике, я считаю целиком и полностью правильным отсутствие у меня необходимости следить за действиями, которые ты предпринимаешь ради достижения нашей общей цели.

— Да, конечно. — Сидиус изучающе смотрел на него. Что именно Плэгас хотел ему сказать? Питает ли муун мрачные подозрения насчет цели, которую преследовал Сидиус, послав Мола в «Улей-7»? Или Плэгас просто прощупывает его, чтобы выяснить подробности?

— Что ж. — Плэгас уже снова откинулся на спинку сиденья с почти неслышным вздохом. — Полагаю, нам пора прощаться.

Аэротакси спланировало к остановке, и Сидиус понял, что они прибыли к Совещательной палате Сената. Дверца кабины распахнулась с легким шипением, но когда Сидиус начал выходить, он почувствовал, что ладонь Плэгаса завладела его запястьем.

— Еще одно, — проговорил ситх все с той же отстраненностью. — Полагаю, тебе следует знать, что твои рассказы об «Улье-7» возбудили мой интерес.

— Даже так? — Сидиус ощутил, как напрягается горло. — Что ты имеешь в виду?

— Я связался со своим поверенным в МБК и попросил направить туда финансового консультанта в рамках ежеквартального аудита — некоего Весто Слифера. Он подчиняется непосредственно мне. — Улыбка Плэгаса под маской являла саму дипломатическую любезность. — Быть может, я в конце концов смогу поспособствовать в поисках этого неуловимого оружейника.

У Сидиуса вновь слегка напряглось горло.

— Такое внимание с твоей стороны чрезвычайно лестно.

— В этом деле мы заодно, — промолвил Плэгас. — Как равные.

Плэгас выпустил руку ученика. Он продолжал смотреть на Сидиуса, когда их разделил опустившийся люк аэротакси, и транспорт вознесся с Сенатской площади ввысь, оставив Сидиуса в одиночестве.

16
НОЧНАЯ СТОРОНА

Куча мусора состояла из сгоревших частей дроидов, конденсаторных катушек и перекрученной арматуры, и все это было ужато в идеальный куб. Артаган наделал таких десяток, когда спускался сюда год назад, блуждая по недостроенному крылу технического подуровня № 3, который заключенные прозвали Ночной стороной.

Изначально предназначавшаяся под тюремную мусорную свалку, ныне Ночная сторона представляла собой рукотворную пещеру, в темных глубинах которой стояли неиспользуемые прессы для мусора и станки для резки и измельчения металла. В воздухе постоянно висела вонь углеродного композита и различных ферросплавов. Заключенные наведывались сюда время от времени — с тех пор, как поползли слухи, что кто-то будто бы нашел в куче смердящих отбросов энергощитовой дезинтегратор «Барагвин». История эта была, вероятно, враньем, но все равно привлекала сюда арестантов.

Но сегодня Артаган Труакс привел сюда сына по другой причине.

— Очень хорошо. — Артаган взглянул на блок из мусора и снова повернулся к Эогану. — А теперь вот этот.

— Этот? — Мальчишка искоса взглянул на него. — Это слишком много! У меня и так уже руки горят после тех неработающих лифтов!

— Оправдания тебя не спасут. — Артаган сурово взглянул на сына. — Ты хочешь выжить здесь или нет?

Эоган кивнул и закрыл глаза. Он был обнажен до пояса, кожа бледная и почти лишена волос. Последние несколько часов он гонялся за тюремными крысами по подвесным балкам, нападал на них со связанными за спиной руками. Эти большие отвратительные существа очень быстро бегали, и охота на них требовала решительности и абсолютной концентрации.

После этого он отрабатывал удары руками и ногами, подножки, уклонения, обводки — Артаган учил сына различным удержаниям, захватам и атакам, которые однажды помогут тому переломить ход поединка.

Здесь, в «Улье-7», не существовало правил, не было такого понятия, как сострадание, никто не просил и не давал пощады. После утренней тренировки капельки пота поблескивали на верхней губе и на лбу Эогана, а его рыжевато-каштановые волосы

слиплись прядями.

— Сейчас?

— Когда будешь готов.

Склонившись, Эоган откинул назад голову и взялся за импровизированную перекладину, которую его отец прикрепил к нагруженному им поддону. Артаган подождал, пока сын проверит, хорошо ли сбалансирована мусорная «гиря», подмечая, как он все сильнее напрягается в преддверии рывка.

— Работай, — велел Артаган.

— Сколько?

— Начнем с одного.

Паренек закрыл глаза и поднял самодельный куб. Вздувшиеся мускулы проступили на его плечах, груди и животе, бицепсы напряглись, руки вытянулись, пока он удерживал куб из мусора на расстоянии вытянутой руки над полом. Когда он собрался опустить его, Артаган вымолвил:

— Держи, пока я считаю.

Эоган не стал возражать. Груз в его руках задрожал. Юнец стиснул зубы, секунда за секундой борясь с усталостью и силой притяжения. Все это время Артаган безучастно стоял над ним, наблюдая, как слабость покидает тело сына, ощущая знакомую смесь чувств — глубокой гордости и тревоги, приходивших от сознания, как упорно мальчик трудится и, в конечном счете, какое малое это имеет значение.

— Отец... — прохрипел Эоган.

— Еще пять секунд, — произнес Артаган. — Ты сможешь.

Сын прижал подбородок к груди. Его лицо потемнело — стало алым аж до сливового оттенка, все вплоть до корней волос. На висках вздулись вены. Из горла вырвался слабый непроизвольный всхлип, и Артаган услышал, как груз начал дребезжать, — это руки мальчишки затряслись сильнее прежнего, угрожая выпустить ношу.

— Я не...

— Еще две секунды... Одна... — Артаган кивнул. — Хорош.

Мусорный куб с грохотом рухнул, Эоган вздохнул с облегчением, медленно приподнялся и сел, растирая плечи, подрагивающие от образовывающейся в мышцах молочной кислоты. Артаган бросил ему полотенце. Юнец вытер лицо, посмотрел на груз из мусора и наконец поднял взгляд на отца. Сейчас его лицо было бледным, измученным, но явно довольным.

— Сколько? — поинтересовался Эоган.

— Сто двадцать.

— Я раньше никогда не поднимал так много!

— Ты просил настоящее испытание, — напомнил Артаган. —

Вот оно.

Он протянул руку, чтобы потрепать сына по взмокшей шевелюре, и ощутил нежность, которую редко позволял себе признать, — глубочайшую любовь, единственным противовесом которой являлось абсолютное знание, что очень-очень скоро он всего этого лишится.

Артаган отдернул руку и сказал:

— А сейчас — «пятьдесят два кулака».

Глаза Эогана расширились:

— Отец...

— *Сейчас*.

Юноша неохотно встал в стойку: вытянул шею, напряг тело, поднял руки; завеса безнадежности и обреченности уже исчезала с его лица. Атака, называемая «пятьдесят два кулака», предполагала нанесение целой бури молниеносных ударов менее чем за пять секунд, и могла полностью уничтожить противника, но требовала абсолютной самоотдачи. Проведенная по всем правилам, она могла убить существо, втрое превосходящее Эогана по размерам и весу. Но малейшее ослабление решимости оставляло незадачливого бойца открытым для всевозможных контратак.

— Сейчас, — повторил Артаган.

Мальчишка швырнул себя на отца, его руки замелькали, словно ножницы, в тумане ударов. Сначала результат казался многообещающим. Но слишком скоро Артаган увидел слабое место и сделал выпад, уложивший сына на пол.

Эоган лежал навзничь, хватая ртом воздух, его глаза блестели, лоб и щеки пылали. Только теперь пришел гнев, запоздалый, бессильный.

— Ты что, всплакнуть собрался? — Артаган даже не старался скрыть разочарование. — Ты знаешь наше правило.

— Да, отец. — Эоган резко дернул головой вверх-вниз, борясь со слезами. С самого начала правило было простым: за каждую слезу — капля крови.

— Тогда вставай. — Артаган протянул сыну руку. — И попытаемся снова.

— Да, отец.

— И ради чего все это? — Язвительный голос из дальнего конца помещения отдался эхом от плоских металлических поверхностей, которые их окружали. — Ради одного боя? Двух, если ему повезет?

Отец и сын повернулись: из-за массивного пресса, стоящего в дальнем углу, вышел охранник. Офицер Войсток двинулся к ним, прошел мимо куба из мусора, ясно дав понять, насколько этот

предмет ему отвратителен, и наконец обратил все свое внимание на Артагана с Эоганом.

— Ты зря тратишь время, малыш, — хмыкнул надзиратель. — И ты это понимаешь, верно?

— Я тренируюсь.

— Ради чего? Путешествия в один конец в кремационную шахту?

— Это... — Лицо Эогана исказилось, на нем возникла горечь. — Разве вы знаете что-нибудь о силе и дисциплине?

— Сила и дисциплина? Ха! — Продолжая ухмыляться, Войсток заложил большие пальцы за пояс и начал покачиваться на каблуках. — Мне это нравится. Напомни мне начертать эти слова на трупе твоего отца в назидание всем прочим.

— Мой отец мог разорвать на куски человека вроде вас и даже не вспотеть.

Ухмылка охранника слегка потускнела.

— Забудь об этом, малец. Я стариков не бью.

— Он был обладателем титула «Бласко» три сезона подряд, вы это знаете? — Эоган шагнул к нему. — Без этой коробки у вас на поясе вы не продержались бы против него и пяти секунд!

— Не зарывайся, мальчишка. Не забывай, с кем говоришь.

— Я почти готов. Скажи ему, отец!

— Верно. — Войсток рассмеялся, но в его смехе не было веселья — лишь еле сдерживаемое раздражение человека, чье терпение подвергается слишком сильному испытанию. — Малыш, тебе не продержаться в бою и пяти секунд. Даже твой старик это понимает. — Он потер щетину на подбородке. — Почему, ты думаешь, он решил заплатить мне, чтобы я помог вам, двум оборванцам, бежать отсюда?

— О чем это вы говорите?

— Не веришь мне? Спроси своего папочку. Как ты думаешь, зачем я сюда пришел? На прогулку, подышать вредной металлической пылью?

Юноша замолчал. Его взгляд перебегал с Войстока на отца, а затем он очень тихо спросил:

— Это правда?

— Эоган...

— Это правда?

— Сын, мы оба подохнем здесь, если...

— Ты говорил, что я достаточно силен! Ты говорил, я готов к поединку!

Артаган прикрыл глаза. Он понял: будет сложнее, чем он ожидал, и бесконечно мучительнее. Старик вынул руки из карманов, чтобы Эоган видел, как сильно они дрожат.

— Сын, здесь нам с тобой конец.

— Не говори так. Это неправда!

— Ты уже стал сильнее и быстрее меня, — продолжал Артаган. — Но ты не убийца. — Он заставил ладонь не дрожать и положил ее на обнаженное плечо сына, ощутив возрастающее напряжение, переплавляющееся в юношеское негодование. — У тебя внутри есть стержень. Но есть и сострадание. Доброта. — Он смиренно вздохнул. — Здесь не место для мальчика вроде тебя.

«Мальчик». Одно-единственное слово, казалось, легло на плечи Эогана тяжестью, подобной которой он никогда не поднимал.

— Тогда зачем ты привез меня сюда? — спросил он.

Артаган отвернулся. На этот вопрос ему нечего было ответить.

— Я... ошибся.

— *Ошибся?*

— Я сделал неверные выводы. Рассчитывал, что спасение даст тот, кто не мог его дать. — Он прошел мимо сына к Войстоку. — Вы сумеете доставить нас в медотсек?

Мгновение Войсток пристально смотрел на него.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— К чему такая спешка?

— Я бы предпочел не задерживаться здесь дольше, чем необходимо. — Артаган обнаружил, что сжимает кулаки, и заставил себя расслабиться. На ладонях остались крохотные кровавые полумесяцы от ногтей. — Да или нет?

Со вздохом охранник кивнул.

— Да. — Он взглянул на хронометр на запястье. — Я могу отключить основное и резервное питание медотсека. Когда отрубится сегмент энергетической сети, придется перезапускать все с нуля. Основной сервер будет загружаться минут пятнадцать.

— Но если вы отключите всю энергию, значит...

Войсток жестом остановил его:

— В этом случае полагается перенаправить энергию на дроида GH-7, чтобы при помощи его фоторецепторов восстановить видеонаблюдение в медотсеке. В этот промежуток времени вы сможете бежать.

— Хорошо.

— Вы должны понимать, что на записях камер видеонаблюдения останутся ваши лица. Вам придется что-нибудь придумать.

— Разберемся, — отозвался Артаган.

— У вас будет пятнадцать минут. Если за это время дроид не

деактивирует заряды в ваших сердцах, больше я ничего не смогу сделать.

— Я понял.

— И зарубите на носу. — Войсток впился в них взглядом. — Вы сами по себе. Мы не друзья, что означает, что для меня ты и твой малец лишь пара трудных мишеней, как и любые заключенные, предпринявшие попытку побега. Я не знаю, как ты намереваешься выбираться из медотсека, и мне на это наплевать. Если меня спросят, видел ли я тебя, я расскажу все.

— Тогда приступим.

— Отец, нет! — Эоган развернулся, и вспыхнувшие с новой силой гнев и недоверие сосредоточились там, где Артаган уже давно ожидал, — на нем самом. — Он собирается нас подставить, разве ты не видишь? Он хочет украсть все твои кредиты до последнего! Опустошит твой счет и отправит нас обратно в камеры! Он предаст нас при первой же возможности!

— Эоган, он наша единственная надежда выбраться отсюда. И сейчас нам пора действовать.

— Я овладею «пятьюдесятью двумя кулаками»! Мне просто нужно больше времени!

Артаган схватил сына и сжал его в потных объятиях. Мальчишка извивался, дергался, пытался сопротивляться. Он был сильнее отца и при других обстоятельствах вырвался бы из захвата, но сейчас его руки устали, а мышцы ослабли после тренировки.

Наконец он обмяк в руках Артагана, глядя на отца в бессильной ярости.

— Вот почему ты меня так гонял, — глухо проговорил он. — Чтобы я не смог остановить тебя.

— Остановить нас, — поправил Артаган и взглянул на Войстока, прищурившись: — Вы готовы?

Войсток кивнул:

— Жду только вас. Идем.

17
ПРИЗРАЧНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Спустя час после того, как Мол спрятал передатчик и покинул тюремный морг, он молча шатался в толпе обитателей «Улья-7». Он отправил одному узнику сообщение через дроида — того самого, которого использовал для сбора банд в тюремной прачечной, — и теперь ждал ответа.

Пока же ситх наблюдал, как толпа осужденных движется по своим делам. Как всегда, он ощутил, насколько повысилась его восприимчивость, что происходило всякий раз, когда он проводил значительное время с учителем: возрастала уверенность в вещах скрытых и явных, искры предвидения неявных энергетических полей, которые он называл про себя «призрачным напряжением». Даже здесь, среди отбросов Галактики, Мол находил их притягательными и считал, что они открывают то, что скрыто.

Он шел по галерее мимо столовой, когда заметил в толпе заключенного по имени Ижмаш. Лицо нелвааннца не дрогнуло, но по его взгляду Мол догадался, что тот получил послание.

Без единого слова Мол развернулся и зашагал по гофрированным дюрастальным мосткам вниз, в узкий проход, ведущий к нижним техническим туннелям.

Электрические светильники без колпаков освещали ярким ровным светом пол под его ногами, и отбрасываемая им тень была резкой, словно вырезанная из тьмы самой вселенной. Пройдя метров двадцать, он нырнул в глубокую тень и вслушался в приближающиеся шаги.

Через мгновение Ижмаш тихонько проговорил:

— Я пришел один. Что тебе нужно?

Мол выступил на свет.

— Информация.

— Можешь угрожать мне сколько угодно. Я не буду говорить о Ра... — Он осекся. — Я не буду говорить об этой личности.

— Я звал тебя не для этого, — отозвался Мол. — В любом случае, я сомневаюсь, что ты знаешь об Айреме Радике хоть что-нибудь, чего я еще не выяснил.

Ижмаш нахмурился:

— Тогда зачем?..

— Страбон рассказал мне, за что тебя упрятали сюда. За хищение информации и создание вредоносных программ. Говорят, это ты написал оригинальный код вируса-шифровальщика для атаки на сеть «Бактериофаг».

— Этого не бы...

Мол жестом остановил его.

— Мне нужно взломать тюремную базу данных. Предоставишь мне информацию обо всех заключенных и их досье. Полный список.

— Это требует времени.

— Я кое-что знаю о том, как проникать в информационные системы, — сказал Мол, вспоминая, как, кажется, целую жизнь назад некто по имени Трезза обучал его организации компьютерных диверсий, когда он жил на Орсисе. — Но сейчас я не хочу светиться. Дай мне знать, когда закончишь.

Нелваанец склонил голову:

— Что-нибудь еще?

— Я тебе сообщу.

Ижмаш повернулся, чтобы уйти, и вдруг все огни одновременно мигнули. Мол взглянул на него, сразу поняв, на что среагировал собеседник.

— Что это было? — поинтересовался забрак.

— Почему-то произошло частичное отключение освещения. Очень похоже на сбой в подаче электроэнергии.

— Здесь это редкость?

— Большая редкость. — Ижмаш покачал головой. — Тут очень много параллельных и резервных систем. В последний раз такое было... — он оглянулся через плечо, затем снова посмотрел на ситха, — во время попытки побега.

— Что тогда произошло?

— Это было около года назад. Парочка мошенников что-то разнюхала и попыталась перегрузить основную энергосистему тюрьмы из медотсека и перепрограммировать дроида-хирурга, чтобы тот обезвредил им заряды в сердцах и они могли сбежать.

— Получилось?

Ижмаш покачал головой:

— Погибли прямо в медотсеке.

— Их задержала охрана?

— Не охрана.

— Тогда кто?

Ижмаш облизнул губы и опустил взгляд в пол. Затем посмотрел на Мола и сказал голосом, который казался всего лишь призраком шепота:

— Радик.

— Почему?

— Он никому не позволяет выйти отсюда. Никому, кто когда-либо работал на него в любом качестве, кто может знать о нем хоть что-нибудь, кто может дать его врагам хоть крошечную

зацепку к его местонахождению. Поэтому он и проворачивает свои дела в тюрьме, откуда никто не выходит живым. Если попытаться бежать...

Мол ощутил, как в нем словно что-то воспряло. Каким-то глубоко интуитивным способом, отвергавшим любые логические объяснения, он уже понял, что нашел искомое, сделал еще один шаг к успешному завершению своего задания. Была ли это работа темной стороны, как обещал Сидиус, или нечто вроде догадки, сделанной чисто случайно, едва ли имело значение.

Не успел Ижмаш закончить, Мол уже двинулся обратно — к мосткам, а потом по холлу на дальний край основного уровня тюрьмы.

К медотсеку.

18
ПЕРЕЗАПУСК С НУЛЯ

— Комендант, — промолвил Драгомир Хлорус. — Вы до сих пор не осознаете всю серьезность своего положения.

— В самом деле? — Садики Блирр с беззвучным стоном откинулась в кресле, круговыми движениями массируя виски и ощущая, как медленно проявляются первые признаки убийственной мигрени. Этот разговор с уполномоченным Игорной комиссии был одним из самых долгих за последнее время, и конца ему пока не предвиделось. — Тогда вам придется повторить все с самого начала. В конце концов, у меня здесь уже есть представитель МБ К, он проводит внутренний аудит всей моей работы. Но по всей вероятности, я просто слишком тупа, чтобы сообразить, что все это значит.

Хлорус вздохнул.

— Беспокоиться вам надо не о Банковском клане. К вашей работе проявляет интерес клан Десилиджик. И этот интерес они проявляют уже достаточно долгое время.

— Хатты? — Садики устало рассмеялась. — Мне кажется, я бы заметила, если бы у нас возникли с ними проблемы, как вы думаете?

Лицо Хлоруса оставалось мрачным.

— Итак, вне всякого сомнения, они вас заметили. И уж они-то постараются наложить свои лапы на такой жирный кусок, как «Улей-7».

— Это же абсурд. Доходность их собственного игорного бизнеса сейчас высока, как никогда.

— Речь не об игорном бизнесе, Садики.

Она с опаской посмотрела на него:

— И что же, по-вашему, мы еще здесь такого организовали? Влагодобывающую ферму?

— Вы понимаете, что наш разговор ни в коем случае не должен записываться. — Уполномоченный наклонился ближе, понизив голос. — Я уверен, что вы в курсе слухов об Айреме Радике. Об этом торговце оружием, который проворачивает свои дела где-то в «Улье-7».

— О нет! — Подступавшая мигрень за один умопомрачительный миг разыгралась в полную силу. — Не надо снова повторять эту старую, навязшую в зубах шутку.

— Да, вы мне говорили, что Радика нет в вашей тюрьме, если он вообще существует. Но хатты в этом не столь уверены. И,

видимо, решили проверить сами.

— Что вы имеете в виду под этим «проверить сами»?

— Я имею в виду просто...

Изображение застыло. Краем уха Садики услышала устойчивое завывание низкочастотного сигнала, и на основной экран ее консоли выскочило красно-желтое тревожное сообщение. Она выпрямилась.

— Подождите, Драгомир. У нас ЧП. Мне надо идти. Договорим после.

— Садики, постойте...

Резко оборвав связь, она метнулась к коммуникатору и отстучала вызов центральному пульту основной энергостанции тюрьмы.

— Дежурный, вы меня слышите? — спросила она. — Говорит комендант Блирр. Мне нужен отчет о состоянии сектора 1212.

— Вас понял, комендант, — послышался в ответ голос охранника, сводящий с ума своей беззаботностью. — Похоже, незначительная неисправность в медотсеке.

Садики ударила по кнопке, отключив сирену.

— Незначительная неисправность? Отсюда это выглядит так, будто разнесло весь этаж.

— Подождите, я проверю. — Дисплей комлинка сообщал, что фамилия этого офицера Мэдден. — Да, подтверждаю, комендант. Похоже, всего лишь короткое замыкание. В данный момент система перезагружается.

Садики попыталась вывести на свой экран видеопоток с камер наблюдения медотсека, но, сколько бы она ни меняла частоту, монитор заливал ровный синий цвет.

— Где резервное питание?

— Должно быть, отключилось вместе с основным.

— Тем не менее вы мне докладываете, что ничего не произошло?

— Нет! То есть, так точно. Это... — Голос Мэддена звучал уже слегка нервно. Садики позлорадствовала бы по этому поводу, но в данный момент она желала только одного: чтобы он четко исполнил свои обязанности в сложившихся обстоятельствах. — Не беспокойтесь. Мы перенаправим видеонаблюдение через дроида-хирурга GH-7. Резервный аудиовизуальный поток подключится через секунду.

— Кто сейчас находится в медотсеке?

— Ожидаю ответа. — Пробуждаясь к жизни, чирикнул инфопланшет. — Органические формы жизни отсутствуют. Похоже, в данный момент там только GH-7. И... — Он остановился. — Постойте...

— В чем дело?

— Тепловые датчики что-то засекли.

— Кого засекли? — Мигрень у Садики совсем разгулялась: резкая пульсирующая боль начала отдаваться в затылке.

— Возможно, ошибка датчика, — ответил Мэдден. — Ожидаю ответа.

Его голос прервался. Поморщившись, Садики развернулась и отстучала несколько команд, вызвав список госпитализированных в тюремный медотсек. Согласно последним сведениям, сейчас он должен быть пуст.

Она снова ударила по коммуникатору, включая его; удар получился сильнее, чем она хотела.

— Мэдден, вы меня слышите?

Раздался взрыв статики, затем послышался слабый голос Мэддена:

— Слышу.

— Где данные видеонаблюдения?

— Основная сеть все еще калибруется. — Послышались щелчки каких-то кнопок и переключателей, которые охранник нажимал без какого-либо результата, бормоча что-то, чего комендант не могла расслышать. — Почему-то не получается подключиться к внешней сети. Придется перезапускать систему с нуля, чтобы снова ее инициализировать. Это займет пятнадцать минут, и все будет в порядке.

— Так что там за жизненные формы в медотсеке? — поинтересовалась Садики. — Сколько их там?

— В медотсек был направлен отряд охраны — должно быть, это их засекли датчики. Как только восстановится нормальная работа, я вам сообщу.

Садики уселась и заставила себя запастись терпением. Ждать новой информации — уж точно не ее сильная сторона, и в прошлом — когда она работала в казино и в управлении крупными межпланетными развлекательными центрами — ее неспособность терпеть рядом с собой идиотов служила ей хорошую службу. Но если вырубалась энергетическая система «Улья-7», не оставалось ничего иного, как только ждать.

По правде говоря, частично в этом была и ее вина.

* * *

Еще до того, как чрезвычайно изящный и математически

совершенный алгоритм вдохнул жизнь в «Улей-7», оригинальные конструкции космической станции, созданные ее братом, представляли собой прекрасные, безупречные произведения прикладного искусства. Резервные мощности энергосетей и второй комплект электрических реле предполагалось установить в «Улье-7» еще при строительстве — одновременно с мастерскими, Заводским уровнем и еще полудесятком независимых изолированных подуровней. Но планы строительства срывались, бюрократические шестеренки пробуксовывали, разрешения вовремя не получались, а нетерпеливые инвесторы требовали ежеквартальных отчетов о прибылях. И в конце концов они срезали несколько углов.

На самом деле большую их часть.

Уж на что Садики терпеть не могла оправданий слабоволия от подчиненных, но по отношению к себе она их особенно ненавидела. Если честно, недоделок осталось больше чем просто несколько «хвостов». Правда в том, что, когда за алгоритм Дакарая начали платить и к ним потекли деньги, она практически полностью отказалась от дальнейшего обустройства тюрьмы.

Она сделала этот выбор, зная, что МБК предоставил ей достаточно времени и кредитов, чтобы полностью завершить строительство космической станции в соответствии с первоначальными спецификациями. Но Садики сама подгоняла строительство, чтобы станция как можно скорее заработала, пусть и преждевременно, прекрасно зная, что проводка, видеонаблюдение и энергетическая система «Улья-7» недоработаны, а в некоторых случаях — фактически отсутствуют. И именно Садики самоуверенно полагалась на имплантированные в сердца заключенных электростатические заряды, заверяя себя, что такой профилактической меры более чем достаточно, чтобы держать узников под контролем.

Имелись и другие причины, и некоторые из них были по-настоящему прибыльными.

— Комендант? — К ней вновь прорвался голос Мэддена.

— Слушаю.

— Мы восстановили визуальное наблюдение в медотсеке через фоторецепторы GH-7. Освещения недостаточно, но...

— Просто перенаправьте на меня, — перебила она офицера и развернулась к экранам.

Раздался резкий свист, мониторы загудели, но поначалу это было всего лишь шуршание «белого шума». Когда картинка прояснилась, Садики обнаружила, что смотрит на мир глазами парящего по медотсеку дроида-хирурга. Потолок и стены представляли собой зеленоватую область, состоящую из нечетких

пузырьков. Слуховой датчик дроида уловил треск незнакомых голосов.

— Отец, — раздался один из них, — ты знаешь, что ему нельзя доверять. Почему же ты...

— Он единственный, кто может нам помочь, — прозвучал мужской голос. — Он нам нужен.

— А если это ловушка?

— Лучше слушай своего старика, малыш, — проворчал обладатель третьего голоса. — Я — ваш единственный шанс.

Садики выпрямилась в кресле. Она узнала этот голос.

«Войсток».

Она снова хлопнула по комму — на этот раз выключатель в самом деле треснул под ее ладонью.

— Мэдден, там находится *охранник*!

— Вас понял, комендант, мы только...

— Он помогает им бежать, идиот! *Где ваши люди?*

— Повторите?

— Где дежурные, Мэдден? Где надзиратели?

— Я не...

Голос Мэддена пропал, затем вновь вернулся:

— Медотсек заперт изнутри. — Теперь он говорил так, будто изо всех сил старался не заикаться, но у него это не слишком получалось. — Я не знаю, как это произошло, мы просто...

— Немедленно туда!

— Вы хотите, чтобы мы взорвали дверь?

— Делайте все необходимое!

— Но...

Садики прервала связь и повернулась обратно к экранам. О головной боли она совершенно забыла — ее вытеснил грохот собственного сердца и осознание того, что вся она покрылась испариной. Само время, казалось, кристаллизуется вокруг нее. Через фоторецепторы дроида комендант смогла разглядеть на экране фигуры двух заключенных: пожилого мужчины и юноши не старше шестнадцати лет, оба склонились к дроиду, поэтому стали ясно видны. Офицер охраны Войсток стоял поодаль и занимался настройкой одного из модулей управления. Манипулятор GH-7 поднес что-то похожее на иглу для подкожных инъекций к груди юноши.

Издалека, откуда-то из-за пределов медотсека, доносились голоса охраны, звучали команды: персонал пытался пробиться сквозь взрывозащитную дверь.

И на фоне всего этого в ее голове звучал неумолимым эхом насмешливый голос счетоводишки из МБК Весто Слифера: «У вас никогда не случалось побегов?»

«И почему МБК решил провести внеочередной аудит именно сейчас?» — подумала Садики, борясь с желанием от отчаяния стукнуть кулаком по консоли. Набрав команду, она вызвала на экран данные о вычислительном центре, надеясь обнаружить там Дакарая, но брат отсутствовал. Где же он?

Звуки в медотсеке были перекрыты бластерными зарядами, искаженными слуховыми датчиками дроида.

И в первый раз Садики Блирр осознала, что столкнулась с по-настоящему чрезвычайным происшествием.

19
В МОЙ СМЕРТНЫЙ ЧАС

Энергия в медотсеке отрубилась, и незнакомое помещение скрыл покров тьмы. Лишь диагностическая аппаратура освещала голубым светом фигуры, одна за другой крадущиеся по помещению.

— Стой, — шепнул Войсток, подняв руку и не оглядываясь. — Уже достаточно далеко.

Артаган взглянул на него. Они с Эоганом осторожно крались по медотсеку и миновали уже половину пути в почти полной темноте.

— Как долго не будет энергии?

— Положитесь на меня, — ответил охранник. — Я схожу за дроидом и задам ему программу обезвреживания зарядов.

Неподалеку что-то шевельнулось, и Артаган застыл, внимательно оглядываясь:

— Здесь еще кто-то есть?

— Нет, — мотнул головой Войсток. Я же запер дверь, когда мы вошли. Ты сам видел.

— Я что-то услышал.

— Заткнитесь и стойте смирно, — велел охранник. — Не двигайтесь и ничего не трогайте.

Он опустил голову и — растворился во тьме.

— Отец, — спустя мгновение прошептал Эоган, — ты знаешь, что ему нельзя доверять. Почему же ты...

— Он единственный, кто может нам помочь. Он нам нужен.

— А если это ловушка? — Юноша от волнения повысил голос.

— Лучше слушай своего старика, малыш, — встрял Войсток. — Я — ваш единственный шанс.

Одновременно Артаган ощутил, как что-то подплывает к нему из тьмы. Схватив сына за руку, он бросился вместе с ним на пол, и тут что-то слегка задело его плечо. Когда эта штука развернулась, старик увидел светящиеся во тьме фоторецепторы GH-7 — два идеальных диска синего цвета, парящие прямо перед его лицом.

Артаган снова вслушался и снова услышал этот звук: как будто кроме них в медотсеке находился кто-то еще — на этот раз ближе.

— Войсток? — прошептал он, повернувшись к источнику звука. — Это вы?

Никто не отозвался. Паривший перед ними едва видимый дроид придвинулся ближе и вытянул манипулятор с зажатой в нем длинной иглой.

— Отец? — окликнул паренек.

— Все в порядке. Будет больно всего секунду. Потом заряды обезвредятся. Вперед.

— Но... — Эоган хотел что-то возразить, но тут игла вонзилась ему в верхнюю часть грудной клетки прямо сквозь тюремную робу. Юноша пронзительно вскрикнул от боли, но его голос заглушил внезапный залп бластерного огня, донесшийся откуда-то из-за двери. Артаган различил голоса: охранники что-то прокричали друг другу, затем снова началась пальба.

— *Что?..* — Оглянувшись, Артаган Труакс заметил, что GH-7 извлек иглу из груди его сына, развернулся в воздухе и полетел назад. — Что происходит? — В пяти метрах от него Войсток встал, выпрямившись во весь рост. — Почему стрельба?

Надзиратель повернулся лицом к двум заключенным. Стрельба прекратилась, и Артаган услышал приглушенный голос, велевший немедленно открыть дверь.

— Вы говорили, что у нас будет пятнадцать минут, — произнес Артаган. — Я отдал вам *кипу*! Я отдал все, что имел!

— Что, это? — Войсток достал узелковую нить и швырнул ее Артагану. — Давай. Ты действительно думаешь, что Радик так легко позволил бы вам бежать? Учитывая все, что ты о нем знаешь?

— Отец? — Эоган во все глаза смотрел на старого бойца. — О чем он говорит?

— Что, он тебе не рассказывал? — спросил Войсток. Теперь он ухмылялся. — Давай, старик. Скажи сыночку, почему ты оказался здесь. Скажи, почему привез его сюда.

— Вы не знаете, о чем говорите! — воскликнул Эоган.

— Малыш, я уже наслушался твоей болтовни. — Не отрывая взгляда от Артагана, Войсток резко вскинул руку и заехал локтем в лицо юноши. Голова Эогана дернулась вбок, удар отбросил его в лоток с простерилизованными медицинскими инструментами — сосудистыми зажимами, ортопедическими дрелями, — и тот перевернулся; хирургическая сталь зазвенела об пол, а юноша так и остался лежать неподвижно.

— Эоган! — закричал Артаган и вскочил с места. Затем развернулся к надзирателю и вонзил в него дикий взгляд. — Вы заплатите за это!

— Полегче, старик. — Рука Войстока опустилась на консоль детонатора на поясе. — Прямо сейчас никто ни с кем расплачиваться не будет. Твой щенок только что подписал себе

смертный приговор, и, во имя всех богов, ты сейчас увидишь, как он будет приведен в исполнение.

Артаган подскочил к Войстоку и упал на него, пытаясь сорвать с охранника пояс, он боролся отчаянно, но даже это в итоге не принесло результата. Спустя несколько секунд Войсток вывернулся из хватки и дважды саданул Артагана в живот, один раз по носу, а затем принялся крушить ему череп рукояткой бластера.

— Может, в следующий раз... — (Бац!) — в тебя удастся вдолбить... — (БАЦ!) — хоть немного... — (ШМЯК!) — уважения!

Рука Войстока метнулась вниз, к консоли детонатора, но его не было.

Артаган застонал. С неимоверным усилием он сумел приподнять голову. Его лицо и волосы заливала кровь, сочившаяся из нескольких ран, но в глазах светилось что-то живое и дерзкое.

— Ищешь... вот это?.. — Артаган еле дышал, каждый вдох стоил ему серьезных усилий. В руке он сжимал сорванный с пояса охранника «дропбокс». Он уже не выглядел столь непоколебимым, но весь его облик свидетельствовал об отчаянном своеволии, полнейшем и бескомпромиссном отказе сдаться. — Подойди и возьми.

— Мне не так уж нужна эта штука! — прорычал Войсток, стирая хлещущую из носа кровь и поднимая бластер. — У меня осталось вот это.

— Но Радик сказал...

— Радик дал мне единственное указание — не дать тебе сбежать. — Войсток навел бластер на ногу Артагана. — Он ничего не говорил насчет того, чтобы оставить тебя в живых.

Он нажал на спуск.

Артаган закричал. В вырвавшейся из дула вспышке он увидел, как заряд разорвал его правую ногу, превратив ее в месиво крови и хрящей; остался лишь неровный пенек белой кости, торчащей чуть ниже колена. Перевернувшись на спину, он попытался отползти, но распростерся навзничь на полу.

— Больно, да? — Войсток подступил ближе. — Ты никогда больше не сможешь ходить. Не сможешь драться.

Теперь ты калека и будешь мучиться от боли весь жалкий остаток своей жизни. — Он поднял бластер, целясь заключенному прямо в голову. — Может, попросишь пощады? Я проявлю милосердие и подарю тебе быструю смерть.

Артаган уставился на бластер, с его лица мгновенно пропало всякое выражение. Затем он улыбнулся.

Это была улыбка воина, побежденного и страдающего, но

сохранившего холодную уверенность, которую можно встретить у солдат и убийц, всю жизнь усердно торговавших болью. Старые шрамы на лбу налились кровью и стали отчетливо видны.

Он заговорил голосом тихим и спокойным:

— На моей родной планете умирающему обязательно надо сделать ложе. Это может занять лишь несколько секунд, и оно может представлять собой всего лишь кусок земли, где тот лежит, но это не значит, что наш обычай не следует принимать всерьез. Вы уверены, что достойны такой чести, офицер Войсток?

— *Чести?* — фыркнул Войсток. — Старик, кем ты себя возомнил?

— Я Артаган Труакс. — Голос превратился в тихий хрип, но не дрогнул. Под закрытыми веками белки глаз стали краснеть, наливаясь алым от внутреннего кровоизлияния. — Я убивал людей в одиннадцати системах. Я многое пережил, я дрался и не давал пощады. И не тебе подобным сломить меня сегодня. Меня и моего сына. *Я не попрошу о милосердии.*

Войсток покачал головой, его палец напрягся на спусковой скобе бластера:

— Значит, ты...

Договорить он не успел. Раздался резкий хруст позвонков, и голова офицера развернулась на сто восемьдесят градусов.

Артаган Труакс поднял взгляд и увидел, что над мертвым телом охранника стоит забрак, держа того за челюсть и за затылок. Заключенный по имени Джаганнат разжал ладони, и Войсток осел на пол медотсека безжизненной, рыхлой кучей.

— Джаганнат, — сумел выговорить Артаган. Краснокожий заключенный взглянул на него; в его желтых глазах не было и тени сочувствия.

— Есть разговор, — сказал он.

20
РАСКРЫТЫЕ СЕКРЕТЫ

Какое-то время старик глядел на него. Его лицо совершенно побелело, за исключением глаз, налитых кровью. Дышал он хрипло и с трудом. Его сотрясала дрожь. Тем не менее на данный момент он, похоже, все еще пребывал в здравом уме.

— Что ты сделал для Айрема Радика? — спросил Мол. — Почему он не позволяет тебе бежать?

Губы старика шевельнулись, но сорвавшиеся с них слова были слишком тихими, чтобы их услышать. За дверями медотсека снова раздалась бластерная пальба. Наклонившись, Молу удалось разобрать:

— Эоган?..

— Твой сын здесь, — сказал ситх, взглянув на мальчишку, валявшегося без сознания в куче хирургических инструментов. Затем он перевел взгляд на старика, оценив его положение по искалеченной ноге и постоянно растущей под ним луже крови. — Но ты уже вряд ли сможешь за ним присматривать.

Лицо пожилого заключенного напряглось. Похоже, он уже осознал всю отчаянность своего положения.

— Я могу его защитить, — предложил Мол, — если ты расскажешь мне то, что я хочу знать. — Он снова склонился над раненым. — Что ты сделал для Айрема Радика?

Мужчина кивнул и с трудом ответил хриплым шепотом:

— Спас ему жизнь.

— Радику?

Еще один кивок.

— Когда это было?

— Двадцать лет назад. На станции «Лактин». Рядом с Гиджуанской дугой.

— Где он? — спросил Мол. — Где мне его найти? Он сейчас здесь, в «Улье-7»?

Губы Артагана дрожали.

— Он...

Крики охранников снаружи стали громче. Бластерный огонь усилился: металлические плитки, из-за выстрелов откалывавшиеся от внутренней облицовки медотсека, рассекали воздух и врезались в пол вокруг беглых арестантов. Мол понимал, что охрана ворвется сюда с секунды на секунду.

Он развернулся, встал и обнаружил окровавленное лицо старика всего лишь в нескольких сантиметрах от своего. Тот

приподнялся и схватил Мола за запястье. Доведенному до полусмерти, лишившемуся ноги человеку каким-то образом удалось собрать все свои силы.

— Где он сейчас? — повторил Мол.

Старик уставился на него. Произносить каждое слово ему позволяла лишь абсолютная решимость.

— Эоган, — проговорил он. — Эоган знает. *Всё*.

Мол не успел больше ничего спросить: раздался резкий щелчок, а вслед за ним — гул восстановленного энергоснабжения. Заморгали, включаясь, флуоресцентные лампы у них над головами. Их яркий свет позволил увидеть перекошенное лицо пожилого мужчины.

— Блокируем их здесь! — выкрикнул кто-то из охранников. Двери распахнулись, надзиратели ворвались в отсек с бластерами на изготовку и рассредоточились с обеих сторон.

Мол слышал, как они топчутся по полу, пока его резким тычком в спину поставили на колени, ухватили за руки и сковали их за спиной. Он хотел было встать и безошибочно узнал последовавшее за этим ощущение: кольцо горячего металла — ствол бластера, из которого недавно выстрелили, — прижалось к его затылку.

— Не двигайся, слизняк! — заявил охранник у него за спиной. — У нас приказ доставить тебя прямо к коменданту. — Горячая сталь сильнее вжалась в кожу. — Но это не значит, что по пути с тобой не может произойти несчастный случай.

Мол зарычал и лишь после этого повернулся, чтобы взглянуть на старика, лежавшего бесформенной грудой менее чем в метре от него.

«Эоган знает. Всё».

— Двигай, — приказал охранник.

Мол отвел взгляд от Артагана Труакса, медленно поднялся на ноги и вслед за охраной вышел из распахнутых дверей медотсека в коридор.

21
«ВЕРЕТЕНО СНА»

Забрака ввели в забитый охраной эксплуатационный лифт, пара надзирателей встала у него по бокам, а один сзади, приставив к спине дуло бластера. Взглянув вверх, в полированный потолок лифта, Мол узнал Смайта, молодого новобранца, который сканировал его по прибытии сюда.

— На что ты там уставился? — спросил его Смайт.

Мол оттопырил губу ровно настолько, чтобы показать заостренные клыки.

— Узнаешь, — бесстрастно сказал он, — если еще раз ткнешь меня своей игрушкой.

Смайт поморщился, но перестал тыкать в него стволом.

Лифт остановился, охранники ввели ситха в сверкающее помещение — кабинет, элегантная обстановка которого сильно контрастировала с остальной частью тюрьмы. Войдя, Мол увидел темноволосую женщину с холодным взглядом голубых глаз, стоявшую позади стола. Смотрела она уверенно, а вот улыбку на лице, казалось, приклеила чья-то не слишком уверенная рука.

— Заключенный 11240, я комендант Садики Блирр, — начала женщина. — Извини, что не пожимаю тебе руку.

Мол ничего не ответил.

— Сегодня утром в медотсеке произошли некоторые непредвиденные события. — Она кивнула на мониторы за своей спиной. — Данные видеонаблюдения за тот период не совсем полные. Надеюсь, ты поможешь мне заполнить пробелы.

Мол не отвечал.

— Слышал, что сказала комендант? — вступил охранник, на этот раз не Смайт, а плотный мужик с густыми черными бровями. — Говори, что ты сделал с Войстоком?

— С ним произошел несчастный случай, — проронил Мол.

— Лжец, — заявил охранник и потянулся за бластером.

— Если говорить начистоту, — промолвила Садики, жестом останавливая подчиненного и не отрывая взгляда от Мола, — меня ничуть не беспокоит, что произошло с офицером Войстоком, а также то, кто в итоге несет за это ответственность. На поверку вышло, что он был столь же глуп, сколь и ленив — и погиб в ходе пособничества неудавшейся попытке побега. Ни в одном из этих событий нет ничего необычного, кроме того, что он действовал чрезвычайно неуклюже и некомпетентно. — Она слегка пожала плечами. — Какая бы ни выпала ему судьба, я уверена, он

заслужил ее. Мы не будем по нему скучать.

Теперь ее улыбка изменилась — стала абсолютно уверенной, даже сияющей, и Мол понял, что его первоначальная оценка коменданта оказалась ошибочной: нервозность, которую он в ней ощутил, не более чем притворство — чтобы отвлечь его. Странное дело, но его этот трюк почти восхитил.

— А вот что меня крайне интересует, — продолжала Садики, достав откуда-то из-под стола инфопланшет и держа устройство так, чтобы заключенный мог ее видеть, — так это данная электроэнцефалограмма. Узнаешь?

Мол взглянул на экран: по нему бежали слегка волнистые линии, ритмичные волны глубокого покоя.

— Эта запись твоей мозговой активности сделана при первичном медосмотре по прибытии в «Улей», — пояснила комендант. — А вот здесь мы можем увидеть нечто крайне специфическое. — Она нажала на кнопку, и волны на экранчике запрыгали и заметались, формируя причудливый рисунок из острых пиков и глубоких провалов. — И что у нас здесь такое?

Мол ответил ей взглядом, полным безразличия:

— Понятия не имею.

— Правда? — Уголки губ коменданта неуловимо дрогнули. — А вот, смотри, это по-настоящему интересно, потому что ты поставил нашего медицинского дроида в тупик. Вот здесь... — она указала на экран, — определенно крайне специфические аспекты возбуждения коры головного мозга, которых дроид не видел ни на одном уровне быстрого сна. Предположительно это особая форма волнового сигнала, называемая «веретено омикрон». Мой дроид говорит, что видел нечто подобное у некоторых очень искусных телепатов. Что делает тебя по-настоящему выдающимся экземпляром.

Выражение лица Мола осталось холодным и бесстрастным. Садики коснулась рукой его виска, скользнула кончиками пальцев вниз и провела по челюсти. Наклонившись, она шепнула, понизив голос:

— У тебя есть тайна, дружище. Вот в чем проблема. Не думаю, что ты случайно оказался в моей тюрьме, — и не думаю, что ты оказался здесь для того, чтобы участвовать в поединках.

— Тогда, возможно, следует меня отпустить, — произнес Мол.

— О, — улыбнулась она, — а вот этого я никогда не сделаю. Особенно сейчас, когда ты стал фаворитом у галактического игорного сообщества. Ты стал звездой, Джаганнат. Зуб — так они тебя называют?

Мол едва смотрел на нее. Его внимание привлек стол в

дальнем углу кабинета. Под ним что-то очень слабо мерцало, отбрасывая почти незаметные зеленоватые блики на желто-коричневое ковровое покрытие. Он поднял взгляд на Садики, все еще державшую в руке инфопланшет:

— Позвольте мне взглянуть.

— На это? — Мгновение она колебалась, затем протянула ему устройство. — Как хочешь.

Мол взял планшет и вгляделся в плоский дисплей, где взмывали и опадали линии, обозначавшие электрические ритмы его мозга. Он покачал головой.

— Для меня это темный лес, — сказал он и, дернув запястьем, швырнул устройство через всю комнату так, что оно шлепнулось на пол под столом.

Садики безмятежно глядела на него. Похоже, ее ничуть не задела эта маленькая выходка; пожалуй, она даже подтвердила свои подозрения о том, кто он такой.

— Ты ведь абсолютно выдающийся экземпляр, верно? Практически штучная работа! Идеально сложенный, великолепно подготовленный, способный выжить практически в любых условиях, жестокий, обладающий быстротой реакции, находчивостью и возможностью перестроиться для преодоления практически любого мыслимого препятствия или противника. Идеальный инструмент насилия. — Она помедлила, ее голос слегка смягчился. — В некотором смысле ты — идеальный заключенный для «Улья-7». Ты тот, кого мы ждали.

Взгляд Мола метнулся под стол, где приземлился планшет коменданта. Он лег дисплеем вверх, и теперь в нем отразился предмет, оказавшийся прямо над ним: нечто, по его предположению, способное находиться там — крошечное, совершенное электронное устройство, светящееся слабым зеленоватым светом, прикрепленное снизу к столешнице. Он снова перевел взгляд на Садики:

— Мы закончили?

— Не совсем. — Она обратилась к охране. — Оставьте нас.

Судя по виду Смайта, тот колебался:

— А вы уверены...

— Немедленно. — Садики нетерпеливо кивнула на выход, а потом заперла дверь за удалившейся охраной. Когда она вновь повернулась к Молу, выражение ее лица снова изменилось — стало напряженным и сосредоточенным. — Ты не должен был пережить поединок с вампой, — заявила она. — Полагаю, ты и сам это понимаешь. Вообще-то, я готова держать пари, что ты осведомлен об очень многих вещах, но не поделишься ими со мной. Например, зачем ты ищешь Айрема Радика.

Лицо Мола даже не дрогнуло.

— Это вопрос?

— Ты можешь считать, что истинную цель твоего пребывания здесь удастся сохранить в тайне, но будь уверен, — ее черты заострились, а лицо посуровело, — ничто здесь не происходит без того, чтобы я не узнала об этом. Ты мне расскажешь, что уже выяснил о местонахождении Радика и кто послал тебя на его поиски. — Она сделала паузу. — Это клан Десилиджик? Хатты?

Мол ничего не ответил.

— Очень хорошо. — Она улыбнулась, но на лице не возникло ни радости, ни удовольствия. — Пусть будет по-твоему. А пока... — Садики слегка оттопырила губу, показав нижние зубы. — Будь уверен, я продолжу выставлять тебя на поединки. Я знаю, что в конце концов услышу от тебя все.

Казалось, забрак застыл.

— Зависит от обстоятельств.

— От каких обстоятельств?

— От того, кто еще слушает.

Она заморгала, не понимая:

— Что это значит?

Мол кивнул ей за спину, на стоявший в углу стол:

— Устройство, спрятанное под крышкой вашего стола, представляет собой миниатюрный микрофон. Полагаю, не вы поместили его туда, — что означает, что вы, вероятно, понятия не имели, что оно там находится.

— Что... — Садики подошла к столу, заглянула под него, отделила устройство от столешницы и снова взглянула на Мола. Видеть потрясение и растерянность в ее глазах оказалось по-настоящему приятно.

— Итак, — повторил Мол. — Полагаю, теперь мы закончили?

22
«СИНЯЯ ВЕДЬМА»

В ходе командировок по заданиям МБК Весто Слиферу приходилось ворочать миллионами кредитов, принадлежащих клиентам, для которых финансовая конфиденциальность являлась жизненной необходимостью, поэтому он обычно возил с собой целый арсенал средств нейтрализации систем безопасности и видеонаблюдения. Большинство представляло собой стандартные электромагнитные излучатели, ионно-импульсные машинки для уничтожения документов и генераторы «белого шума» — продукция «серого рынка», предназначенная для воспрепятствования любому нежелательному прослушиванию или видеонаблюдению, способному поставить под угрозу анонимность его клиентов. Кроме того, он возил с собой и собственные приборы для слежки, включая «жучок», оставленный им под столешницей коменданта Блирр.

Он так привык к этим устройствам, что даже лишний раз не снимал с них данные — просто устанавливал в местах, где ему довелось оказаться. Установка «жучков» стала для него ничем не примечательной процедурой, вроде распаковки багажа.

Но в этот раз он привез с собой нечто особенное — подарок от инженеров Банковского клана.

— Испытания еще не закончены, — объяснял перед отъездом Слиферу техник на Муунилинсте, протягивая ничем не примечательную синюю трубочку размером с указательный палец. — Мы назвали ее «синей ведьмой».

— Поэтично, — сухо отметил муун.

Техник пожал плечами:

— Она позволяет вам оставаться невидимым для самых совершенных голокамер наблюдения. Как будто рассеивает свет, но в результате в кадре не образуется белое пятно — изображение просто отсутствует. Работает и в движении. Действует на любую электронику, звуко-и видеозаписывающие устройства. Не обнаруживается никакими сканерами. Только будьте осторожны. — Он нажал на кнопку. Устройство немедленно включилось и засветилось. — Она сильно нагревается во время работы.

Слифер внимательно осмотрел прибор и протянул его обратно, покачав головой:

— У меня есть собственное оборудование.

Техник сложил руки на груди:

— Мм... Он хочет, чтобы вы его взяли.

— Он?

— Я говорил с ним лично. Он хочет быть уверен, что вы предприняли все меры предосторожности.

Поэтому Слифер привез «синюю ведьму» с собой. Теперь, сидя в апартаментах для посетителей на недостроенном верхнем уровне «Улья-7», он включил устройство и подождал, пока активируется голоприбор. Раздался высокочастотный вой, и спустя несколько секунд он обнаружил, что глядит в лицо мууна, отправившего его сюда, — вероятно, самой ужасающей личности, с которой он когда-либо сталкивался.

— Магистр Дамаск, — поприветствовал собеседника Слифер, слегка поклонившись.

— Слифер. — Хего Дамаск был облачен в одежду с длинным рукавом и транспираторную маску. Где-то за его спиной поток голоданных выхватывал лишь слабые намеки на мир, в котором тот в данный момент находился: причудливая крепость на какой-то заросшей джунглями луне. Слиферу показалось, что он различил отдаленные крики экзотических птиц. — Вы приняли необходимые меры предосторожности, прежде чем вызвать меня?

— Да, магистр.

— Что вам удалось узнать?

Слифер ощутил, как тонкое лезвие скользнуло из живота вверх и уперлось в грудную клетку. Он лишь дважды беседовал с Хего Дамаском перед командировкой в космическую тюрьму, но интуитивно понял, что с ним нет смысла тянуть время, если собираешься сообщить плохие новости.

— Боюсь, удручающе мало.

— В самом деле? — Выражение лица Дамаска невозможно было понять. — Это печально. Вы вышли на контакт с Молом?

— Напрямую — нет. Но устройство, которое я спрятал в кабинете начальника тюрьмы, позволило мне подслушать их разговор. Он отрицал, что знает что-либо о Радике. Фактически он отрицал, что послан сюда, чтобы отыскать его.

Дамаск прищурился:

— Значит, он не знает, что вас послал я?

— Нет, магистр. У меня создалось впечатление, что вы не хотите, чтобы ваше имя связывали с этим делом. — Слифер перевел дух, ощущая, как кожа покрывается тонкой пленкой испарины. — Я был неправ?

Дамаск долго молчал.

— Возможно, истинное задание Мола еще секретнее, чем меня заставили поверить.

— Если бы мы знали, кто его послал… — начал было Слифер.

— Я знаю, кто его послал! — рявкнул Дамаск. — Вопрос не в

этом.

Слифер неуверенно кивнул.

— Сэр, могу я...

— В чем дело?

— Возможно ли, что Айрема Радика нет в «Улье-7»? Или где бы то ни было, если на то пошло? — При отсутствии возможности узнать, как начальник воспринял его гипотезу, подчиненный глубоко вдохнул и поднажал: — Вам, конечно, известны слухи, что этой личности на самом деле не существует — что он, ммм, своего рода фантом.

— Фантом?

— Миф, придуманный группировкой торговцев оружием, ложный фасад, созданный для устрашения конкурентов. Я имею в виду, точно известно, что ни одна живая душа не видела этого Радика. Возможно, Мол тоже это выяснил. — Голос Слифера надломился, и он умолк, чтобы сглотнуть слюну и привести в порядок чувства. — Или кто-нибудь уже расправился с ним.

И снова Дамаск не стал отвечать сразу: его взгляд буравил Слифера поверх дыхательной маски. Затем он протянул руку куда-то за пределы голограммы. На мгновение Слифер испугался, что начальник намеревается оборвать связь, но вместо этого возникли данные. Они наложились на видимую ему картинку — четкие колонки цифр и наименований портов повисли над головой Дамаска.

— Восемнадцать стандартных месяцев назад, — проговорил Дамаск, — виго преступного синдиката «Черное солнце» отправил из Порт-Шлюза челнок, не имеющий разрешения. Пунктом назначения являлся «Улей-7». Его особый груз состоял из краденой тараскийской взрывчатки, которая в предыдущем году пропала со спутникового склада корпорации «Бластех». Шесть месяцев спустя этот челнок вылетел снова. На этот раз он вез барадий.

— Могу ли я спросить, откуда у вас эти...

— Не имеет значения, — перебил его Дамаск. — Вы могли бы обнаружить их и сами, если были бы достойны своей репутации аналитика.

— Магистр, такие специфические компоненты... — Слифер уставился на голо, изо всех сил стараясь переварить информацию, содержащуюся в столбцах данных. Вывод был очевиден. — Вы считаете, что кто-то здесь, в «Улье-7», действительно производит термальные детонаторы?

— Или еще что похуже.

— Даже представить не могу...

— Наша разведка считает, что самая последняя поставка

состоялась меньше месяца назад. Станция слежения на орбите идентифицировала груз как обедненный оружейный уран.

Впервые Весто Слифер обнаружил, что ему нечего ответить. Но это не имело значения. Дамаск, казалось, устал слушать его.

— Айрем Радик *не фантом*, — проговорил магистр. — Не миф, не ложный фасад и не плод общегалактического воображения. Он существует *на самом деле*. Факты не оставляют сомнений в том, что он жив, здоров и проворачивает свои дела где-то в недрах «Улья-7». И с учетом того, насколько мощное оружие он способен создать в следующий раз, у меня имеются основания считать, что данное Молу задание может представлять для галактической стабильности и моей личной безопасности даже большую угрозу, чем он сам осознает.

— Следовательно, вы хотите, чтобы я...

— Я хочу, чтобы вы прекратили скрывать свою некомпетентность за идиотскими догадками, — накинулся на него Дамаск, — и делали свою работу. Добудьте информацию прежде, чем ее получит Мол. Передайте ее мне — и только мне!

— Да, магистр.

— Кстати, — добавил Дамаск. — Чтобы вам лучше искалось, запомните: пока не выполните данное вам поручение, можете считать себя постоянным обитателем тюрьмы. Это понятно?

— Абсолютно, сэр. Будет ли мне позволено добавить, что если я разочарую вас каким-либо образом...

Но было уже слишком поздно. Голоизображение пропало — лицо Дамаска и все данные исчезли. Слифер обращался к пустому месту.

23
ЗАВОДСКОЙ ЭТАЖ

Мол сидел в своей камере, устроившись на скамье напротив распахнутого люка. Остальные заключенные бродили по холлу, убивая время в ожидании трубного гласа, дающего сигнал к началу очередного поединка. Но в данный момент он предпочел побыть в уединении — или в месте, которое может сойти за него. Он еще не восстановился окончательно. Необходимы время и тишина, чтобы вернуть себе силу.

Наклонившись вперед, он уперся правой рукой в сиденье между колен и приподнял себя над скамьей на одной руке, сосчитал до пятидесяти, опустился и повторил уже с другой рукой. Это упражнение он сделал по десять раз на каждую руку. Затем встал в стойку на двух руках: поднял тело вертикально вверх, вытянул ноги и стоял так, пока все мускулы не задрожали от напряжения. Где-то в глубинах его мозга вспыхнуло пламя — в этом не было ничего приятного, но знакомое ощущение дало выход терзавшему его гневу, все нараставшему с тех пор, как он вернулся из кабинета Блирр.

Снова опустившись на скамью, забрак выдохнул и стряхнул со лба капли пота. Несмотря на распахнутую дверь, неуловимая клаустрофобия не проходила. Казалось, с каждой минутой камера становится меньше. Возможно, так оно и было. Несомненно, подвижные стенные и потолочные панели возможно запрограммировать на такие мелкие движения, и в данный момент он почти ожидал, что Садики будет оказывать на него давление любым возможным для нее способом. Он расстроил ее попытки допросить его, и это не добавляло спокойствия. Но чего он в действительности страстно желал — это оторвать ей голову голыми руками, хотя это и не решило бы его проблемы.

«Я продолжу выставлять тебя на поединки».

Меньшего он и не ожидал. Она будет бороться с ним, пока не убьет или пока он не скажет, зачем ищет Радика. Если только подслушивающее устройство, спрятанное у нее под столешницей, не означает, что она не единственная, кто пытается добыть эту информацию.

Его мысли перешли к Артагану Труаксу и его сыну. Оба будут находиться под усиленной охраной после попытки побега, что на данный момент делает их недоступными. Но Мол знал — если выждать, возможность представится сама. Он вспомнил шепот старика: «Эоган знает. Всё».

Да. И если он...

За дверью камеры что-то шевельнулось.

Мгновенно оказавшись на ногах, Мол менее чем за секунду очутился у открытого люка. И обнаружил, что его ожидают — но вовсе не заключенный.

На балке, глядя на него сверху вниз тусклыми черными глазами, сидел когтекрыл — та самая птица, которую он заметил в туннелях.

В клюве она что-то держала.

Кусочек кости.

— Что ты здесь делаешь? — спросил ее Мол.

В ответ птица резко, жалобно каркнула, затем взмахнула крыльями и полетела.

Не осознав до конца свое решение, Мол бросился за ней.

* * *

Он несся по коридору, мимо случайных арестантов, болтавшихся перед дверями своих камер, пересекал открытые пространства, не позволяя птице скрыться из виду. Стены слились в сплошные полосы. Ситх пробежался по барьеру, идущему на уровне талии, затем перепрыгнул через кучу мусора в дальнем конце коридора и отшвырнул в сторону двух случайно попавшихся на пути заключенных — и все это не снижая скорости.

Когтекрыл полетел быстрее. Он метнулся куда-то влево под потолок и исчез в вентиляционной отдушине.

Подтянувшись, Мол прыгнул в вентиляционную трубу следом за птицей, упал с десятиметровой высоты и тут же вскочил, его глаза мгновенно приспособились к темноте; ситх следовал за птицей среди технических дроидов по лабиринту вспомогательных коридоров, разбегавшихся во всех направлениях. Самого когтекрыла он больше не видел, но ясно слышал, что он где-то впереди: пернатого выдавал шелест крыльев, рассекающих темный воздух.

Сделав короткий рывок, Мол прыжком преодолел недостроенную платформу, приземлился с противоположной стороны и метнулся к мосткам, соединяющим платформу с целой паутиной кабелей, идущих по противоположной стене. Цепляясь за кабели, ситх шаг за шагом подтягивал себя вверх к нужному месту, а поднявшись, в очередной раз миновал люк. За ним

оказалось громадное открытое пространство.

Птица глядела на него, усевшись на куске кабеля, одиноко торчавшем из небольшой кучки всяческого хлама — проволоки, жил проводов, обломков микросхем и мусора. Он понял, что здесь, должно быть, гнездо этого существа. Мгновение оно просто глядело на него сверху вниз как будто с завистливым восторгом. Маленький кусочек кости оно до сих пор держало в клюве.

Мол сверкнул глазами на тварь.

«Что ты здесь делаешь, птичка?»

Он осмотрелся кругом. Погоня за когтекрылом привела его в место, по слухам называвшееся Заводским этажом. Узники считали, что это еще один недостроенный этаж где-то под мастерскими, куда они часто наведывались. Мол осмотрел изогнутые ребра распорок, поддерживающих потолок, а потом глянул под ноги, на заброшенные металлические прерии покрытого дюрастальной плиткой пола.

Похоже, слово «заводской» употреблялось здесь в самом широком смысле, какой только молено себе представить. Вне зависимости от того, что предполагалось здесь производить, замысел не воплотился дальше доставки и установки станков. Вокруг ситха громоздились пустые ленты конвейеров и громоздившиеся друг на друга поддоны. Над всем этим блестели обращенные вниз объективы из дымчатого стекла. Видеонаблюдение. Вездесущее око.

Мол удостоил все это лишь мимолетным взглядом. Ледяной космический вакуум ощущался совсем близко, он с шипением давил на внешнюю обшивку станции; ситх ощутил, как усиливается искусственная гравитация — побочный эффект плохо откалиброванных генераторов, которые изначально не потрудились настроить правильно. Как и многое в «Улье-7», Заводской этаж свидетельствовал о спешке и непоследовательности, будто всю космическую тюрьму собирали из деталей в темноте и впопыхах. Казалось, что из всей здешней техники одни только камеры, молчаливые и вездесущие, функционировали в соответствии с проектом. Охрана бдит. Охрана всегда бдит.

Он сделал еще несколько шагов и остановился...

...перед некоей конструкцией — забрак решил, что придется называть ее скульптурой, — сложенной исключительно из костей. Неуклюжее сооружение высотой в его рост состояло из ребер, черепов и суставов пальцев, как человеческих, так и нечеловеческих, соединенных между собой в какую-то невероятную композицию.

И она была такая не одна. Оглядевшись, Мол увидел, что эта

часть Заводского этажа представляет собой настоящий лес из костяных скульптур, некоторые из которых даже свешивались с потолка или торчали из стен. Будучи равнодушным к эстетике, Мол все же обнаружил в этих костяных нагромождениях странную притягательность. Что же еще происходит в недрах «Улья-7»? Кто или что создает новый ужас, какого Галактика не видела и в самых страшных ночных кошмарах? Тут проявилась какая-то частичка его души, о существовании которой он и не подозревал. Он подумал о когтекрыле с костью в клюве и понял, зачем пошел вслед за ним. Пернатое существо привело ситха к тому, кто все это создал.

В этот момент он услышал звук, который ни с чем невозможно спутать. Откуда-то сзади раздалось жужжание сервопривода: к нему приближалось нечто на механических гусеницах.

Мол развернулся и увидел небольшой служебный дроид, беспечно двигавшийся в его направлении с охапкой костей. Заметив пришельца, дроид остановился и что-то пронзительно пискнул на каком-то машинном языке.

— Что ты здесь делаешь? — спросил его Мол.

Дроид застыл. Затем, панически защебетав, развернул свои гусеницы и попытался скрыться, но Мол кинулся к нему и приподнял над полом, предотвратив бегство.

— Полегче, Джаганнат, — раздался голос. — Нет необходимости запугивать моего дроида, не правда ли?

Мол поставил механизм в сторонку и оглянулся. За его спиной стоял коротышка-заключенный, сияя широкой безмятежной улыбкой. Тот самый чадра-фан, встреченный им в столовой, единственный, кто не отреагировал на взрыв в кухне.

— Койл?

— Заблудился среди великого хлама, да, брат? — Койл погладил дроида, похлопал его по голове и отправил прочь с каким-то поручением. — И как же ты отыскал дорогу досюда, интересно?

— Я шел за когтекрылом.

— За птичкой? — Койл моргнул. — Вот загадка, над которой стоит задуматься, не так ли? Зачем узнику гнаться за птицей? — Не дожидаясь ответа, он бухнулся на колени и принялся собирать рассыпанные дроидом кости, тихонько бормоча себе под нос. — Ты не против помочь мне, брат? А то у меня тут работа, не правда ли?

Мол окинул взглядом костяные скульптуры:

— Это все твои?

— Хобби у меня такое, не так ли? — Койл кинул

недовольный взгляд на кучку костей. — Этого будет недостаточно. Я должен был встретиться здесь с парой «королей» — они приносят мне материал. — Он взмахнул рукой, указывая на скульптуры. — Видишь, это я создал. В подобных местах кости — самый распространенный материал для творчества. Улавливаешь мысль, не так ли?

Он махнул рукой сквозь темную пустоту, на противоположный конец конвейерной ленты у дальней стены. Мол взглянул. Новая скульптура чадра-фана представляла собой башнеобразную инсталляцию из бедренных костей, ребер и позвонков, с гладкими костяными крыльями и лицом, полностью выполненным из черепов. Она возвышалась над тенями Заводского этажа по меньшей мере метров на восемь.

Всплыл и еще один аспект, на который Мол не сразу обратил внимание. Если смотреть под определенным углом, из костей формировался рисунок. Что-то вроде математического уравнения или иностранного алфавита — код, с ходу не поддающийся расшифровке.

Он подошел ближе, склонив голову набок. Внутри скульптуры таилось нечто, что он не мог хорошенько разглядеть.

— Что все это значит?

— Значит? Значит? — Койл снова хихикнул. — Это значит, что брат до сих пор не разгадал мою загадку, не правда ли?

— Какую загадку?

— Зачем узнику гнаться за птицей? — Мгновение чадра-фан разглядывал свое творение, затем, не дожидаясь ответа от Мола, взял под мышку охапку тонких косточек и устремился к лестнице, ведущей на сооруженные рядом со скульптурой леса.

Мол проводил его взглядом:

— Что еще ты здесь строишь?

— О, очень многие прекрасные вещи.

— Оружие?

— А, вот и еще одна загадка, не так ли? — Койл взглянул на него с лестницы, и на этот раз на его грызуньей мордочке не отразилось и следа каких-либо эмоций. — Любая вещь может стать оружием, — тихо сказал чадра-фан, — не правда ли?

Он еще раз мельком улыбнулся, провел пальцами по внутренней стороне поручня и поднял ладонь, чтобы Мол разглядел оставшийся на ней красно-черный след.

— «Я скользкая и жирная! Но смешай меня с кровью, и я разъем сталь». — Его глаза блеснули. — Улавливаешь мысль, брат?

— Довольно загадок! — Мол чувствовал, что его терпение на исходе. Он схватил чадра-фана за плечо и притянул к себе. — Я

знаю — я все ближе к Айрему Радику. Мне как можно быстрее надо с ним встретиться. Мой наниматель хочет заключить с ним сделку.

— Твой наниматель? — проговорил с прохладцей голос у него за спиной. — Что же это за наниматель такой?

Ситх выпустил Койла и развернулся. Менее чем в метре от него стоял тви'лек, не отводя взгляда от Мола. Он приблизился абсолютно беззвучно, будто возник из потока черного дыма.

— Зеро, — проронил Мол.

— Джаганнат, — кивнул тви'лек в знак приветствия, затем перевел внимание на незавершенную костяную скульптуру. — Да. — Он прикоснулся к ней, казалось, с неподдельным восхищением. — Это очень красиво, Койл. Ты делаешь большие успехи.

— Благодарю вас, — ответил чадра-фан. — Хотя я еще не закончил. Нужно больше костей.

— В которых недостатка нет, — подхватил тви'лек. — Как там у нас говорят? «Червь поворачивается...»

Койл улыбнулся, заканчивая поговорку:

— «...и костей все больше».

— Червь? — переспросил Мол.

— А... — Койл снова повернулся к Молу. — Вот и следующий вопрос, не так ли? — Он улыбнулся, но на сей раз в его словах, произнесенных с той же распевной рифмой, присутствовало совсем мало теплоты: — У любого кошмара есть свой собственный кошмар.

Мол решил обратиться за разъяснениями к Зеро:

— Что он имеет в виду?

— Мой друг имеет в виду сайрокса, — пояснил Зеро. — Это волкочервь, живущий в «Улье-7». Он передвигается по тюремным трубопроводам и жиреет от крови, пролитой на поединках. Кошмар внутри кошмара, если тебе угодно. Возможно, ты уже сталкивался с его отпрысками, Джаганнат, — и, без сомнения, столкнешься и впредь. Но с ним самим... — Он сделал паузу, вздрогнув от отвращения. — Иногда по ночам, если спуститься в самую глубокую шахту и приложить ухо к стене...

— Страшилки меня не интересуют, — заявил Мол.

— Если бы я сам был страшилкой, — пискнул Койл, — меня бы они интересовали, не правда ли?

Проигнорировав чадра-фана, Мол сосредоточил внимание на Зеро:

— Тот, кто попал сюда в поисках Айрема Радика. Тот, кто спас ему жизнь. Его зовут Артаган Труакс.

— Труакс... — Выражение лица тви'лека невозможно было

разобрать. — Это правда?

— Радик существует, — твердо сказал Мол. — И я знаю, что он где-то здесь. Банды работают на него… или на кого-то, кто служит ему. Они тайно снабжают его деталями оружия, которые ввозятся сюда контрабандой. Есть строгий порядок подчинения, и Радик использует его, чтобы скрыть свою истинную личность. — Он ждал, что Зеро начнет все отрицать, но тви'лек лишь задумчиво рассматривал его. Когда он заговорил, его голос был тихим и заботливым.

— Если предположить, что ты еще на один шаг приблизился к истине, — пробормотал Зеро, — тебе придется искать еще тщательнее.

— Кто работает с бандами? — спросил Мол. — Кто посредник?

Зеро пристально уставился на него.

— Знаешь, Койл ведь прав. «Улей-7» — это кошмар. И еще… — Несколько секунд тви'лек молча смотрел на него. — Ты уже стал свидетелем проявлений отваги в этих стенах, не так ли? И возможно, даже самоотверженности?

Мол почувствовал, как голова начинает пылать от гнева:

— Я видел лишь слабость. Слабость — сама по себе наказание, так же как сила — сама по себе награда.

— Разве все так просто? — поинтересовался тви'лек, но, похоже, его ремарка не имела никакого отношения к словам Мола. — И тем не менее ты с тем же упорством будешь продолжать свои поиски.

— Да.

— Будешь искать Айрема Радика.

— Да, — повторил ситх. И в этот момент ему пришла на ум еще одна возможность, наличия которой он ранее не осознавал. Что, если все это — даже эти туманные загадки, эта сводящая с ума неопределенность, вопросы, которые сами по себе кажутся бессмысленными и случайными, — все это часть какого-то большого испытания, организованного Сидиусом, чтобы оценить его возможности в качестве владыки ситхов перед тем, как позволить принять самое активное участие в осуществлении Великого плана?

Он прищурился, глядя на тви'лека:

— Мне необходимо знать все.

— В этом случае, Джаганнат, приглашаю тебя ответить на твою собственную загадку. Помнишь ее? — Он указал на костяные скульптуры.

— Зачем узнику гнаться за птицей? — И теперь Мол разглядел, что именно движется внутри большой скульптуры,

хлопая во тьме черными крыльями. — Я не...

— Потому что эта птица — баклан, — сказал Зеро.

Мол снова развернулся к нему. Но тви'лек уже шел прочь, растворяясь во тьме.

24
СПИСОК ЖЕЛАНИЙ

— Парень, просыпайся.

Эоган открыл глаза и уставился в нависшее над ним красное, покрытое татуировками лицо забрака, который пристально рассматривал его. Юноша попытался встать, но Мол прижал его плечи к койке и наклонился, чтобы шепнуть прямо в ухо:

— Где твой отец?

— Он все еще в медотсеке, — ответил парень. — Его нога...

Мол покачал головой:

— Я только что проверил. Его там нет. Куда его забрали?

— Забрали? — Недоумение Эогана переросло в панику, на осунувшемся лице отразился ужас. На щеке еще остался опухший синяк там, куда заехал локоть Войстока. Затем в выражении его лица стало проступать осознание. — Зачем кому-то...

— Твой отец знал Радика, — не дал ему договорить Мол.

— Кого?

— Айрема Радика. Твой отец спас ему жизнь, а потом приехал к нему сюда, в «Улей-7». В медотсеке он сказал мне, что у тебя есть информация о его местонахождении. Он сказал, ты знаешь все, что знает он.

— Это не... — Эоган мотнул головой. — Я ничего об этом не знаю, клянусь!

Мол сдержал желание встряхнуть его, просто чтобы посмотреть, как он даст слабину. Нынешняя ночь выдалась неспокойной. Поднявшись с Заводского этажа после крайне не удовлетворившей его встречи с Зеро и Койлом, он без устали рыскал по тюрьме; зашел в медотсек, но обнаружил, что там пусто. Камера, где жил старик, тоже пустовала. Мол расспросил «королей» и «силы», но никто не знал, где Артаган Труакс. Старик, назвавший вслух имя Радика, казалось, полностью растворился, поглощенный системой, державшей его в заключении.

— Послушай, ты должен мне верить! — настаивал Эоган. — Если бы я что-то знал, я бы сказал. — Он умоляюще уставился на Мола. — Я никогда даже не слышал об этом Радике.

Мол смотрел на него сверху вниз. Все, что сказал мальчишка, походило на правду, и это приводило ситха в бешенство. Его неведение касательно Радика и связей отца с торговцем оружием казалось абсолютно искренним.

Лишь одна часть этой истории не вязалась с реальностью.

— Если ты никак не связан с Радиком, то почему ты до сих пор жив? — поинтересовался Мол. — Почему охрана не уничтожила вас с отцом за попытку бегства?

На это у паренька не было ответа.

Мол так и оставил его лежать на койке и вышел наружу, в длинный коридор, к тишине, что наполняла его.

* * *

— Джаганнат? — шепотом позвал Ижмаш. — Это я.

Мол остановился и глянул вниз — окликнувший его сидел на корточках, привалившись спиной к стене неподалеку от тюремной прачечной. Несмотря на вонь моющих средств, ситх учуял нелвааанца еще до того, как увидел: влажноватый запах зверя, исходящий от шкуры осужденного, был ему уже знаком.

— Я тебе кое-что принес, — сообщил Ижмаш. Он покопался в кармане робы и сунул в ладонь Молу плотно сложенный прямоугольник флимсипласта. — Просто скачал со вспомогательного сервера. Хоть это не так уж и просто, потому что...

— Список полный?

— Ага. — В голосе нелвааанца безошибочно угадывалась гордость. — Полный, насколько я могу судить.

Мол просмотрел перечень заключенных — всего двести восемнадцать имен с личными номерами, номерами камер и уголовным досье в обратном хронологическом порядке; некоторые из них охватывали по нескольку лет. Сам он шел последним: одно только имя, Джаганнат, и список подложных обвинений в наемничестве и уголовных преступлениях, который обеспечил ему Сидиус перед отправкой на это задание.

Краем глаза он заметил, что Ижмаш начинает растворяться во тьме.

— Стой!

Нелвааанец замер.

— Кто это? — Мол указал на имя в середине списка — его глаза выхватили его мгновенно, а в ушах все еще отдавалось эхом последнее слово, которое он слышал от Зеро на Заводском этаже.

— Баклан? — Ижмаш уставился на него слегка расширенными глазами.

— Кто он?

Нелвааанец замотал головой:

— Не знаю. Никогда о нем не слышал.

— Он сидит здесь, в «Улье-7». Какой он расы?

— Без понятия, — пожал плечами Ижмаш. — Слушай, в этом списке полно тех, с кем я никогда не встречался, — сказал он и бросил нервный взгляд в темную даль коридора, снова намереваясь уходить. — А теперь, если тебе больше ничего не нуж...

— Нужно. — Мол опустил руку на плечо нелвааанца, останавливая того. — Мне нужно, чтобы ты снова проник в систему — в сам алгоритм. И сделал так, чтобы следующий поединок был у меня с Бакланом.

— *Что?* — Ижмаш метнул в него взгляд, до краев наполненный скептицизмом. — Ты вообще представляешь, насколько это трудно? Особенно после того, как я уже взломал его? — Он покачал головой. — После событий в медотсеке охрана выискивает любую мелочь, которая отклоняется от протокола.

— Ты хорошо делаешь свою работу. — Мол кивнул на список заключенных. — Ты уже доказал, что мне от тебя пользы больше, чем от твоего главаря. Страбон будет подчиняться тебе, — заявил ситх. — А может, уже подчиняется.

— Мне нужно время.

— У тебя есть время до следующего боя. По моим подсчетам, на взлом у тебя уйдет три часа.

— Но...

— Я устрою диверсию, — пообещал Мол. — Советую тебе этим воспользоваться.

— Как я узнаю, что пора делать дело?

— Я тебе сообщу.

Он убрал список и зашагал прочь.

25
ИГРА ЗА ЧЕРЕП

В столовой не раздавали еду, тем не менее Мол обнаружил там Койла. Чадра-фан, тихонько и весело напевая, стоял на четвереньках и разгребал содержимое мусорных корзин, роясь в поисках объедков и складывая их в выброшенный с кухни лоток. Мол дождался, пока Койл закончит, выпрямится и обернется; с его усов капало что-то густое и вязкое.

— Джаганнат. — Чадра-фан расплылся в улыбке — дружественной, как всегда. — Снова готов к поединку, не так ли? — Он потер руки. — Мы все жаждем увидеть твою победу, и очень скоро.

Мол промолчал. Вместо ответа он выложил в лоток Койла небольшую кучку костей. Мгновение чадра-фан хмурился, в замешательстве глядя на них, затем снова поднял взгляд на Мола, часто моргая:

— Что это?

— Это тебе. Для твоей работы.

— Правда? — Койл выбрал одну косточку и задумчиво осмотрел ее. — Да, я мог бы использовать их, разумеется, и вправду мог бы. Благодарю тебя, Джаганнат. Прими мою признательность, да, прими, пожалуйста, хотя твой поступок заставляет меня задуматься о...

— Я заглянул в твое досье, — сообщил Мол. — В первую очередь меня интересовало, за что тебя упрятали в «Улей-7».

Койл вздернул брови:

— Да-да?

— Ты не был скульптором. До того как загреметь сюда, ты создавал... другие вещи. — Он помедлил. — Поддельные кредиты, если быть точным. Фальшивые деньги.

Грызун изобразил саму невинность:

— Я?!

— Если ты согласишься вновь заняться этим для меня, в обмен я предоставлю тебе любое количество костей для твоих скульптур.

— И о какой сумме речь? Если точно?

— Триста тысяч кредитов.

— И что же ты собираешься с ней делать?

— Мне нужно кое-что купить.

— Что ж. — Койл потер руки и задумчиво склонил голову к одному плечу, затем к другому. — Так, так, так. Мне понадобятся

материалы, конечно. Средства производства, лучшие друзья мастера — его инструменты. И конечный продукт...

— Составь список, — распорядился Мол. — Передашь его Зеро. Он достанет все необходимое.

— А что я за это получу?

Мол остановился и развернулся к нему:

— Что ты хочешь?

— Мое нынешнее творение, — заявил Койл. — Я думаю, ты его видел? Оно выиграет, если использовать череп определенного типа. Возможно, очень большой, напоминающий череп ящерицы. — Его язык мелькнул во рту, облизав губы. — Я слышал, что здесь, в одном из нижних тюремных блоков, содержится игольчатоспинный варактил...

— Варактил?

— Любопытнейшее существо. Ты видал их, брат? В длину пятнадцать метров! — Чадра-фан ухмыльнулся. — А знаешь, что в них самое захватывающее? Пазухи в их черепах предназначены для усиления звука, и когда сквозь них проходит воздух, они создают шум определенного типа...

Мол кивнул:

— Договорились.

26
СТАРИК

Артаган Труакс очнулся от доносившихся из темноты звуков: два голоса что-то тихо обсуждали, хотя он не мог видеть их обладателей. Поначалу он даже не был уверен, что они реальны.

Он лежал на полу, холодном и жестком. Он не знал, как долго валяется здесь. Боль в ноге — или в том, что от нее осталось, — шутила шутки со временем: растягивала его, то погружая человека в забытье, то возвращая в сознание. Он дрожал, его трясло, а спазмы лишь делали агонию мучительнее. Лоб пылал в лихорадке.

С потрескавшихся губ сорвались вымученные слова:

— Где я?

Он не был уверен, что на самом деле произнес их вслух — хотя, вероятно, все же произнес, потому что собеседники прервали разговор и обратили внимание на него. Он увидел, что они не люди: один оказался аквалишем, а другой тви'леком — тем, кого остальные зеки называли Зеро.

— Не мучай себя, Артаган, — сказал аквалиш. Его голос походил на лай, но Артаган, который провел среди представителей этой расы достаточно времени, участвуя в боях за деньги, мысленно перевел его слова на общегалактический. — Тебе нужен отдых. Ты сильно пострадал. Не делай себе хуже, чем уже есть.

Артаган попытался сдвинуться с места и ощутил взрыв боли, исходивший из обрубка наспех перевязанной ноги. Вся нижняя половина тела, казалось, горела в огне.

— Воды... — прохрипел он. — Пить...

— В медотсеке, — продолжал аквалиш, — ты рассказал забраку некоторые вещи, которые не следовало рассказывать. — Он сделал паузу. — Информацию о господине Радике. Некоторые детали, которыми не следовало делиться. В этом ты с нами согласен, верно?

— Р-Радик? — Артаган уставился на него, совершенно дезориентированный, ощущая что-то среднее между недоверием и потрясением.

— Охрана хотела убить тебя и твоего сына прямо на месте — там, где вы предприняли попытку к бегству, — добавил аквалиш и взглянул на Зеро. — Правда, в данный момент господин Радик сумел спасти вас от немедленного уничтожения...

Артаган ничего не сказал.

— Но он не будет спасать вас вечно, — добавил тви'лек. — Мы должны знать, что ты сказал забраку, Артаган. Подробности. И пожалуйста, говори как можно конкретнее.

— Я просто сказал ему...

— Да?

Старик открыл рот, но снова его закрыл.

— Где... мой сын?

Аквалиш и тви'лек обменялись взглядами.

— Да, твой сын, — произнес аквалиш. — Возможно, с его помощью мы сумеем найти ответы на интересующие нас вопросы.

— Нет... — Старик покачал головой. — Оставьте его в покое. Не втягивайте его!

Где-то в тюрьме зазвучал сигнал тревоги.

27
ВАРАКТИЛ

При помощи тонкого металлического клина и двух пинцетов Ижмаш вскрыл небольшую панель, расположенную позади клапана обратной связи системы кондиционирования.

— Превосходно, — пробормотал он. — Провода подключены к переключателю, расположенному за основными датчиками. — Наклонившись, он отделил проводки. — Давай клавиатуру.

Пребывавший не в духе Страбон молча сунул ему устройство. Начиная с того прискорбного инцидента в тюремной прачечной его статус в банде стремительно упал — от лидера до шестерки. В один миг, без всяких разговоров, Ижмаш каким-то образом вырос, став фактически главой «Силы тяжести». Такая рокировка была унизительна. Тем не менее он практически ничего не мог поделать — остальные члены шайки каким-то образом узнали, что Джаганнат сделал Ижмаша их новым лидером, и точка.

Сейчас они с нелвааннцем стояли перед двухметровой решетчатой фермой на одном из бесчисленных подуровней тюрьмы. С обеих сторон от нее пролегали трубы отопления, по которым подавался пар, нагретый до четырехсот градусов, — эти тяжелые цилиндрические колонны обрамляли большое помещение, словно скобки. По другую сторону стены, отделявшей их, по-видимому, от заброшенных карцеров, послышались звуки ударов в сопровождении пронзительных криков, сменившихся громким улюлюканьем. То, что там находилось, судя по издаваемым звукам, было громадным. И злобным.

Он бросил взгляд на Ижмаша:

— Ты уверен, что это здесь?

— Джаганнат сказал вскрывать здесь. — Нелвааннец достал провода и подсоединил клавиатуру. — Хотя я понятия не имею, как он собирается обмануть систему противодействия взлому. По мне, так мы все уже покойники. — Он взглянул на Страбона. — Держи свет ровнее, ладно?

Страбон хотел было ругнуться в ответ, но прикусил язык. Он оказался здесь по одной-единственной причине: тоже получил сообщение от Джаганната, где говорилось, что его присутствие при этой операции необходимо. Видимо, отныне он мог остаться в живых, только пока исполнял чужие приказы.

— Что, если... — начал ногри. Но это единственное, что он успел сказать, до того как ближайший к нему с правой стороны люк слетел с петель.

Страбон подскочил, вскрикнув от неожиданности. Открывшееся его глазам зрелище превосходило любые ожидания: игольчатоспинный варактил оранжевого окраса, высотой четыре метра в холке вырвался из клетки, его хвост молотил по полу и стенам, со свистом рассекая воздух. Птицеящер издал пронзительный крик, дико заулюлюкал и ударился всем телом о противоположную стену. Страбон немедленно понял, почему бесится чудовище. На спине у него сидел забрак — сам Джаганнат — и обеими руками сжимал его вытянутую морду, дергая ее из стороны в сторону.

Джаганнат? Страбон лихорадочно размышлял. Во-первых, как он туда попал? Он понял это, мельком заглянув в распахнутый люк, — в потолке клетки варактила недоставало одной панели, которую выбили снаружи.

Прямо на его глазах птицеящер взбрыкнул и развернулся на сто восемьдесят градусов, ревя все громче и громче по мере того, как пытался сбросить взгромоздившегося на него Джаганната. Протянув заднюю лапу вперед, чудовищный ящер зацепил когтистыми пальцами торс забрака, содрав кожу. Но краснокожий заключенный вцепился в него с какой-то остервенелой решимостью, которую Страбон ранее не замечал у представителей ни одной расы. Внезапно он ощутил благодарность за то, что не стал игнорировать приказ Джаганната явиться сюда, — и радость, что не пришлось встречаться с забраком в поединке.

К этому времени такое нарушение режима переполошило уже всю тюрьму. Наверху в коридорах загрохотали сапоги охраны. Завопили сигналы тревоги. Бросив взгляд вправо, Страбон увидел напряженного Ижмаша, что-то шустро набиравшего на клавиатуре, подключенной к тюремной системе видеонаблюдения: он быстро и целенаправленно нажимал на клавиши, представляя собой полную противоположность происходившему вокруг бедламу.

«Что он делает? Почему он...»

Внимание Страбона привлек новый всплеск активности. Джаганнат сумел ухватить варактила за головной гребень и вывернул его покрытый бронированными пластинками череп вправо, впечатав прямо в одну из труб, идущих вдоль дальней стены.

Существо снова издало оглушительный крик-плач, который оказался его «лебединой песней». Труба лопнула, клубы густого обжигающего пара ударили прямо в морду твари, выжигая плоть и сварив вкрутую глазные яблоки прямо в глазницах. Эффект последовал незамедлительно.

В нос Страбону ударила вонь паленых перьев и горелой кожи, плоть сползла с морды варактила, обнажив череп, состоящий из толстых костяных пластин. Мертвая тварь вместе со все еще сидящим на загривке забраком рухнула на пол.

За спиной у ногри послышались голоса, и он оглянулся. К охране присоединились любопытствующие арестанты: теперь они толпились в холле, привлеченные шумом и суетой.

— Что случилось? — спросил кто-то.

— Ящер вырвался, — пробормотал Ижмаш. Он уже закончил мудрить с проводами, отключил клавиатуру, затолкал ее в открытую панель и успел вовремя захлопнуть крышку. — Джаганнат его поймал.

— Ага, я уже догадался, — прозвучал ответ.

Джаганнат тем временем занялся черепом варактила. Дернув его в заключительный раз, он отделил голову от шеи и поднял ее повыше. Обожженный язык твари вывалился и серым лоскутом свисал с челюсти, словно тряпка, приспособленная под белый флаг капитуляции.

В коридоре воцарилась тишина. Забрак слез со спины чудовища и поднял гигантский череп над головой. Заключенные и даже некоторые охранники отступили назад, когда он пронес свой ужасающий трофей через все помещение, завернул за угол и исчез из виду.

— Куда он его потащил? — вслух поинтересовался один из охранников.

Страбон услышат, как другой едва слышно ответил:

— Хочешь его спросить?

* * *

— Красота, не правда ли? — Койл восхищенно взирал на череп. — Чтобы завладеть им, тебе не понадобилось много времени, не так ли?

Мол ничего не сказал. Он принес череп птицеящера на Заводской этаж и без всяких церемоний положил его у ног чадрафана, и чувствовал он сейчас такую опустошенность, какой никогда не испытывал. Удержаться на хребте твари на необходимое время, чтобы убить ее, потребовало больше сил, чем ожидал забрак, кроме того, ее мощные когти оставили глубокую рану в его правом боку. Из раны медленно, но непрерывно сочилась кровь.

Хотя если все пойдет, как запланировано, оно будет того стоить.

— Ты в порядке, Джаганнат?

— В порядке, — бросил Мол. — Ты готов выполнить свою часть сделки?

— Я уже сообщил Зеро, что мне понадобится.

Мол кивнул.

— Я скоро вернусь.

— Тебе надо отдохнуть, друг мой. Как думаешь, тебя скоро выставят на поединок?

— Очень скоро. Если все пойдет по плану.

— По какому такому плану?

Не ответив, забрак развернулся и двинулся прочь.

— Джаганнат, постой.

Мол обернулся. Приблизившись вплотную, Койл сунул ему в ладонь маленький плотно закрытый пакетик. Мол пригляделся и увидел, что тот полон мелкого порошка.

— Что это?

— Белый корень метаксаса, — объяснил чадра-фан. — Не имеет вкуса и запаха, но несколько крупинок способны убить почти любого, кто их проглотит.

Мол отбросил пакетик:

— Мне это не нужно.

— Как хочешь, но он может пригодиться.

Мол оставил пакетик лежать там, где тот упал. Все, что ему сейчас нужно, — это отдых. Он знал, что, если удастся провести хотя бы несколько минут в покое в своей камере и соорудить какую-нибудь повязку на рану, у него все будет в порядке. И если Ижмаш сумел воспользоваться устроенной суматохой, чтобы снова взломать управляющий тюремной жизнью алгоритм...

И как раз в это время опять зазвучала сирена — на этот раз тюрьму сотряс трубный глас, возвещающий начало следующего поединка.

28
ПОД ВОДОЙ

Когда Мол добрался с Заводского этажа на основной, прочие обитатели тюрьмы уже спешили в камеры на контроль. Здесь сигнал оповещения выл громче, часы запустили обратный отсчет. Держась за бок, поврежденный варактилом, он прокладывал себе путь сквозь вонючее стадо заключенных, сокращая расстояние до коридора, ведущего в его камеру. Войдя, он обнаружил внутри надзирателя.

— Привет, Зуб, — произнес тот. — Добро пожаловать.

Это оказался Смайт, молодой офицер, державший

Мола на мушке по дороге в кабинет коменданта.

Теперь-то он выглядел иначе. Уголки его рта подергивались под действием какого-то химического вещества, явно усиливавшего присущую ему ущербность; прежде Мол не видел такого выражения на лице молодого человека. Глаза его тускло блестели в свете гаснущих огней. Мол подумал, а не под кайфом ли он. Будто закинулся глиттерстимом, прежде чем отправиться к нему, — для храбрости.

— Тебя снова выставили на поединок, знаешь? — поинтересовался Смайт, похрустывая пальцами, и бросил взгляд на хронометр у себя на запястье. — Он начнется минуты через две.

— Тогда вам лучше покинуть мою камеру.

— Спешил сюда, да? Позарез нужно было куда-то сходить? — Посмеиваясь, охранник бросил взгляд на открытую рану в боку Мола. — Может, не стоило бороться с варактилом, а? Поединок еще не начался, а ты уже весь в крови.

Мол ничего не сказал.

— Ах да, вспомнил! — добавил Смайт. — Комендант приказала мне доставить лично для тебя кое-что особенное. — Он снял с пояса кандалы из нейлостали, похожие на те, что сковывали вампу. — Сядь.

Мол опустился на скамью. Смайт защелкнул кандалы у него на щиколотках и намертво прикрепил их к полу. Закончив, он вперился в арестанта безумным взглядом:

— В чем дело? И ничего не состришь?

— Вам следует быть осторожнее при приеме наркотиков, — промолвил забрак.

— Что?

— Спайс убьет вас. Если я не сделаю этого раньше.

Лицо Смайта, казалось, ссохлось от ненависти.

— Хорошего тебе поединка, — процедил он и вышел; входной люк за ним захлопнулся.

Мол сидел без движения. Трубный глас стих. Воцарилась долгая настороженная тишина, а затем, казалось, сразу со всех сторон, внезапно раздался металлический скрип: тюрьма начала процесс трансформации.

Сейчас он выяснит, выполнил ли Ижмаш его поручение. Кандалы осложняют его задачу, но не отменяют ее. Делать сейчас было нечего, оставалось только ждать.

Камера покачнулась и пришла в движение. Она развернулась вокруг своей оси вправо, дернулась вверх, перевернулась вверх ногами, отчего Мол повис вниз головой, удерживаемый ручками на скамье и кандалами на лодыжках. Вокруг его камеры двигались другие: он слышал соответствующий шум. Наконец камера заняла изначальное положение, стенные и потолочные панели автоматически подогнались и сомкнулись вокруг пленника.

Мол услышал из-за стены какие-то звуки. В списке заключенных не говорилось, к какой расе принадлежит Баклан. Вот сейчас — что это было? Вой? Рык? Человеческий голос?

Ситх ничего не слышал. Он осмотрел камеру. Меньше она как будто не стала. Но что-то изменилось: стены плотнее сомкнулись вокруг него каким-то почти незаметным образом.

По прошествии нескольких секунд камера начала заполняться водой.

* * *

Она извергалась из трубы на потолке зловещим ледяным потоком. Мол мгновенно промок насквозь, грохотавшая о металлический пол жидкость уже покрыла его ступни и щиколотки и продолжала подниматься. Сидя на скамье, ситх смотрел на воду с досадой, но без какого бы то ни было удивления.

Встав в полный рост, он с силой потянул за кандалы, приковавшие его к скамье, уже понимая, что они не поддадутся. Схватился за скамью и дернул. Стальные крепления никуда не делись — хотя вряд ли он этого ожидал. Похоже, его поединок начался.

Вода поднялась почти до пояса. Весь потолок, казалось,

стекал на него, акустика камеры изменилась, исчезло эхо, остался лишь постоянный нестройный рев. Все происходило быстро — по его ощущениям, вода не столько прибывала, сколько он в нее опускался.

Жидкость начала давить на него, подбираясь к груди, плечам, и наконец дошла до шеи. Он запрокинул голову и выдохнул — дыхание превратилось в пар. Температура за две минуты упала на двадцать градусов. Мол чувствовал, как сердца начинают биться быстрее, перегоняя кровь в конечности, и готовил себя к тому, что последует дальше.

Где Баклан? Появится ли он? А может, Ижмашу не удалось взломать алгоритм?

Ситх снова окинул взглядом свое видоизмененное обиталище. В камере стало темнее, будто вода вытесняла даже свет.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы максимально насытить легкие кислородом, Мол погрузился в воду с головой, приспосабливая зрение к мутной среде. Поначалу он ничего не увидел. Световые панели давали мало света, затуманенные глубиной. Ничего другого он не мог разглядеть.

Пока не мог.

Он снова вырвался на поверхность, насколько позволяли оковы. Вода дошла почти до потолка, оставив лишь узкое пространство, наполненное затхлым воздухом. Он снова опустился под воду, а когда вынырнул, вода еще прибыла. Остался лишь сантиметр или два на самом верху.

Мол всосал остатки воздуха, чувствуя, как вода уже подступает к губам.

С противоположного края камеры донесся тяжелый низкий рокот открывавшегося под водой люка. Мол нырнул и вгляделся, но снова ничего не обнаружил.

Секундой позже что-то задело его ногу. Всмотревшись в глубину, Мол различил пару выпуклых стеклянистых глаз, которые уставились на него.

Мгновение спустя противник нанес удар.

29
ЗРИТЕЛИ

Садики у себя в кабинете смотрела в реальном времени голозапись подводного поединка, когда дверь за спиной распахнулась и ворвался ее брат.

— Ты вовремя, — приветствовала она его. — Как раз начинается. Присаживайся.

Дакарай не сдвинулся с места. Он навис над сестрой, его бледный лоб и щеки пошли красными пятнами. В его молчании все более очевидно проступало негодование. По коже бегали мурашки, казалось различимые невооруженным взглядом.

— Что не так?

Конечно, она сама все знала. Раньше такое уже бывало. За несколько недель до ввода «Улья-7» в эксплуатацию, когда Дакарай понял, насколько сильно они отошли от его оригинальных разработок ради возможности быстрее закончить строительство, он стал угрюмым и отдалился от нее, стал подчеркнуто скрываться от сестры, иногда отсутствуя по несколько дней кряду. Его молчание давило почти осязаемой тяжестью. Садики удалось успокоить его, лишь пообещав полную свободу действий, когда они запустят управляющий тюрьмой алгоритм и начнутся поединки.

А теперь она нарушила и это обещание.

— Я вижу, ты расстроен. — Садики со вздохом поднялась на ноги. — Прости меня. Я знаю, что этих бойцов подобрал не твой алгоритм. Но, Дакарай, ты должен мне доверять. Забрак становится для нас реальной проблемой. Его надо сломать. И этот бой...

Он сунул ей под нос несколько листков флимсипласта. Садики взяла их и вчиталась. Это была распечатка с данными, которые действительно рассчитал алгоритм: предполагалось, что в данном поединке сойдутся два совершенно других заключенных.

— Я знаю, — ответила на это Садики. — Но говорю тебе...

— Комендант!

Садики повернулась, чтобы взглянуть на голоэкран, вспыхнувший у нее над головой. На нее глядело горящее яростью лицо уполномоченного Игорной комиссии Драгомира Хлоруса.

— Ах, это вы, — поприветствовала его женщина. — Я уже начинаю думать, что вам больше делать нечего, кроме как...

— Садики, что вы творите?

— Организую поединок моего действующего чемпиона. Как вы можете видеть...

— Но вы сообщили о бое с участием совершенно других противников! В предоставленных вами данных по этому поединку ничего не говорится о забраке и аквалише. А это означает, что вы намеренно отошли от регламентов Игорной комиссии... — Он помедлил. — Или вашу систему взломали.

— *Взломали?* — Садики усмехнулась. — Уполномоченный, уверяю вас...

— У вас есть другое объяснение?

— Да будет вам. — Она бросила взгляд на Дакарая, как будто он, вопреки всему, мог высказаться от ее имени. — Если вы позволите мне провести расследование...

— Для расследования уже слишком поздно. Сегодня вы в последний раз перешли черту. — Зловещее молчание придало дополнительный вес его властности. — Галактическая игорная комиссия закрывает вас.

— *Что?*

— Вы меня слышали.

— Вы... — Выражение лица Садики не изменилось, но ее шея покраснела, и этот цвет медленно распространился по лицу, дойдя до самых корней волос. — Не вынуждайте меня делать этот шаг, Драгомир.

— Если вы полагаете, что мне не хватит полномочий, вы глубоко ошибаетесь. Если вы думаете, что я блефую, вы тоже ошибаетесь. И на вашем месте я бы запер всех заключенных по камерам, пока все не уладится.

— Теперь вы мне будете рассказывать, как управлять моей тюрьмой?

Хлорус пристально посмотрел на нее:

— Вам следует благодарить меня. Ваши проблемы гораздо серьезнее. И если бы вы предприняли хоть слабую попытку ранее выслушать меня, ваши дела не оказались бы в столь плачевном состоянии.

— Я же вам говорила, что хатты не проявляют ни малейшего ин...

— Клан Десилиджик *уже* проник в вашу тюрьму, — заявил уполномоченный.

— Прошу прощения?

— По данным разведки, которые я только что получил, их агенты уже несколько месяцев находятся в «Улье-7» и предпринимают постоянные попытки что-нибудь разузнать про Радика. Их точное количество неизвестно, но документы, положенные мне на стол, свидетельствуют, что в данный момент

их в вашей тюрьме значительное количество.

— Вы уполномоченный Комиссии по азартным играм, — сказала Садики. — Каким боком это касается вас?

— Давайте будем считать, что кому-то нужно присматривать за вами. — Хлорус вздохнул. — Я знаю, что вы способны влипнуть по уши.

Садики позволила себе сделать медленный вдох — восстановить душевное равновесие. Все эти годы появления Хлоруса заставляли ее вспоминать мимолетный роман, вспыхнувший между ними в бытность ее руководителем отдела сабакка в казино «Чужеземец» на Корусанте. Она была тогда очень юной, только-только заняла эту должность и легко поддавалась влиянию; высокое положение ухажера ее пленяло. Кончилось все плохо — взаимными обвинениями. Но сейчас не время и не место, чтобы эксгумировать этот труп и выяснять, теплится ли еще в нем жизнь.

Она заставила себя улыбнуться. Просто по обязанности.

— Драгомир, очень мило с вашей стороны. В обычных обстоятельствах это мне весьма польстило бы, но...

— Молчите. Просто молчите. — Хлорус сделал паузу. Когда он заговорил, в его голосе звучало такое беспокойство, какого Садики никогда еще не слышала: — Садики, я знаю все ваши отговорки и все предлоги, которые вы изобретали, но в данный момент... если вы что-нибудь вообще знаете о местонахождении этого Радика, рекомендую вам немедленно поделиться этой информацией с хаттами. В противном случае вы можете получить мятеж, который не сумеете подавить.

— Мятеж? Вы имеете в виду беспорядки среди уголовников? — Садики через плечо бросила взгляд на Дакарая, но брат оставался бесстрастным, на его лице невозможно было что-нибудь прочесть, и это раздражало. Она снова повернулась к голоэкрану. — Всем нашим заключенным в сердца имплантированы электростатические заряды. Я могу уничтожить любого из них, просто нажав на кнопку. Если кто-то из них работает на хаттов...

— Садики, я говорю не о заключенных, — перебил ее Хлорус. — Я говорю об охране.

Она молча воззрилась на него.

— Прошу прощения?

— Сколько охранников обычно дежурит в «Улье-7»?

— Примерно семьдесят-восемьдесят. Но мы тщательно отбираем их, изучаем биографию, проверяем личные данные...

— Все это клан Десилиджик может легко подделать, чтобы внедрить к вам своих агентов, — заявил уполномоченный самым

серьезным тоном. — Будьте бдительны, Садики. Я свяжусь с вами.

Садики снова повернулась к Дакараю. Но брат уже не глядел на Хлоруса.

Его занимал поединок.

30
РЕЗЕРВУАР

Легкие Мола вопили.

Он уже потерял счет проведенным под водой минутам. Время повернуло вспять и утратило всякий смысл. Биение обоих сердец толчками отдавалось по всему телу, изо всех сил разгоняя по организму оставшийся кислород. По краю поля зрения клубилась тьма, угрожая похоронить сознание под лавиной кислородного голодания.

Подплыв к Молу, противник для начала нанес ему удар в диафрагму, выбив из легких воздух, который тот вдохнул перед погружением. Мол развернулся и толкнул свое тело вниз, к скамье, где были прикованы его щиколотки.

Он заметил, что аквалиш снова плывет к нему, ловко рассекая воду, — Мол надеялся, что это именно Баклан. Он резко распрямился и выбросил вперед руки, целясь пальцами в выпуклые глаза противника. Аквалиш отпрянул и скрылся за толщей воды — лишь для того, чтобы появиться сзади и нанести страшный удар по затылку.

Мол заглотил изрядное количество грязной воды, залепившей ему рот, словно кляп, но тут же выплюнул ее непроизвольным сокращением горловых мышц. Под водой царила почти кромешняя тьма, в которой ничего не шевелилось. На дне уже образовался тонкий осадок из ила и грязи. Взгляд ситха сосредоточился на размытом сиянии огней на противоположной стене, и он понял, как мало времени у него осталось.

Забрак взглянул вниз, на скамью, к которой оставался прикованным. Давление воды сжимало грудь, словно огромный кулак. Если бы не кандалы, он мог бы сделать еще один глоток воздуха...

«Перестань. — Это был голос учителя, и в нем ситх безошибочно различил презрение. — Твоя несостоятельность хуже чем постыдна. Она тошнотворна».

Мол ожесточил душу. Эти холодные слова отрезвили его. Если ему суждено умереть здесь, при столь унизительных обстоятельствах, — если такова судьба, избранная для него темной стороной, — он не станет малодушно хныкать и жалеть себя.

Рывком опустившись вниз, к самому полу, он распластался под скамьей и принялся шарить во тьме, пока онемевшие пальцы не нащупали выпуклость — болт, скреплявший стальные

пластины стенной обшивки. Заклепок было несколько, но эта сидела менее плотно. Он ударил по болту локтем, затем еще и еще, пока винт не ослаб настолько, что он сумел выкрутить его.

Прижавшись ртом к образовавшейся дырке, он вдохнул свежий воздух, выдохнул через нос пузыри, затем сделал еще один глубокий вдох, позволяя крови обогатиться кислородом. Результаты не заставили себя ждать. Чернота по краю поля зрения начала отступать. Тем не менее он еще несколько мгновений провел под скамьей, пока не заметил прямо над собой смутное пятно аквалиша.

Мол взлетел сквозь толщу воды, насколько позволяли скованные лодыжки, и, вцепившись в клыки противника, с треском отломал один из них. Аквалиш издал звучный носовой возглас боли и удивления, а Мол нанес ему удар в живот. Баклан сложился пополам, а ситх ударил его головой о стену. Тот вывернулся из рук забрака — из его головы сочилась кровь — и бросился прочь, ловко разрезая толщу воды.

И снова исчез.

Прищурившись, Мол огляделся. Где притаился противник? Оставался ли люк открытым, чтобы Баклан мог вплывать и выплывать, атакуя его, когда вздумается?

Он вновь забрался под скамью, поднес губы к отверстию, собираясь сделать очередной вдох, и ощутил, как во рту оказалось что-то толстое, скользкое и отвратительно живое. Отшатнувшись, Мол выплюнул его и увидел, как мимо лица проплыл тонкий белый червь, неистово извиваясь, его крошечные челюсти шевелились, силясь что-то схватить. Он прищурился и заглянул в дырку. Сквозь нее в камеру начали проникать другие черви, слившись в непрерывный шевелящийся поток.

Мол отвернулся. Существовала ли такая гнусность, которой не овладели в «Улье-7»? Сколько еще...

Бам!

В затылке взорвалось что-то обжигающе-белое, ошеломив и дезориентировав его. Благодаря периферийному зрению он ясно видел, как аквалиш делал круг, чтобы нанести следующий удар. Он без усилий проталкивался сквозь толщу воды, отведя назад сжатую в кулак руку, чтобы ударить в очередной раз. Мол изо всех сил старался удержать мысли. Воздуха взять было больше неоткуда, и он понял, что надо немедленно заканчивать.

«Я скользкая, я жирная! Но смешай меня с кровью, и я проем сталь!»

Он сунул руку под скамью и пальцами соскреб густой налет красновато-коричневой грязи, накопившейся в швах между металлическими пластинами. Взяв его в горсть, Мол помял грязь,

чтобы слепить ее в комок, и стал выжидать. У него оставался один-единственный шанс провернуть все как следует. Он знал, что долго ждать не придется.

Противник сделал свой ход. Когда аквалиш бросился на Мола, ситх схватил того за волосы, пучками торчащие по бокам от лица, и сунул горсть токсичной, разъедающей металл плесени в открытую рваную рану на голове, затолкав ее как можно глубже.

Маневр оказался даже более действенным, чем он ожидал. Аквалиш отшатнулся и завопил, схватившись обеими руками за голову, из него потоком пошли пузыри. Рана уже шипела и пузырилась, от нее отрывались ошметки плоти.

Мол схватил противника одной рукой за голову, а другой обхватил шею. Зачерпнув из-под сиденья еще горсть токсичной грязи, Мол размазал ее по кандалам, приковавшим его к скамье. Затем он подтянул к оковам голову аквалиша так, чтобы кровь из его раны, смешавшись с водой, вступила с грязью в реакцию. Получившаяся смесь немедленно принялась разъедать нейлосталь. Ноги забрана сразу освободились.

Он вырвался из кандалов, развернулся под водой и потащил своего пленника к полу камеры, а там держал, прижимая его голову к плиткам и наблюдая, как разлагается стальная обшивка. Уже начала образовываться дыра с рваными краями, расширяясь на глазах; вода хлынула сквозь нее наружу. Всего несколько секунд — и в нее уже можно было пролезть.

Вместе с аквалишем Мола втянуло в дыру и протащило дальше потоком воды. Забрак крепко держал пленника за шею. Секунду спустя их выбросило в открытую дренажную шахту. Внизу зияло отверстие сточной трубы, и Мол забросил аквалиша на укрепленную над головой платформу, а потом и сам выбрался из воды и устроился рядом с ним. Он глубоко вдохнул, наполняя легкие, и повернулся, сосредоточив взгляд на противнике.

— Ты Баклан?

Аквалиш кивнул и издал лягушачье кваканье:

— Да.

— Ты знаешь, что это? — спросил ситх, демонстрируя комок грязи, который он захватил из камеры. — И что это может сделать при взаимодействии с твоей кровью?

АкваЛиш повернул к нему лицо. Его ужасно обезобразила кислота, глаза сильно пострадали, но под фасадом физических травм на его лице безошибочно читалось недоверие.

— Это... этого не может быть. Меня никогда не должны были выставлять на поединки. Он сказал, что мне никогда не придется драться.

— Тебе придется умереть, — поведал ему Мол. — Прямо сейчас. Медленно. Я выжгу остатки твоего лица. Если ты не расскажешь мне все.

— Я не знаю, что ты...

— Про Айрема Радика.

Узник, звавшийся Бакланом, неубедительно изобразил, будто ничего не понимает, но длилось это недолго. Мол поднес комок грязи к кровоточащей ране на голове достаточно близко, чтобы плоть заключенного начала, хоть и слабо, шипеть. Аквалиш попытался отстраниться, но Мол быстро схватил его. Следующие слова тот буквально провыл:

— Что ты хочешь знать?

— Как до него добраться?

— Ты не сможешь! Никто не может! Даже я не говорю с ним напрямую!

— Ты лжешь.

— *Нет, клянусь!*

— Тогда ты для меня бесполезен, — констатировал Мол и приготовился размазать остатки грязи по лицу Баклана.

— Стой, стой! Я тебе расскажу. — Аквалиш задыхался, его жабры ходили ходуном, он тщетно пытался спасти то, что осталось от его самообладания. — Оружие... оно прибывает разобранным на части.

— Это я уже знаю. Что происходит после того, как бандиты тайно проносят их внутрь? Куда они деваются? Как Радик забирает детали, оставаясь незамеченным?

— Птицы, — выдохнул Баклан. — Они собирают компоненты. Приносят их в мастерскую. Если проследишь за когтекрылами, найдешь Радика.

— Когда ожидается следующая поставка?

— Корабль прибывает завтра во время первой смены, но это — это действительно все, что я знаю.

— Кто-нибудь посредничает между тобой и Радиком? В этой цепи есть еще звенья?

Взгляд широко распахнутых, исполненных страдания глаз метнулся к комку грязи в кулаке Мола, и аквалиш пробормотал что-то вроде проклятия на своем родном языке.

— Пожалуйста, я сотрудничал! Я сказал тебе все!

— Отвечай, — потребовал Мол. — Кто еще есть?

Трехпалая рука Баклана шевельнулась, рисуя что-то на мокрой поверхности трубы. Мол взглянул на это. Круг.

— Что это значит?! — прорычал он.

Аквалиш издал влажный, дрожащий всхлип:

— Это все, что я знаю. Не убивай меня. Не...

— Ты умер, когда вышел на поединок против меня, — заявил Мол. — Но обещаю тебе, все произойдет быстро.

Он двумя руками обхватил голову Баклана и одним стремительным рывком сломал тому шею. Аквалиш дернулся и обмяк, соскользнул вниз и исчез из виду.

31
ЯСНОСТЬ

Полночь.

Морг.

Мол спустился сюда после окончания поединка. По пути никто не пытался с ним даже заговорить. За несколько часов, минувших с момента убийства Баклана, что-то изменилось — произошел кардинальный сдвиг в отношении к нему всех обитателей тюрьмы. Теперь прочие заключенные, включая членов банд, и даже охрана держались от него как можно дальше. Не столько из страха или из уважения, сколько из чувства самосохранения — как стадо неразумных живых существ старается не вступать в контакт с особью, зараженной смертельной инфекцией. Как будто они чувствовали, что сделал Мол и как он пометил себя для смерти.

Не то чтобы его это волновало. Недавний поединок еще на один шаг приблизил его к Радику, все остальное не имело значения.

Теперь он опустился на колени перед изображением, созданным голопроектором, и склонил голову перед лицом своего учителя.

— Повелитель, я по-прежнему прикладываю все усилия...

— Хватит, — оборвал его Сидиус раздраженным и колким тоном. — Почему ты так упорно испытываешь мое терпение, ученик? Почему ты постоянно унижаешься, заставляя меня ждать информацию, которую ты должен был получить уже несколько дней назад?

Мол прищурился в попытке видеть более ясно. Самодельный голопроектор создавал изображение так, словно Сидиус глядел на него с высоты нескольких километров, далекий и грозный, с таким тяжелым взглядом, давления которого забрак не мог выдержать. Вопрос, по-видимому, не был риторическим.

— Я пытаюсь, учитель. Это тяжкий путь.

— Как ты смеешь оправдываться?! — Голос Сидиуса ревел у него в голове. — После долгих лет, на протяжении которых я обучал тебя? Оттачивал умения, готовил к любым неожиданностям, учил способам выживания, стойкости и атаки? А как долго ты просил позволения играть хоть какую-то роль в Великом плане?

— И я вам признателен, — отвечал на это Мол. — Моя верность вам безусловна, и ручательством тому моя кровь, сама

моя жизнь...

— Заявления о верности бесполезны без победы. — Слова Сидиуса сочились безжалостностью. — В данный момент меня не интересуют абстракции. Времени мало. Ты меня понял?

— Понял, учитель.

— Я в этом сомневаюсь. Или, быть может, мне пришло время найти другого ученика, более достойного этой чести?

Мол вскочил:

— Нет!

— Тогда докажи, чего ты достоин. Прекрати тратить мое время пустыми обетами верности и заверши возложенную на тебя задачу.

— Учитель, если бы мне только дозволили призвать мощь темной стороны...

Мысль угасла, не успев сформироваться. Мол ощутил, как невидимая рука хватает его за горло, сжимает трахею и перекрывает воздух. Пошатнувшись, он опустился на колени, на холодный пол морга.

— Тебе предоставлено все необходимое и даже более того. Ты обладаешь несказанными физическими преимуществами, о которых эти жалкие задиры могут только мечтать. И ты очень хорошо понимаешь, к каким последствиям приведет раскрытие твоих истинных способностей по управлению темной стороной, особенно теперь, когда ты продвинулся так далеко. Многие наблюдают за тобой. Ты не единственный в «Улье-7», кто ищет Айрема Радика.

— Да, мой учитель.

— Не заставляй меня ждать долго. Отыщи его и немедленно заключи нужные нам соглашения.

Мол сумел только раз неловко кивнуть в знак согласия, и давление сразу исчезло. Голоизображение пропало столь же внезапно, сколь и появилось, и бестелесный Сидиус исчез, поглощенный пустотой, из которой возник.

Мол упал на пол и уронил голову, прижав лоб к холодному металлу. Никогда темный владыка не оказывал на забрака такого давления, никогда Мол не видел в учителе такой глубокой и гнетущей целеустремленности, основанной на... на чем? Существовало ли нечто другое, беспокоившее учителя? Какая-то опасность для самого владыки Сидиуса, о которой тот не сообщил Молу? Это встревожило его — как всегда в подобных случаях.

Он лежал, прижимая лоб к полу, ожидая ответов, которые и не должны были прийти. Так он провел немало времени, пока в мышцах не собралось напряжение, кулаки не сжались, челюсти не

напряглись и все тело не стало жестким. Внутри уже кипела алая ярость. И как всегда, он приветствовал ее, словно глоток чистого воздуха. В моменты, когда все его предало, гнев остался с ним, верный и единственный союзник.

Он поднялся. В груди клокотало, мышцы болели, в висках шумело, в легких поселился низкий хрип.

«Учитель. Я посвятил себя вам».

Люк распахнулся. Мол шагнул в него — за ним его уже поджидали, прямо у порога. Застигнутый врасплох, он едва ли успел осознать, что происходит.

«Что?..»

Огромный красно-черный взрыв вспыхнул перед его глазами — и больше он ничего не знал.

32
ОСЛЕПЛЕННЫЙ

Мол очнулся от слепящего света: ярчайший поток бил прямо в глаза, скрывая под собой все остальное. Он попытался шевельнуться и обнаружил, что не может. Его руки и ноги растянули в разные стороны, подвесив в воздухе над... над чем? Невозможно сказать.

Из какого оружия его подстрелили? Какая-то разновидность парализатора, достаточно мощная, чтобы полностью его вырубить. Сделавший это явно разработал и способ укрыться от камер наблюдения — это могло бы объяснить болезненно-яркий свет, такой мощный, что он сумел скрыть все, что они планируют с ним сделать.

Наконец откуда-то слева он услышал звук: чье-то затрудненное дыхание. Бессвязное бормотание. Хрипы. Ужасающий скрежет расстройства дыхания. Мол еще вслушивался в него, пытаясь разобрать детали окружающего, когда уловил звук приближающихся шагов.

— Где старик? — спросил кто-то.

— В углу, — ответил ему другой, более знакомый голос. — За упаковочным прессом.

— Он сказал что-нибудь по существу?

— Он бредит. — Знакомый голос был тих, но не бесстрастен — в нем слышались нотки чего-то напоминавшего сочувствие. — Потеря ноги вызвала заражение крови. Инфекция уже затронула мозг. — Стоявший рядом с Молом обладатель второго голоса наклонился так близко, что забрак сумел различить его черты. — Привет, Джаганнат.

Мол поднял взгляд на стоящего над ним тви'лека:

— Зеро?

Зеро пристально смотрел на него.

— Ты произвел здесь настоящий фурор, — проговорил он. — Тебе, правда, не следовало убивать Баклана. Господин Радик щедро платил за то, чтобы он не участвовал в поединках.

— Выходит, ты его знаешь.

— Отправив нелвааанца взламывать алгоритм, ты совершил первую ошибку. — Теперь на лице тви'лека появился налет озадаченности, словно он не мог понять, что заставило Мола совершить эту роковую для него оплошность. — Ты же понимал, что у этого поступка будут последствия. Серьезные последствия.

Он наклонился и приподнял лежащее у его ног тело, чтобы

Мол смог рассмотреть его.

Это оказался Ижмаш. Сломанная челюсть нелвааанца болталась в суставах, а рот и глазницы были забиты обломками электронных плат и обрывками проволоки — сообщение для тех, кто найдет тело.

Откуда-то слева раздалось слабое покашливание. Мол задергал головой, пытаясь высвободиться из толстой паутины кабелей, притягивавших его руки и ноги к стенам, которые он не мог разглядеть.

— Это он здесь с тобой? — спросил Мол. — Это Радик?

Зеро проигнорировал его вопрос.

— Охрана и заключенные найдут твой труп рядом с трупом нелвааанца. — В голосе тви'лека продолжала звучать легкая озадаченность с примесью сочувствия. — Они поймут, что с вами стряслось. Подобные предупреждения необходимо посылать время от времени. Такова его воля.

Наклонившись ближе, чтобы иметь возможность понизить голос, он проговорил почти извиняющимся тоном:

— Никто не может угрожать господину Радику, Джаганнат. Ты ведь это понимаешь, да? Это просто деловой подход.

— У меня к нему деловое предложение, — настаивал Мол. — Скажи Радику...

— Прощай, Джаганнат, — произнес другой голос. Этот голос ситх слышал впервые. — Жаль, что твое пребывание в «Улье-7» закончилось как поучительная история. При жизни ты был любопытным экземпляром.

— Стой. — Мол снова поднял голову и различил фигуру рядом с Зеро. Это был виквай, и его ситх никогда ранее не видел. Или видел? По грубому, иссушенному солнцем лицу пробежали морщины, когда его обладатель нахмурился, изучая пленника. Высокий лоб виквая увенчивал пучок волос. Мол вспомнил этого узника: он видел его в первый день в тюремной столовой.

На плече у него сидел когтекрыл.

— Последствия, Джаганнат.

Не произнеся больше ни слова, виквай взглянул на Зеро, и они оба вышли.

Раздался тряский механический шум тяжелой техники, неохотно пробуждавшейся к жизни. Пыхтение получивших энергию сервоприводов превратилось в устойчивый пульсирующий гул. Молу на ум пришла мысль о Заводском этаже.

Прежде чем ему удалось понять, что все это значит, он ощутил, как тросы, обвивающие его запястья и лодыжки, натягиваются сильнее и начинают тянуть его в четырех направлениях.

Слепящие огни погасли так же внезапно, как и включились, похоронив его в полной темноте.

Мол дергался, стремясь вырваться из пут, но тросы на руках и ногах лишь затягивались сильнее, выворачивая плечевые суставы, стремясь сломать бедра и колени. Он боролся, чтобы высвободиться, но путы растягивали его быстрее. В правом запястье что-то щелкнуло. Все суставы начали гореть. Его намеревались разорвать на части.

Сквозь гул работающей техники откуда-то сверху послышалось хлопанье крыльев.

* * *

Из темноты снова раздалось прерывистое дыхание и с трудом произнесенные слова.

— Собирается... убить нас обоих, — прохрипел голос.

Теперь Мол узнал этот голос. Здесь с ним находился старик, отец Эогана, — тот, кому Войсток отстрелил ногу. Он порылся в памяти в поисках его имени, и оно почти сразу пришло на ум:

— Артаган?

— Не надо было... спасать ему жизнь, — проговорил старик. — Надо было оставаться в «Бандо Гора». Полагаю, теперь уже слишком поздно...

Изогнувшись всем телом, насколько позволяли тросы, Мол повернул голову в направлении, откуда доносился голос старика. Напряжение в конечностях уже перешло в боль, столкнув его на совершенно иной уровень сознания. Снова он, почти инстинктивно, подумал призвать Силу, обрести дарованные ею силы и возможности, столь необыкновенные, что почти наверняка спасут его от смерти. Конечно, судьба предоставила эти способности в его распоряжение не просто так, а ради высокой цели, не так ли?

Из самых глубин сознания в мозгу Мола зазвучал голос наставника.

«Существуют нюансы того, кто мы есть, — сказал ему однажды Сидиус, — которые могут быть раскрыты нам в самых глубинах невыносимого страдания, в моменты, когда все прочее отторгается, когда мы оказываемся на самом краю вечности и смотрим в лицо смерти».

Мол затаил дыхание. Пот струился по его лицу. Не отворачивая лица от Артагана, он сумел поймать взгляд старика:

— Что ты сказал?

— «Бандо Гора», — пробормотал Артаган. — Да здравствует череп...

— Ты состоял в «Бандо Гора»?

— ...собирались убить Радика. — Где-то во тьме старик еще что-то бубнил — непонятные, скомканные согласные звуки, затем снова заговорил четко: — Я предал их, спас от них Радика. С тех пор... за мной охотятся.

Мгновение Мол ничего не отвечал. Сквозь боль и скрежет оборудования, предназначенного разорвать его на куски, новое откровение уже начало формироваться у него в мозгу:

— Вот почему ты привез сына сюда, в «Улей-7»!

Старик согласно хмыкнул:

— Радик клялся... защитить меня...

Мол обнаружил, что сопоставляет его слова с тем, что знал сам. Понимание — кусочек головоломки, вдруг вставший на место, — придало ему внезапную решимость.

Собрав волю в кулак, он изо всех сил дернул правой рукой, вывихнув плечо, — кость выскочила из сустава с хорошо различимым щелчком. Провисший, ставший чересчур гибким сустав онемел, в нем началось колотье, грозя распространиться по всей длине руки, сделав ее бесполезной; но благодаря этому маневру трос провис достаточно, чтобы петля на запястье ослабла.

Рывком он освободил правую руку и потянулся уже немеющими пальцами к левому запястью. Казалось, он провозился с ним вечность, но в конце концов высвободил и левую руку. Лишь отвязав тросы от лодыжек, он ударом правого плеча об пол вправил сустав.

Определив направление, забрак поднялся на ноги и пересек помещение, его глаза к этому моменту уже полностью приспособились к темноте. Они находились на Заводском этаже, как он и думал, — здесь располагались громоздкая техника и торчащие где-то на заднем плане костяные скульптуры Койла, словно постоянное напоминание о том, на что все они в итоге обречены. Если Зеро доставил его сюда вместе с викваем...

— Виквай, — вслух произнес он. Через пять или шесть шагов он достиг лежащего на полу старика, страшно израненного и пылающего в лихорадке. Мол почувствовал исходящий от него, словно от доменной печи, жар, ощутил запах болезни.

— Тот, кто был здесь вместе с Зеро. Это он, не так ли? Это Айрем Радик?

Неясный стон старика можно было бы счесть подтверждением.

— Радик… — выдавил он.

— Я должен найти его. Как он был связан с «Гора»?

— Не могу… сказать… тебе.

— Почему?

— Сказал только… Эогану…

Мол нагнулся, поднял Артагана Труакса и взвалил его себе на плечо.

— …ты делаешь? — спросил старик. — Куда ты меня…

— Прочь отсюда, — ответил Мол. — Надо кое о чем потолковать.

33
ПЕРЕСТАНОВКА

— Комендант, — окликнул 3D. — Они ожидают вас.

Допив кофе, Садики поднялась из-за стола и обратилась к голоэкранам над головой. На самом дальнем мониторе демонстрировалось дежурное помещение охраны, где девять свободных от вахты надзирателей собрались вокруг длинного стола. Несколько стояли или привалились к стене, остальные сидели прямо, обхватив ладонями стаканы с «Помощью ранкора», и бросали беспокойные взгляды на дверь. Люди сняли форму, но в них оставалась хорошо заметная напряженность — казалось, она волнами исходила от них.

— Комендант, — поторопил ее дроид.

— Я слышала, — рассеянно пробормотала Садики, не отрывая глаз от экрана. Встречу она назначила два часа назад, в последнюю минуту изменив расписание дежурств второй смены, чтобы обеспечить достаточный охват коридоров и камер. — Сделай мне одолжение, подними там температуру на пять градусов.

— Могу я поинтересоваться зачем?

— Хочу, чтобы они немного попотели. — Она повернулась к дроиду. — Ты уже нашел моего брата?

— Мастера Блирра нет ни в его апартаментах, ни в вычислительном центре, — ответил 3D. — Честно говоря, я понятия не имею, куда он мог отправиться.

— Продолжай поиски. — Она бросила взгляд на хронометр. — До следующего поединка осталось всего два часа. Я хотела бы, чтобы он подготовил информацию о бойцах.

— Бойцы? — 3D развернулся к ней. — При всем уважении, комендант, разве у нас нет особого приказа уполномоченного Игорной комиссии Хлоруса приостановить все поединки до...

— Алгоритм Дакарая уже сделал выбор, — отрезала Садики, — и когда я в последний раз проверяла, общая сумма ставок на предстоящий поединок достигла нескольких миллионов кредитов. Очевидно, галактические казино и другие крупные игроки уже простили нас за тот сбой.

— Но Игорная комиссия...

— Они могут оштрафовать меня. — Садики осушила свою чашку. — Драгомир сам сказал, есть более важные вещи, о которых мне следует волноваться. — На нее нашло внезапное озарение, и она улыбнулась. — Так же как и ему, я думаю.

— Они могут навсегда закрыть нас!

— Очень сильно сомневаюсь в этом, — раздался голос за ее спиной, и Садики обернулась, чтобы поприветствовать Весто Слифера, входящего в ее кабинет.

— Слифер! — Женщина даже не потрудилась скрыть удивление. — Как вы сюда попали?

— Как вам известно, МБК располагает кодами к системам безопасности большинства своих дочерних предприятий, — мягко ответил муун, поднимая бровь. — Разумеется, это не предмет для спора.

— Конечно нет. Просто я полагала, что вы уже уехали. — Она изобразила на лице улыбку. — Рада, что вы изменили свое решение.

Слифер недовольно поджал губы:

— Что до меня, я бы уехал как можно быстрее. Но мой работодатель попросил меня остаться еще на день-два, пока у вас такие... осложнения с Игорной комиссией.

— Я ценю вашу заботу о нас.

— Поверьте, это не моя идея. Я сам ее не разделяю и предпочел бы ни одной лишней секунды не оставаться в здешней выгребной яме. — Муун кивнул на ее стол. — Похоже, вы заставили уполномоченного Хлоруса изрядно взволноваться. МБК же просто защищает свои средства, вложенные в «Улей-7».

— Разумеется. — Садики окинула взглядом экраны, на которых разворачивалась жизнь «Улья-7» во всей своей полноте — зрелище, никогда ей не надоедавшее. Столовая, мастерская, Заводской этаж — все составляющие огромного социологического эксперимента, воспроизводящего галактический естественный отбор. Хотя с момента открытия тюрьмы она не рисковала лично спускаться к заключенным, она знала почти всех их в лицо и зачастую имела лучшее представление об их повседневной жизни, чем они сами.

— А сейчас, — произнесла она, — надеюсь, вы извините меня. У меня собрание охраны.

— Я вижу. — Слифер посмотрел на экран, демонстрировавший сгрудившихся в дежурном помещении охранников. — Кадровые проблемы?

— Обычные административно-хозяйственные вопросы. — Садики набрала команду на панели своего стола, чтобы получить удаленный доступ к тюремному вычислительному центру. Заглянув через ее плечо, Слифер увидел монитор, на котором возникла цифровая трехмерная схема «Улья-7» в разрезе: множество пересекавшихся зеленых и красных линий перегруппировывались вокруг дежурного помещения. Через

несколько секунд где-то за стенами комендантского кабинета раздался тихий гулкий рокот.

— Вы меняете конфигурацию тюрьмы? — поинтересовался муун. — Но следующий бой по расписанию через два часа!

— Просто меняю некоторые детали. Одно из преимуществ модульной системы нашей станции — здесь нет ничего, что нельзя передвинуть.

— Я вижу.

— Я сейчас спущусь в дежурное помещение. — Она повернулась к дроиду: — Продолжай поиски моего брата.

— Конечно, — прощебетал 3D.

— Хотя, если подумать... — она помешкала, — возможно, тебе все-таки лучше пойти со мной. Для твоей безопасности.

— Как пожелаете.

Не удостоив даже взглядом экраны или мууна, Садики вышла и начала спускаться к своим сотрудникам.

34
ХУЛИГАНЫ

Когда задняя стена камеры раскрылась, Васко Нейлхед решил, что ему снится сон.

В отличие от большинства здешних постояльцев, Нейлхед проводил в камере изрядное количество времени. После пребывания в разнообразных тюрьмах по всей Галактике для него не было никакого интереса общаться с остальными заключенными. Он до сих пор оставался формальным главой «Королей костей» и продолжал поддерживать свою власть, наводя ужас на окружающих, но с появлением этого забрака, Джаганната, который стал теперь куратором обеих банд, титул Нейлхеда приобрел в значительной степени символическое значение.

Больше его ничто не волновало. Он по-прежнему занимался каннибализмом, но уже без былого удовольствия. Теперь он проводил большую часть времени в камере, разбирая письма от поклонников и предложения сотрудничества, периодически впадая в неглубокий, не приносящий отдыха сон. Он обнаружил, что все больше и больше думает о родной планете, своей семье, об оставленных детях. Его подельники-«короли» все еще соблюдали данную ему клятву верности, но втайне Нейлхед мечтал, чтобы алгоритм выставил его на поединок против кого-нибудь из них, просто чтобы внести в свое существование хоть какое-то разнообразие.

Он мечтал выбраться отсюда, но, как и все заключенные, знал, что покинуть «Улей-7» можно лишь вперед ногами.

Он мечтал о черве.

На этот раз, когда окружавшие его стены начали трансформироваться со знакомым гулом и лязгом, Нейлхед просто предположил, что проспал трубный глас и что очередной поединок вот-вот начнется. Временами такое случалось. Он поднял голову и огляделся, лениво размышляя, не он ли избран для участия в этом поединке, возможно против самого Джаганната, — поединке, который, если Нейлхед победит, может восстановить некоторую часть того азарта и славы, что присутствовали ранее в его жизни. Но, окончательно проснувшись, он понял, что дверь его камеры так и осталась открытой, и не слышалось обычного гомона заключенных, возвращающихся в камеры для проверки.

Так что же происходит?

И тут у него за спиной раскрылась стенная панель.

— Нейлхед, — окликнули его.

Васко Нейлхед уставился на входящего в его камеру ногри. Это был Страбон, его заклятый враг, до недавнего времени подвизавшийся главой «Силы тяжести». Тем не менее в данный момент он стоял перед Нейлхедом с блеском ошеломленного недоверия во взгляде, словно сам до конца не мог поверить, что оказался здесь.

— В чем дело?! — зарычал Нейлхед.

Страбон не ответил. А затем Нейлхед увидел, что за спиной ногри толпятся другие заключенные «Короли костей» и «Силы тяжести», они стояли бок о бок. «Силы» вооружились своими веревочными дротиками и оружием для ближнего боя. «Короли» сжимали в руках кости, заостренные и дополненные металлическими наконечниками и вставками, — эти модификации вносили сами бандиты.

— Кто-то нас выпустил, — сообщил Страбон.

— Как?

— Трансформировал наши камеры. Открыл для нас задние стенки.

— Зачем?

— Понятия не имею. — Страбон пожал плечами. — Все, что я знаю, — здесь привыкаешь к переменам. Может, они не такие уж большие, но по крайней мере в этом есть смысл. Врубаешься, о чем я? Пока не явился этот краснокожий урод и не перевернул все...

— Ага. — Нейлхед обнаружил, что кивает.

— Вернуть те времена, когда мы были у власти... — Он поразмыслил и поднял взгляд на Страбона. — Так ты думаешь, что...

— Возможно, кто-то — кто бы он ни был — открыл стены наших камер. Возможно, он стремится создать некую ситуацию...

— У тебя есть план?

— У меня есть оружие. — Страбон кивнул на открытую стенную панель, из-за которой только что вышел. — Что, если нам пройтись? Посмотрим, куда нас приведут.

— Да?

— Не самый плохой способ потратить несколько часов, — заявил Страбон и бросил Нейлхеду заостренную бедренную кость, которую тот ловко схватил в воздухе, хотя по-прежнему понятия не имел, что здесь творится. — Так что скажешь? Хочешь совершить небольшую прогулку?

— Да! — Нейлхед выпрямился, упер ладони в бедра, выгнул спину и ухмыльнулся конкуренту. — Пожалуй, пройдусь.

Бок о бок главари двух банд прошли сквозь разверстый

проход в тюремной стене, остальные последовали за ними.

35
В ДЕЖУРКЕ

Жирного охранника звали Хуткинс, и Смайт практически чувствовал, как тот начинает потеть.

— Ну? — спросил он. — В чем дело?

Хуткинс ничего не сказал, лишь со стуком опустил на стол пол-литровый стакан с «Помощью ранкора», который сжимал в ладонях, и прижал мясистую руку к стене за своей спиной. Смайт чувствовал, что его самого потряхивает от нетерпения. В дежурку набилась тьма народу, духота становилась невыносимой. И все-таки, зачем комендант их здесь собрала?

Он ждал, покачиваясь на пятках, а Хуткинс взглянул на стоявшего справа от него жилистого качка — ходячую катастрофу по имени Логовик. Смайт знал, как зовут почти всех ребят из его смены: Стюбинс, Меррилл, Глент, но остальных только начал запоминать. Вряд ли это имело большое значение — никто из старожилов просто не стал бы с ним разговаривать.

Пока не стал бы.

Когда комендант вызвала их всех на короткое совещание, без формы и без оружия, Смайт вдохнул еще полграмма глиттерстима из своего тайничка, а потом уже помчался в дежурку. Он успел обнаружить, что стим давал ему уверенность и телепатическую поддержку, которая делала все окружающее более значительным и одновременно более ярким, как будто — *вжих!* — невидимая сабля вылетала из ножен прямо перед носом. Не говоря уже о смелости, требующейся для выполнения некоторых незапланированных деталей работы: оказаться нос к носу с тем краснокожим арестантом, 11240, в его камере, например, или задание, которое он только что выполнил на Заводском этаже. Глиттерстим позволял чувствовать себя королем Галактики.

Честно сказать, Смайт *любил* дурь. Устроить тайничок в «Улье-7» оказалось несколько проще, чем он ожидал, и он даже сумел кое-что толкнуть паре коллег. На этой почве он всегда легко заводил друзей. Жаль, что не выпало шанса предложить немного Хуткинсу. «Кто знает, — подумал он, — может, этот жирный неудачник смог бы употреблять дурь в качестве диетического продукта».

— Ну так что? — поинтересовался Смайт, барабаня пальцами по столу. — В чем проблема?

Одним из побочных эффектов стима была тревожность,

желание двигаться вперед, отбрасывая все остальное.

— Парни, вы в самом деле думаете, что...

— Заткнись, — отрезал Хуткинс, даже не взглянув на него. Теперь толстяк приложил к стене ухо. Прислушавшись, он снова повернулся к Логовику: — Да, это она. Уже идет, хотя и небольшая.

— Кто — она? — вопросил Смайт. — Что идет?

— Комендант запустила трансформацию.

— Что, сейчас? — Смайт взглянул на хронометр. — Но до следующего поединка еще...

Входной люк дежурного помещения с шипением распахнулся, и появилась комендант Блирр в сопровождении своего дроида-администратора. Она остановилась, прохладным взглядом окинула их лица и улыбнулась:

— Добрый день, господа. Благодарю, что прибыли столь оперативно.

Охранники выпрямились. Логовик что-то согласно буркнул, еще несколько откликнулись без энтузиазма. Садики Блирр не пользовалась особой популярностью среди мужчин. Очевидно, кое-кто из парней действительно находил ее привлекательной, но Смайту на ее внешность было наплевать. Если говорить начистоту, спайс отключил эту часть его сознания, по крайней мере на данный момент, и он был ему за это благодарен. Он решил, что раз очутился в подобном местечке, то чем меньше будет у него поводов отвлечься, тем лучше.

— Я уверена, все вы задаетесь вопросом, зачем я собрала вас, — объявила Садики, — поэтому не станем тратить время. — Она повернулась к дроиду: — 3D, ты установил связь?

— Да, комендант.

— Хорошо, включай. — Она махнула рукой группе охранников, стоявших у дальней стены. — Господа, вам лучше расступиться, если не возражаете. У меня такое чувство, что придется задействовать все пространство, которое у нас имеется.

Когда офицеры расступились, освободив целый угол, ожил голопроектор дроида.

На мгновение Смайт задумался, было ли то, что он увидел, реальностью или очередным побочным эффектом стима. Возникшее в восьми метрах перед ним изображение горообразной фигуры его работодателя уже сфокусировалось и заняло целый угол дежурного помещения. Смайт изумленно глядел, как Джабба Десилиджик Тиуре шевелит своим гигантским хвостом, глядя на ожидающую его аудиторию.

— Привет, Джабба, — начала Садики. — Благодарю, что выделил мне время в твоем плотном графике.

— Садики Блирр. — Преступный воротила слегка приоткрыл рот, высунул язык и провел им по верхней губе с похотливой усмешкой. — Ты знаешь, что, если тебе когда-нибудь надоест руководить тюрьмой, я с удовольствием сделаю тебя одной из своих рабынь.

— Какое заманчивое предложение. — Комендант была сама невозмутимость, даже сама любезность. — К сожалению, в данный момент я вынуждена тебе отказать.

— Чему обязан честью лицезреть тебя?

— Ах да. — Садики обвела рукой сгрудившихся за ее спиной и внезапно насторожившихся охранников, включая Смайта. — Полагаю, здесь у нас присутствуют некоторые из твоих сотрудников.

36
ЧТО СКАЗАЛА ЛИХОРАДКА

Эоган подтягивался на перекладине в своей камере, когда стены начали двигаться. Самая первая, паническая мысль: его выставили на поединок, значит смерть пришла за ним даже раньше, чем он боялся.

«Пожалуйста, нет! Я не готов! Не сейчас! Никогда!»

Когда трансформация завершилась и ничего не произошло, Эоган ощутил нахлынувший на него дикий восторг и сразу за ним чувство стыда, настолько жгучее, что он упал на пол, да так и лежал без движения, ненавидя себя за трусость. Что подумал бы отец о нем, решившем затаиться, молящем всех богов, чтобы не пришлось сражаться, ни сейчас, никогда-либо еще?

— Эоган.

При звуке этого сурового голоса он вскинул голову и огляделся: рядом стоял Джаганнат. Забрак держал в руках что-то вроде кипы белья. Лишь через секунду Эоган сообразил, что этот ворох — человек и что человек этот на самом деле его отец.

— *Отец!* — Горящий, обвиняющий взгляд юноши метнулся к забраку. — Что ты с ним сделал?

— Мальчик, я ничего с ним не делал, — ответил Джа-аннат. — Я нашел его в таком виде.

— Эоган... — Артаган Труакс уставился на сына неподвижным, мутным взором. Его кожа приобрела цвет старого флимсипласта, он был настолько бледен, что синий сосудистый узор четко проступал на щеках и переносице. Эоган увидел распухшую культю, когда-то бывшую йогой старика, ощутил жар, исходивший от отцовского лица, и гнойный запах инфицированных тканей и понял, что все это означает, еще до того, как забрак успел что-либо сказать.

— Он умирает.

— У него заражение крови, — кивнул Джаганнат. Опустив Артагана на койку, он продолжил: — Он не станет говорить со мной. Ты будешь задавать ему вопросы. Об Айреме Радике и «Бандо Гора».

Эоган покачал головой:

— Я не знаю, что это зна...

— Послушай меня, мальчик. Нет времени на объяснения. Я видел Айрема Радика. Мне нужно узнать все, что твой отец может рассказать об отношениях Радика с «Бандо Гора». Они собираются завладеть самым разрушительным оружием Радика, запрещенным

ядерным устройством. Оно — моя цель.

— Но я никогда не слышал об этом «Бандо»...

— Это культ смерти. Твой отец сказал, что он сражался вместе с ними, что они пытались убить Айрема Радика, а он спас ему жизнь.

— Мой отец никогда не исповедовал никаких культов, — заявил Эоган. — Он не знает, что он...

— *«Гора»!* — завопил старик, его лицо исказилось, превратившись в маску ужаса. Вскинув руки, он принялся скрюченными пальцами царапать воздух. — Да здравствует череп под капюшоном! *Сдирай кожу, пей кровь!*

Эоган отшатнулся.

— Я никогда раньше не слышал, чтобы он так говорил!

— Мне нужно знать то, что знает он, — настаивал Джаганнат. — У меня срочное дело, касающееся связей между ними и Айремом Радиком. Если он может сказать тебе, как на них выйти...

— *Нет!* — Старик вдруг вскинулся всем телом, схватил сына за плечо и привлек к себе. Внезапная ясность озарила его лицо, зрачки сузились, взгляд впился в Эогана. — Айрем Радик никогда не будет вести дела с «Гора». *Никогда!*

— Спроси его, как добраться до «Гора», — приказал Эогану забрак. — Спроси, как можно связаться с ними. Пусть расскажет.

— Я... я сделаю, что смогу, — пробормотал Эоган. — Но скоро начнется поединок. А если мне придется сражаться?

Забрак пристально посмотрел на него:

— Ты умрешь.

Эоган открыл рот и снова закрыл. Похоже, на эти слова не существовало подходящего ответа — он и не стал отвечать.

— Все, что здесь есть, — заговорил забрак, — все, что ты видишь вокруг, — проверка. Не ошибись. Если у тебя недостаточно сил или способностей к выживанию, «Улей-7» тебя сломит. — Он сделал шаг к юноше. — В самой его сердцевине твоему отцу достало сил, чтобы выжить и защитить тебя, но у тебя не такое сердце. Ты никогда не станешь и вполовину таким, как он, — даже теперь, когда он в таком прискорбном состоянии. — Забрак резко кивнул на старика, стенающего и бормочущего что-то на койке. — А теперь принеси немного пользы и сделай так, чтобы он заговорил.

Эоган ничего не ответил. У него дрогнула челюсть.

— Отец, это я. Это Эоган. — Бросив взгляд вверх, на забрака, он аккуратно произнес: — Нам нужно знать об Айреме Радике.

Веки старика дрогнули и опустились. Все силы покинули его, рот приоткрылся, лицо обмякло. Один ужасный миг Эоган думал,

что отец мертв. Потом он заметил, как вздымается и опадает грудь — слабое, затрудненное дыхание, и, словно дыхание, раздались сопровождаемые несколькими вздохами едва слышные слова.

— Что? — Джаганнат уставился на Эогана. — Что он сказал?

— Он сказал: «Зеро».

— *Зеро?* Что насчет него?

Эоган нахмурился.

— Говорит... — Юнец опустил взгляд на отца, затем снова взглянул на Джаганната, моргая в замешательстве. — Он отзывается на другое имя.

37
БЕСТИАРИЙ

Смайт начал потихоньку пятиться назад и обнаружил, что вжимается в стену. Он не заметил, когда именно его сердце бешено заколотилось, но сейчас оно уже готово было взорваться. Ручеек пота стекал по спине между лопатками, рубашка намокла и прилипла к коже, и он заставил себя тихонько, прерывисто вдохнуть.

«Не горячись. Никто не увидит того, чего ты не хочешь показывать». Надеясь затеряться среди стоявших рядом охранников, он понял, что деваться больше некуда. «Просто дыши».

— Таким образом, Джабба, — продолжала стоявшая впереди Садики, — до меня продолжают доходить слухи, что ты посылаешь своих агентов в мою тюрьму под видом надзирателей. Надеюсь, ты прояснишь это для меня. — Махнув рукой в сторону девяти присутствовавших в дежурке охранников, она добавила: — Ты знаком с кем-нибудь из этих людей?

Смайт затаил дыхание. Ни один из офицеров не шелохнулся. Прищуренные глазки хатта с голограммы вяло двигались туда-сюда, обводя комнату. Наконец он испустил медленный гортанный смех, насмешливое «хо-хо-хо», одновременно Смайт ощутил неприятное чувство, будто в животе у него лежит кусок льда. Ранее он слышал этот смех лишь однажды, но этого оказалось более чем достаточно.

— Ты *тратишь* мое время, комендант, — сказал Джабба на гортанном хаттском наречии, которое Смайт легко перевел на общегал. — Я не знаю никого из этих свиней.

— Ты уверен? — поинтересовалась Садики. — Потому что я с удовольствием верну тебе любого сотрудника в целости и сохранности, в духе поддержания мира с кланом Десилиджик. — На ее лбу пролегла легкая морщинка. — Но раз ты их не знаешь... — Она взглянула на 3D. — Просто будем считать, что они даже менее ценный ресурс, чем мы думали раньше.

— Можешь убить их всех и бросить тела болотным слизням, — заявил Джабба. — Меня это не волнует.

— Я вижу. Тогда, возможно, следует спросить у них самих.

Она нажала кнопку на стене. Смайт услышал справа слабый жужжащий звук и глянул туда через плечо. В другом конце помещения, прямо напротив голопроекции Джаббы, прямоугольная стенная панель скользнула в сторону, открыв

нишу, которой не было еще мгновение назад; что стало, как он сообразил, результатом последней трансформации. Со своего места Смайт не мог заглянуть в нее, но внезапно понял: то, что за ней скрывалось, уже вышло наружу.

— Господа, — проговорила Садики, — уверена, все вы знакомы с господином Нейлхедом и господином Страбоном.

Тишина тонким клинком пронзила дежурное помещение. Затем появились Нейлхед и Страбон, и Смайт услышал, как остальные охранники пятятся с недоверчивыми возгласами; отпуская ругательства, пытаются втиснуться в любую нишу, которую могут найти, и инстинктивно тянутся к оружию и к отсутствующим у них «дропбоксам».

— Секундочку! — откуда-то слева воскликнул Хуткинс: зычный голос толстяка звучал сейчас пронзительно от страха и паники. — Комендант, что происходит? *Что вы творите?*

Что касается Смайта, он не мог пошевелиться. Все его тело обрело странную невесомость. Ноги, казалось, разом исчезли, похожий паралич охватил грудь, и он понял, что физически не в состоянии сделать вдох.

Садики лишь улыбнулась.

— Один простой вопрос. — Она сделала шаг и встала между «Королями костей» и охраной. — Те из вас, кто работает на клан Десилиджик, пожалуйста, выйдите вперед. — Комендант посмотрела на охранников. — Никого? Вы уверены?

— Я! — выкрикнул Логовик откуда-то слева от Смайта и бросился вперед, едва не сбив с ног стоявших рядом. — Джабба послал нас сюда, чтобы разыскать Айрема Радика!

— А, — промолвила Садики. — А какие конкретно у вас были приказы?

— Джабба велел узнать все, что сможем. Отыскать его и заставить выйти из тени.

— Среди присутствующих здесь есть еще агенты?

— Крит! Он в этом участвует! — заорал Логовик, указав на высокого седовласого охранника, стоявшего напротив него. Похоже, у него не получалось назвать одновременно все имена. — И Голуэй! Тайсон! Олифант! Маккейн! Вон там, Уэбберли! И... — он махнул рукой на Смайта, — тот парень, новичок, не знаю, как зовут, Джабба и его сюда послал. Он подделал всем нам документы и сказал, что мы должны...

— Дрянь. — Ленивую улыбку Джаббы на голо вытеснила злая, раздраженная ухмылка. — Ты только что подписал себе смертный приговор.

Если Логовик и слышал хатта, то проигнорировал его. Его глаза отчаянно сверкали, уставившись на «Королей костей» за

спиной Садики.

— Да, это мы все! Теперь я могу уйти?

Садики поглядела на него с жалостью.

— Я прошу прощения, офицер... Логовик, да? — Она медленно и грустно покачала головой. — Боюсь, ваш наниматель прав в одном. Теперь я не могу позволить вам уйти. И, господа... — Женщина оглянулась на Страбона, Нейлхеда и стоявших вперемешку бандитов из «Королей костей» и «Силы тяжести», которых они привели. — Что бы сейчас ни произошло, вам и вашим бандам хорошо бы помнить, что единственный в этой комнате «дропбокс» находится у меня.

— *Подождите!* — сумел выдавить Логовик. Краски покинули его лицо, сделавшееся болезненно-бледным. — Но...

— Удачи, господа. И благодарю вас за откровенность.

Садики отступила назад, освобождая дорогу бандитам.

На мгновение воцарилась тишина, и через долю секунды Смайт услышал низкий, рычащий смешок.

Это был Нейлхед.

Затем все случилось.

* * *

Возможно, из-за глиттерстима для Смайта события нескольких следующих секунд разворачивались тошнотворно медленно.

Как один, бандиты ворвались в дежурку с оглушительным воем, опрокидывая стулья, перепрыгивая через стол, в едином порыве захлестнув охрану, словно упругая волна. Смайта отшвырнули в сторону и придавили столом, временно скрывшим его из виду, хотя он мог уловить поверх него обрывки происходящего с мучительной ясностью.

Всего за несколько секунд все помещение взорвалось активной деятельностью, воздетыми вверх костями, оскаленными зубами и сокрушающими кулаками. Повсюду вокруг него надзиратели пытались рассеяться, но деваться им оказалось некуда. Атакующие бандиты перерезали единственный возможный путь к выходу и всей массой навалились на офицеров, легко подавив тех числом.

Зажатый между перевернутым столом и стеной, Смайт опустился на колени, а затем лег на живот, как будто была возможность уползти отсюда незамеченным. Реальность начала

куда-то ускользать от него. Вокруг парни, которых он знал как облупленных, вопили, корчились, продирались к выходу.

Сидя под столом, он сумел заметить, как Хуткинс пытается перепрыгнуть через него: толстяк проталкивал вперед свой живот, отчаянно стараясь пробить себе путь между двумя «королями» в последней попытке вырваться наружу. Его лицо было искажено ужасом. Сделав два шага, Хуткинс споткнулся и потерял равновесие, «короли» схватили его, повалили на пол и пронзили заостренными реберными костями, которые они привязали к запястьям и орудовали ими, словно когтями, разрывая свою жертву на куски.

«Прощай, Хуткинс».

Смайт продолжал наблюдать. Просто не мог отвести взгляд. На его глазах трое бандитов набросились на двух охранников, Крита и лысого широкоплечего парня — возможно, Уэбберли, отсюда невозможно было разглядеть. Еще один бандит припер к стене Маккейна и, разорвав на нем рубашку, куском черепной коробки копал дыру у того в груди. Тем временем Нейлхед и его прихвостень, животное по имени Массиф, схватили за руки и за ноги Олифанта, буквально разорвав его пополам; их окатило его кровью.

«Прощай, Олифант».

Смайт почувствовал, как им овладела странная, фаталистическая уверенность. Если он задержится здесь еще на тридцать секунд, бандиты истребят всех охранников и примутся за него. Нельзя оставаться здесь.

Он сел.

Раздался громкий треск. В стену чуть выше его головы врезался стул и раскололся на кусочки. Логовик, охранник, сдавший их всех, тот, из-за кого все это обрушилось на них, подхватил один из обломков стула и вскинул над головой, словно импровизированное оружие. При виде него в мозгу Смайта внезапно вспыхнул гнев, и, наплевав на засевший в груди страх, он схватил Логовика за лодыжку.

— Доволен?! — прокричал он. — Это все ты сделал!

— Ты это заслужил, слизняк!

Логовик двинул локтем назад, впечатав его в висок Смайта, и в глазах у того словно взорвалась сверхновая. Когда зрение прояснилось, он уловил звук, в котором безошибочно опознал боевой клич Васко Нейлхеда. Бандит взмахнул заостренной бедренной костью и обрушил ее на голову Логовика; череп треснул с резким, сочным хрустом.

«Прощай, Логовик».

Логовик упал, но не успел он коснуться пола, Нейлхед

схватил его за горло, вздернул на ноги и хищно откусил большой кусок от лица охранника. Смайт отвернулся. Он больше не чувствовал себя храбрым. Теперь он чувствовал себя так, словно его вот-вот стошнит. Чья-то нога врезалась ему в грудь, выбив из легких воздух и вбив тошноту еще глубже в кишки. Он приготовился умереть здесь, вместе с остальными.

Он извивался и корчился от боли, а затем увидел...

...открытую стенную панель, откуда появились «Короли костей».

До сих пор открытую.

Хаос все еще царил в дежурном помещении, казавшемся абсурдно тесным для такой вспышки насилия, но нападение уже выдыхалось. Нейлхед и Страбон со своими шайками бодро потрошили последних оставшихся охранников. Их сдерживаемая годами ярость, словно взрыв, вырвалась за несколько секунд — они кромсали тела охранников на мелкие кусочки и оставляли их приколотыми к стенам.

На все это невозмутимо взирала комендант Блирр. В следующий момент она развернулась и вышла; дроид последовал за ней, входной люк за ними захлопнулся.

У Смайта оставалось не так много времени.

Все так же на четвереньках он бросился вперед, лавируя между валявшимися на полу телами и подныривая под остатки мебели. Низко склонив голову, он прыгнул сквозь разверстую стенную панель во тьму.

38
ПРОТИВОЯДИЕ

Стоя в сторонке, Мол наблюдал, как Зеро отошел от заключенных, толпившихся в очереди за едой. Он подождал, пока тви'лек сел, взял вилку и не торопясь принялся за обед.

Он съел три кусочка. Четыре. Пять.

Мол уселся напротив.

— Привет, Зеро.

Вилка со стуком выпала из пальцев тви'лека. Челюсть отвисла так, что стала видна полупережеванная еда во рту. Не самое приятное зрелище.

— Джаганнат, — прошептал он. — Ты же...

— Умер? — Мол впился в него взглядом. — Могу понять твое замешательство. Ты оставил меня на Заводском этаже, где меня должно было разорвать на куски. Тем не менее я здесь.

Тви'леку удалось проглотить еду, но не вернуть дар речи. Его глаза бегали по сторонам, горло заметно подергивалось, будто он изо всех сил пытался — хотя и безуспешно — переварить физические доказательства присутствия рядом с ним Мола.

— Т-ты не понимаешь, — выговорил он. — Тебе нельзя здесь находиться. Он думает, что ты мертв.

Зеро собрался встать, но Мол неуловимым для глаз движением схватил оброненную вилку и вонзил ее в стол, пригвоздив к нему рукав тви'лека.

Трое мощных арестантов поднялись из-за соседнего стола и направились к Молу.

Не отрывая взгляда от тви'лека, Мол достаточно громко бросил:

— Скажи им, чтобы сели.

Зеро взглянул на своих «телохранителей».

— Все в порядке, — сказал он тонким голосом. — Сядьте.

Заключенные неуверенно вернулись к своей еде.

— Интересно будет узнать, — тихо сказал Мол, — кому мы служим и почему. Сначала ты говоришь мне, что Айрема Радика не существует. Потом я узнаю, что ты работаешь на него.

— Ты понятия не имеешь...

— Я унес старика с Заводского этажа, — продолжал Мол. — Он очень плох. Заражение крови скоро его прикончит. Но он рассказал мне кое-что интересное, прежде чем впал в бред. Он сказал, что ты отзываешься на другое имя.

Лицо Зеро ничего не выражало.

— И на какое же?

— Ты назовешь его мне.

— Джаганнат, пожалуйста! — Голос тви'лека был тих и настойчив. — Ты должен прислушаться к моим словам. Я в «Улье» с самого начала. Поэтому я и выжил здесь.

— Перед тем как убить Баклана, — продолжал Мол, — я спросил его, есть ли кто-то еще, кто стоит над ним и работает напрямую с Радиком. Он кое-что нарисовал. Тогда я подумал, что это просто круг. Но это не так. — Он наклонился ближе: его лицо почти коснулось лица тви'лека. — Это ноль. Зеро.

— Баклан? — Тви'лек покачал головой. — Баклан — просто...

— Подсадная утка, — кивнул Мол и добавил голосом, лишенным каких бы то ни было интонаций: — Теперь я понимаю. Ты его подставил, чтобы сосредоточить мое внимание на нем, а не на том, где оно все время должно было находиться. — Он взглянул на поднос Зеро — там лежала специальная еда для тви'лека, наполовину съеденная. — Знаешь, я заметил, что твое питание качественнее, чем у остальных заключенных. Полагаю, это одно из преимуществ того, кто может доставать разные вещи, сидя в тюрьме. К сожалению, это же делает тебя намного уязвимее.

— Уязвимее для чего?

— Как раз перед тем, как ты встал в очередь, я подсыпал в кастрюлю порошок белого корня метаксаса, — сообщил Мол все тем же бесстрастным тоном. — Койл пытался дать мне его раньше. К счастью, когда я вернулся и попросил, он все еще был при нем. Говорят, он не имеет вкуса и запаха, но отличается быстродействием. — Забрак взглянул на незаконченную трапезу. — И ты уже съел достаточно, чтобы умереть.

Зеро уставился на поднос с зарождающимся во взгляде ужасом, а затем оттолкнул его, будто отойти подальше было достаточно, чтобы остановить неотвратимое.

— П-почему?

— Есть противоядие. — Мол разжал ладонь и продемонстрировал Зеро маленький прозрачный пузырек с серым порошком. — Я стащил его из медотсека. Если я дам его тебе в течение тридцати секунд, ты выживешь.

— Я уже сказал тебе...

— Я видел лицо Радика, — заявил Мол. — Теперь мне нужно сделать ему предложение. Я готов заплатить триста тысяч кредитов за запрещенное ядерное устройство — деньги у меня здесь. Я лично свяжусь с покупателями и организую их приезд для передачи оружия.

— Он... — Руки Зеро начали дрожать. Он с удивлением и

ужасом уставился на них, затем снова на Мола. — Он никогда не согласится на эту сделку.

— Почему?

— Он знает «Бандо Гора». Однажды они уже пытались его убить. Они заклятые враги. Он поклялся на крови никогда не иметь с ними дел.

— Значит, тебе придется постараться, чтобы он изменил свое мнение, не так ли?

— Ты *дурак*... — Зеро уже трясся всем телом. Когда он снова заговорил, его голос дрожал, слова срывались с губ отрывисто, с запинкой. — Ты понятия не имеешь, что творишь...

Его голова со стуком упала на стол.

С гримасой раздражения Мол приподнял лицо Зеро из тарелки, проверил глаза и снова опустил того головой в еду.

Ситх оставил тви'лека лежать и вышел из столовой.

39
ПОЛЗУЧАЯ ТВАРЬ

Смайт бежал.

Когда доносившиеся из дежурного помещения вопли в конце концов затихли и наступила тишина, он поднялся на ноги и понесся по наклонной технической шахте — бежал изо всех сил во тьму, опустив голову. Он не знал, куда бежит и что будет там делать, но прямо сейчас это было не так важно, как увеличить насколько возможно расстояние между собой и преследующими его бандитами.

В висках стучала кровь, легкие горели. Он шмыгнул за угол и привалился к холодной стене, не в силах сделать ни шагу, пока не отдохнет, и глубоко, прерывисто вздохнул. Действие глиттерстима уже окончательно выветрилось, и он чувствовал себя выжатым, неуклюжим, его сотрясала дрожь такая сильная, что едва держался на ногах: колени угрожали предать и подогнуться в любой момент.

«Рассмотрим факты».

Факт 1: он безоружный охранник, застрявший в недрах тюрьмы, полной одержимых убийствами чудовищ, любое из которых с удовольствием воспользуется подвернувшимся шансом прикончить его.

Факт 2: он не может вернуться к Джаббе и попросить о помощи, даже если бы существовал какой-нибудь способ связаться с ним.

Вывод: он ходячий мертвец.

Смайт боролся с почти непреодолимым желанием упасть на пол, завыть, зарыдать. Ничто из этого сейчас ему не поможет. Тихий-тихий голосок внутри его шептал, что, если возможно, он мог бы пробраться в свою комнату и нюхнуть еще чуток глиттерстима, припрятанного среди вещей, — он может помочь прояснить некоторые вещи, — но даже это казалось безнадежным. Отойдя от спайсовой эйфории, молодой охранник в очередной раз убедился, насколько сильна его зависимость. Он не знал, где находится и куда направляется.

Он чувствовал, как растет в нем досада. Жалость к себе облепила его с головой, словно знакомый ветхий плащ. Он не сумел выполнить задание Джаббы и этим подтвердил: все, что он втайне подозревал о себе, правда — трусость, некомпетентность, несоответствие поставленной задаче. Что же тогда, есть ли смысл жить дальше?

Затем в туннеле, в отдалении, что-то шевельнулось.

* * *

Смайт прислушался к шороху. Его издавала чудовищная гора мускулов, огромная скользкая масса, непохожая ни на что, с чем он сталкивался в этих стенах. Он фактически мог слышать липкое пощелкивание ротового придатка.

Волкочервь.

Он слышал россказни о сайроксе — все их слышали. Существо, обитавшее в трубопроводах и туннелях «Улья-7», питавшееся кровью, проливаемой на поединках, растущее и жиреющее на ней. Кое-кто из охранников даже клялся, что видел его, хотя никогда не находилось убедительных доказательств.

И вот — он услышал что-то еще. Не ушами. В мыслях.

Голоса...

«...помогитепомогите...»,

...слова...

«...убьюзарежузадушувсех...»

...возникали у него в мозгу...

«...отпустииасотпустинасЕДА...»

Смайт еще сильнее прижал висок к стене, зачарованный против собственной воли. Ничего подобного он даже представить не мог. Голоса проникли в его сознание — клубок ужаса, сплетенный из слов тысяч различных языков, человеческих и нечеловеческих: все они кричали, молили, ревели о милости, избавлении, мести.

По природе Смайт не был особо сообразительным, но он знал достаточно, чтобы доверять своим ощущениям, даже когда они приходят в противоречие с тем, что, по его мнению, было правдой. И ощущения, которые он в данный момент испытывал, были кристально ясны.

Сайрокс не только реален, он еще и разумен.

Его разум — погребальная песнь жестокости и боли, взятых от всех без исключения арестантов, чьи тела пожрала тварь, ползущая в недрах тюрьмы, и слитых вместе. Их коллективный разум, пусть и мертвый, каким-то образом все еще живет в ней.

Взглянув вверх, Смайт уловил лишь неявный образ чего-то настолько ошеломительно огромного и жирного, что заняло собой весь туннель, — лоснящееся, бледное, слепое, надвигающееся на него с разинутой пастью, раскрытой, словно

лепестки какого-то отвратительного цветка-альбиноса. Смайт заметил, как мелькнуло что-то розовое, и узрел зубы в десять рядов. Жуткий запах, хлынувший из пасти, не поддавался описанию — вонь массового захоронения.

Его сердце подскочило к самому горлу и застыло там, сжавшись от ужаса.

Он развернулся и побежал.

Страх сделал его невесомым, выжег все сознательное до самых базовых рефлексов. Общий эффект оказался гаков, что глиттерстим по сравнению с ним был жалок. Сила, которую он даже не представлял, взорвалась в его йогах, швырнула в противоположном направлении; адреналин пульсировал в каждом нерве.

Он слышал, как тварь протискивается по коридору за его спиной: теперь она двигалась быстрее, с каждой секундой сокращая дистанцию. Охранник пригнул голову и побежал, ориентируясь в коридорах чисто инстинктивно, серые стены превратились в размытые пятна. Отдаленный громоподобный скрежет приближавшейся твари заглушался беспрестанным стуком его сердца, чей ритм оптимизировался для одного лишь выживания.

Он побежал быстрее. Он сможет бежать вечно, если понадобится.

Завернув за угол, Смайт врезался головой во что-то твердое, но не настолько прочное, чтобы быть стеной, и упал. Подняв взгляд, беглец увидел, что на него, прищурившись, смотрит Васко Нейлхед. Главарь, как и остальные «короли», сгрудившиеся за его спиной, вымазался в крови с головы до ног.

— Так-так. — Рядом с Нейлхедом стоял Страбон, «короли» и «силы» сомкнулись теснее. — Похоже, ты опять влип.

Смайт не шевелился. Не мог дышать.

— В чем дело, *слизняк*? — Нейлхед вытер ладонью рот: стер алую полосу запекшейся крови и размазал ее ребром ладони по бороде. — Нет бластера, чтобы наставить на меня? Нет «дропбокса», чтобы вбить мой номер? — Он схватил Смайта за грудки и вздернул его на ноги. — Что случилось, подонок? Тебе нечего мне сказать?

— Ну, — выдавил Смайт; голос его прозвучал едва узнаваемо. Он снова слышал, как оно приближается, как его шелест становится громче. — Есть одна вещь...

— Да? И какая?

Охранник указал в коридор:

— Лучше посмотрите сами.

Нейлхед поднял голову и вгляделся во тьму. Стоявший за его

спиной Страбон тоже всмотрелся. Когда их лица изменились, Смайт почувствовал, как вернулось ощущение его присутствия: огромного, теплого, обуреваемого голодом.

А затем раздались вопли.

40
НЕ ГЕРОЙ НИ ДЛЯ КОГО

Мол локтями прокладывал себе путь сквозь толпу в коридоре у столовой. Он бросил Зеро лежать лицом в тарелке, не добившись ничего от последнего разговора. Когда забрак встал, чтобы уйти, трое заключенных, пытавшихся подойти к ним ранее, подхватили тви'лека и вынесли его прочь — без сомнения, они спешили в медотсек. Мол сомневался, что они успеют вовремя, но полагал, что это возможно — если поторопятся.

Прямо сейчас следовало заняться более срочным делом.

Мальчишку он обнаружил в камере сидящим рядом с отцом. Старик неподвижно лежал на койке, часто дыша. Его кожу покрывали землистые пятна.

— Джаганнат, — заговорил Эоган, — что...

— Бери его, — бросил Мол. — Надо идти.

— Куда?

— За мной.

Эоган наклонился и аккуратно поднял отца на руки.

В морге стояла тишина, как и помнил Мол. Они вошли друг за другом, юнец взвалил тело отца на плечо, чтобы пройти в дверь.

— Что мы здесь делаем? — беспокойно спросил Эоган.

Мол не стал оглядываться.

— Клади его туда. — Он кивнул на один из пустых столов, стоящих у стены.

— Ты так и не сказал мне, что...

— Он говорил еще что-нибудь о «Бандо Гора»? — спросил Мол. — Хоть что-нибудь?

— Нет, я же сказал тебе, он... он не может разговаривать. Лихорадка, она... — Юнец сглотнул, не в состоянии завершить фразу. — Ему нужна медицинская помощь.

Мол не ответил: он открыл нижнюю панель старого пульта, чтобы достать спрятанный там голопередатчик, и ввел код, активировавший его первоначальные настройки. Затем повернулся лицом к Артагану Труаксу:

— Старик.

Веки слегка приподнялись, Артаган уставился на него мутным взглядом. Потрескавшиеся губы шевельнулись, но не издали ни звука.

— Вводи частоту для входящих вызовов «Бандо Гора», — велел Мол.

Артагану Труаксу удалось покачать головой:

— Не помню... ничего.

— Придется вспомнить. Или я убью твоего сына.

Эоган уставился на забрака. Старик попытался привстать.

— Частота, — напомнил Мол. — Вводи частоту.

Казалось, прошла вечность, но Артаган Труакс начал вводить цифры. Его трясущиеся пальцы дрожали на клавишах, неритмично нажимая на них.

— Ввел?

Старик ничего не сказал. Мол все еще смотрел на него, когда понял, что взгляд юноши сосредоточился на двери.

— Ты слышишь? — спросил тог. — Это трубный глас.

Мол слышал. Эоган был прав.

— Оставьте меня, — сказал он. — Сейчас же.

Парень бросил взгляд на отца.

— Куда мне...

— Неважно. Уноси его. Обратно в твою камеру, — распорядился Мол. — Убирайтесь.

Когда Эоган подхватил отца на руки и унес его, Мол переключил частоту голопередатчика и снова активировал устройство. Он опустился перед ним на колени и склонил голову в ожидании.

Спустя несколько секунд перед ним возник Дарт Сидиус. На этот раз он не стал утруждать себя формальностями:

— У тебя есть новости?

— Да, мой учитель.

— Какие?

— Айрем Радик. Я нашел его.

* * *

Спустя некоторое время Мол снова спустился на Заводской этаж, прошел мимо костяных статуй, выискивая среди теней того, кто поможет ему перейти к следующей стадии поисков.

На новость о личности Айрема Радика повелитель отреагировал не так, как надеялся Мол. Сидиус нетерпеливо выслушал рассказ о виквае и о том, как забрака едва не разорвало на куски, но он не выдал своих способностей управлять Силой.

В конце учитель просто кивнул, как будто все это должно было принести гораздо больше пользы, чем принесло в реальности, и потребовал, чтобы Мол связался с ним, когда

сделка состоится. Он ничего не сказал о «Бандо Гора» или о том, как тяжело организовать соглашение между культом и Радиком. Решение этого вопроса оставалось за Молом, поэтому тот вернулся на Заводской этаж, где ранее едва не погиб.

Он шагал вперед, внимательно прислушиваясь, пока не услышал в темноте бормотание чадра-фана.

— А, Джаганнат! — Койл обернулся, выжидательно улыбаясь. — Ты пришел за тем, что твое, да?

— Готово?

— Только что закончил.

Продолжая бормотать, заключенный развернулся и пошел прочь, провел ситха мимо валявшихся как попало костей, затем принялся рыться в куче мусора, как механического, так и органического, пока не достал плоский металлический кейс и приподнял его, чтобы Мол мог рассмотреть.

— Триста тысяч кредитов. — В глазах чадра-фана промелькнула гордость. — Достаточно надежные, чтобы пройти самую серьезную проверку. Одобряешь?

Мол осмотрел ряды перевязанных денежных пачек, затем взял одну и поднес к свету. Сработано было на совесть, хотя, вероятно, фальшивки не выдержат серьезной проверки. Однако и они откроют перед ним двери, в которые нужно войти, чтобы согласовать с Радиком последние детали.

На данный момент этого было достаточно.

Зажав кейс под мышкой, Мол прокладывал себе путь по коридору, поминутно сталкиваясь с заполонившими его вонючими телами. Какой-то верзила из «королей» толкнул его плечом — слишком сильно для случайного столкновения. Не повернувшись и даже не замедлив шага, ситх заехал тому кулаком в солнечное сплетение и оставил валяться сложенным пополам на полу, судорожно хватая ртом воздух.

И тут он остановился как вкопанный.

Его взгляд упал на заключенного, абсолютно неподвижно стоявшего среди потока существ. На мгновение весь мир словно замер. Все звуки стихли.

Это был он.

Тот, которого он видел вместе с Зеро на Заводском этаже.

Радик.

* * *

Виквай глядел на забрака сквозь толпу заключенных, на плече у него восседал когтекрыл. Мол видел, как он вынул из кармана робы кусочек скользкого байтового жира и неторопливо поднес его птице, которая выхватила лакомство из его пальцев. В мгновение ока еда исчезла, и виквай достал еще кусочек. Птица сожрала его еще стремительней, чем первый, ее голова подергивалась, когда она нетерпеливо пыталась быстрее протолкнуть пищу в горло.

По-прежнему прижимая к боку полученный от Койла кейс, Мол начал пробираться сквозь толпу. Но когда он добрался туда, где стоял виквай, того уже не было.

Мол внимательно осмотрелся. Коридоры опустели — последние узники уже вернулись в свои камеры для блокировки. Трубный глас гремел вовсю.

«Ты уже так близко. Тебе нельзя останавливаться».

Мол развернулся и чуть не врезался в возникшего рядом охранника.

— Ты слышал трубный глас? — Надзиратель пристально смотрел на него. — Почему ты не в камере?

— Как раз иду туда.

— Можешь не торопиться, слизняк. — Надзиратель перевел пристальный взгляд на кейс в руке забрака. — Это что?

— Нашел в куче мусора на Ночной стороне.

— Что внутри?

— Ничего.

— Ничего?

Охранник вырвал кейс из рук Мола, откинул крышку и перевернул. Оттуда вывалилась кучка костей и со стуком рассыпалась по полу. Отбросив их ногой, офицер отшвырнул кейс и уставился на Мола:

— Немедленно в камеру!

41
ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ МАРТЫШКИН ТРУД

Хорошие вещи случаются.

Садики сидела, закинув ноги на стол, попивала кофе и улыбалась. Они с 3D закончили наблюдать за резней среди охранников в уютной обстановке ее кабинета, где можно не беспокоиться, как бы не запачкать костюм кровью. Как зрелище в чистом виде, это не разочаровывало. Жаль, не хватило времени организовать аукцион по покупке прав на головещание или, еще лучше, открыть прием ставок на исход этой драки. Хотя вряд ли кто-нибудь в здравом уме сделает ставку на группу безоружных надзирателей против Страбона, Нейлхеда и их приспешников. Она не сомневалась, что ее поступок возымеет последствия — нельзя шутить с Джаббой Хаттом, не вызвав в том или ином виде ответную реакцию. Но в данный момент ее позиция... какая же?

— Неуязвимая, — ответила она себе вслух.

Дроид оживился:

— Прошу прощения?

— Бункер. Бомбоубежище. Вот где мы с тобой окопались. — Садики отпила еще кофе. — Это хорошая позиция, 3D.

— Да, комендант. Тем не менее я не могу не поинтересоваться...

— Ш-ш. — Садики выставила ладонь. — Ты портишь момент. Сколько времени до следующего поединка?

— Он уже начинается. Алгоритм...

Она проверила экраны, сняла ноги со стола и опустила взгляд на дисплей.

— Секундочку. — Женщина посмотрела на дроида. — А где Дакарай?

— Я не знаю.

— Это неправильно. Это какая-то ошибка. — Она наблюдала, как алгоритм выбрал двух бойцов. — Найди моего брата. Сейчас же.

— Я не знаю, где он находится.

Садики выругалась.

— Переходим на ручное управление!

3D коротко чирикнул, из его раскрывшейся грудной пластины выдвинулся тонкий адаптер, который дроид вставил в панель рядом со столом Садики.

— Получаю доступ к ручному управлению, — сообщил он, за этим последовала долгая пауза. — Нет доступа к ручному управлению. Боюсь, бойцы уже выбраны.

— Брат сможет это отменить, — сказала Садики.

— Боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Потому что выбрал их именно он.

Садики нахмурилась, глядя на дисплей.

— Дакарай вошел в систему. Он как-то смог подключиться удаленно... Это бессмыслица. Зачем ему это делать?

Дроид крутанул головой, чтобы смотреть на нее, его фоторецепторы настойчиво пульсировали.

— При всем уважении, комендант, когда вы в последний раз видели мастера Дакарая?

Садики не ответила. Она продолжала смотреть на экраны.

«Дакарай, — подумала она, — что же ты творишь?»

42
ПУСТИТЬ КРОВЬ УРОДУ

Мол добрался до своей камеры всего за несколько секунд до начала трансформации. Не успел он войти, как люк заперся за его спиной, а пол и стены уже начали менять форму. Камеру наполнило теперь уже знакомое клацанье шестеренок и прочих механизмов. Ситх взглянул вверх, откуда, как он знал, на него смотрят комендантша и галактическое игорное сообщество. Его участие в предстоящем поединке, казалось, предопределено.

Что будет на этот раз? Огонь? Лед? Сарлакк из Великого провала Каркун?

Камера покачнулась и развернулась: тюрьма принимала новую форму. Мол сидел верхом на скамье и крепко держался за ручки. На этот раз не имеет значения, с кем ему драться. Теперь, когда он знает Радика в лицо...

Камера прекратила движение.

Мол склонил голову, прислушиваясь. Какого противника выбрал ему алгоритм? Кого бы ни выбрал, надо как можно быстрее расправиться с ним и вернуться к выполнению своей непосредственной задачи.

Стена камеры раскрылась.

Мол глядел на нее, напрягая мышцы для атаки...

И ощутил, как вся его решимость испаряется от внезапного прилива растерянности.

В его камеру шагнул виквай.

На мгновение забрак потерял дар речи. Виквай приближался к нему, на плече его по-прежнему восседал когтекрыл. Все чувства Мола обострились от потрясения, пока он глядел, как птица переступает с лапы на лапу, демонстрируя *кипу*, обмотанный вокруг ее ноги.

— Ты должен быть уже мертв, Джаганнат, — приветствовал его виквай. — Лежать в виде гуляша на Заводском этаже. Я сам тебя прикончу.

Он все подступал. В очередной раз в голову Молу закралось подозрение, что все случившееся с ним с момента прибытия сюда — от идущих друг за другом поединков до загадочных механизмов, едва не разорвавших его на части, — этапы какого-то большого испытания или экзамена, организованного Сидиусом и происходящего под его контролем, и, возможно, сейчас Дарт Мол добрался до самого серьезного испытания.

— Постой, — заговорил Мол. — Я не стану тебя убивать.

— Тут наши мнения сходятся.

Мол распахнул воротник и показал пачки кредитов, которые набил под робу перед тем, как подняться с Ночной стороны.

— Триста тысяч кредитов. Они твои.

Виквай не ответил. Вместо этого он поднял руку, птица сорвалась с его плеча и стрелой метнулась через камеру, словно тень, отделившаяся от своего хозяина. Вытянув когти, она бросилась прямо в лицо Молу. Мол уклонился и взмахнул кулаком, чтобы оттолкнуть тварь, но та в последний момент поднырнула под его руку и с клекотом впилась когтями в лицо, яростно пытаясь выклевать глаза.

Мол вслепую схватил птицу, оторвал от себя и попытался швырнуть на пол и растоптать, но та вывернулась из рук и взлетела, каркая, клекоча и теряя перья. Он поднял голову и протер глаза. Сквозь заливавшую их кровь виднелась смутная фигура виквая — теперь он подступил ближе.

— Я прекрасно знаю, кто ты, — раздался голос Радика совсем рядом. — И я знаю, кто тебя послал. — Он поднял над головой какое-то оружие для ближнего боя — что-то вроде кинжала или пики, которое Мол не смог сразу опознать, — готовый нанести смертельный удар. — Теперь я воздам тебе, как ты того заслуживаешь.

Боль вспышкой сверхновой взорвалась в правом боку ситха, хотя он поднял руку в попытке самообороны.

И все же сознание Мола парализовало намного сильнее, чем тело. Впервые с момента прибытия в «Улей-7» забрак понятия не имел, как поступить. Смерть Радика будет означать конец его задания — и полный провал в глазах учителя и ситхов.

В противном же случае этот поединок будет стоить жизни ему самому.

— Ты служишь «Бандо Гора», — произнес голос виквая где-то за кровавой вуалью.

— Нет, — возразил Мол. — Это не...

За спиной раздался шум крыльев.

Мол отреагировал инстинктивно — выбросил левую руку назад и выхватил когтекрыла из воздуха. Его правая рука так и висела бессильно: казалось, раненный оружием виквая ситх утратил контроль над ней — по крайней мере, временно. Левой рукой схватив птицу за одно крыло, другое Мол сжал зубами и растянул их во всю ширину.

«Дезориентируй ее, заставь впасть в бешенство, чтобы она не смогла отличить друга от врага. Это единственный путь».

Птица отчаянно вырывалась, извивалась, скручивалась, неистово клевалась и пронзительно верещала в его хватке. Ее

когти рвали забраку лицо, оставляя на скулах глубокие царапины. Но Мол не выпускал ее.

Он размахнулся, ткнул птицей в лицо противнику и нанес решающий удар, одновременно ломая ей хребет. Когти твари хлестнули по глазам виквая, птица упала на пол сломанной игрушкой, ее крылья торчали под неудобными, неестественными углами.

Мол стер с лица кровь. Наконец зрение начало проясняться. Отступив на шаг назад, он поднял левую руку в заключительной попытке договориться.

— Выслушай меня, — сказал он. — Я представляю не «Бандо Гора». Мне надо купить у тебя оружие. Мне надо...

Радик снова напал на него, нанеся несколько быстрых жестоких ударов по лицу и по шее. Удары сыпались настолько быстро, что их почти невозможно было уловить, — жестокий шторм ударов. Молу показалось, что пол поплыл у него под ногами; он упал на колени. Когда виквайская пика снова врезалась в его череп, он понял, что Радик собирается забить его до смерти — прямо здесь и прямо сейчас, в самой сердцевине опутавшей его паутины сомнений.

Для него все закончится здесь.

«Учитель. — Неопределенность клубилась в душе, туманя разум. — Что мне делать? Как я могу...»

Бам! Очередной удар, особенно жестокий, разбил ход мыслей, и Мол упал ничком. Он понимал, что неудача будет стоить ему всего, что у него есть, что он никогда уже не сможет вернуться к Сидиусу и принять участие в претворении Великого плана, и еще...

Мол мысленно вернулся в раннее детство — дальше, чем он когда-либо осмеливался заглядывать, к началу обучения, к бесконечным жестоким пыткам, что он перенес на Майгито. Сравнимую с ними боль он испытал, осознав, что, в конечном счете, Галактика холодна и не станет заботиться о нем и никогда его не защитит. И если он выживет, то только потому, что никогда не будет сдаваться.

Никогда.

Не.

Сдаваться.

Ни тогда.

Ни сейчас.

Никогда.

Что-то порвалось у него внутри — какая-то жилка чистого инстинкта, лежавшая глубже, чем верность приказу. Вскочив на ноги, он схватил виквая за торчащие волосы, дернул его голову

назад, а своей головой — вперед, вонзив рожки в шею противника.

Удар сокрушил горло Радика. Он неуклюже обмяк, и Мол выпустил его волосы, позволив телу рухнуть на пол.

Ситх отступил от мертвого противника.

И простоял так, по собственному ощущению, очень долго.

Все кончено.

«Учитель, у меня не оставалось выбора».

Но ответом была лишь тишина.

43
«ШПИЛИ КАЛЬДАНИ»

— Полагаю, это означает, что ты можешь поблагодарить своего ученика за прекрасно выполненную работу, — заметил Дарт Плэгас.

Он только что перевел взгляд с голоэкрана к окну своего пентхауса на вершине «Шпилей Кальдани» и взглянул сквозь него вниз, на ничего не подозревающие толпы, разгуливающие у подножия жилого комплекса площади Монументов.

Сидиус, стоявший у противоположной стены, едва сдерживался — он сжал кулаки, мышцы нижней челюсти напряглись от гнева. Он не мог разглядеть отраженное в оконном стекле лицо Плэгаса, так же как и не мог догадаться о мыслях своего учителя по его голосу. В пышно обставленном пентхаусе Плэгаса царила абсолютная тишина; благоговейный покой властвовал над роскошью застилавших пол парчовых ковров, резонировал с причудливой мебелью, гобеленами и другими предметами, украшавшими комнаты и коридоры. Сидиус мог слышать яростное биение собственного сердца.

Они только что закончили смотреть голо последнего боя Мола — и первого, за которым они наблюдали вместе, хотя Сидиус непременно просматривал каждый поединок ученика с момента прибытия того в «Улей-7». Сегодня Плэгас без предупреждения вызвал его сюда, чтобы смотреть бой вместе, хотя раньше такого не бывало.

Как будто он знал, что произойдет.

— Перед ним стояла задача убить Радика, не полагаясь на Силу, — задумчиво проговорил Плэгас, повернувшись к Сидиусу. — Ведь так?

Как это часто бывало, удлиненное серовато-синее лицо под транспираторной маской не улыбалось и не хмурилось. Вместо этого у Дамаска появилось отстраненное выражение лица: самый блестящий интеллект, глубоко погрузившийся в собственные тайные мысли.

— Что означает, что он закончил там, не так ли? И его можно отзывать?

Сидиусу удалось кивнуть. Таившаяся в глубине души ярость лишь возросла, поэтому он пока не доверял своему голосу.

— И все же, — проговорил Плэгас, задумчиво глядя на него, — ты выглядишь... не слишком довольным.

Невероятным усилием разжав стиснутые кулаки, Сидиус

заставил себя обрести хладнокровие. «Он меня испытывает. Исследует мои мотивы». И снова ему в голову пришел вопрос: «Как много он знает?»

— Конечно, я доволен, — произнес Сидиус, приложив усилия, чтобы при этих словах заглянуть Плэгасу прямо в глаза. Не должно быть никаких признаков предательства, никаких намеков на истинную цель данного забраку задания. — Мол поступил именно так, как я велел.

— Я ни в коем случае тебя не допрашиваю, — заверил его Плэгас. — Как я уже говорил, твои отношения с забраком, в особенности когда дело доходит до подобных вещей, касаются вас, и только вас.

Он достаточно долго молчал, давая понять Сидиусу, что фактически эти слова — сделанное мимоходом замечание, праздная мысль, походя посетившая столь изощренный ум, коим обладал Плэгас.

— Тем не менее меня все же интересует, что могло бы произойти, если бы Мол раскрыл свою истинную сущность владыки ситхов, будучи в заключении. Последствия для нашего плана могли оказаться... весьма значительными.

— Это невозможно, — заявил Сидиус. — Преданность Мола не подлежит сомнению. Он с радостью отдаст жизнь, чтобы не ставить под угрозу секретность своего задания.

— Конечно. — Плэгас покачал головой. — Я просто хотел тебе напомнить, что некоторые аспекты данной операции ты не в состоянии полностью контролировать. И я не в состоянии. — На несколько мгновений выражение его лица стало сочувственным, что в молодости успокаивало Сидиуса, — и, честно говоря, казалось снисходительным. — Болезненное, но необходимое напоминание, Дарт Сидиус. Существа, подобные нам с тобой, те, кто способен обладать почти неограниченной властью, сталкиваются с парадоксальным риском забыть, что существуют в Галактике некоторые вещи, которые мы не способны контролировать.

— Ты полагаешь, это задание было просчетом с самого начала?

— Предполагать подобное ныне бессмысленно. — Плэгас снова замолчал, и Сидиус ощутил, что он приближается к кульминации разговора. — Нет, я полагаю, что сейчас мне стоит сделать нечто иное. Оглядываясь назад и вспоминая произошедшие события, мне надо спросить, почему ты счел столь необходимым преодолеть такие огромные расстояния и согласиться на такой невыгодный расклад, который в случае неудачи способен поставить под удар наши планы, — и все ради

поисков этого оружейника?

Сидиус ничего не ответил.

— Разве что существует еще какая-то цель, для достижения которой он тебе понадобился, — закончил Плэгас.

— Как я уже говорил, — начал Сидиус, — убийство Айрема Радика необходимо для приближения конечных целей нашего Великого плана... — Он сделал паузу, намеренно оставив объяснение незавершенным, чтобы понять, интересно ли Дамаску продолжение этой сочиненной для прикрытия истории, продуманной тщательно, чтобы не развалиться, если к ней проявят более пристальное внимание. Пока разворачивается задуманная им операция, нельзя допустить, чтобы муун хотя бы предположил, что на самом деле Сидиус послал Мола в «Улей-7» за ядерным устройством, которое «Бандо Гора» в конечном итоге смогли бы использовать против Плэгаса. Предположить такое, даже сейчас, было немыслимо.

Но Плэгас уже отмахнулся от объяснений, и затем, так же быстро, как и появился, будничный тон исчез. Владыка ситхов снова взглянул на голоэкран, где они наблюдали поединок, и его лицо омрачилось.

— А он горд, этот забрак, верно? Для такого великолепного бойца должно быть невероятно трудно проявлять самообладание и не использовать Силу.

— У него есть опыт подобного самообладания, — напомнил учителю Сидиус, хотя понимал, куда движется их разговор, и не видел смысла защищать Мола от подобных нападок.

— В этом я не сомневаюсь. Однако было бы большим позором, если, вместо того чтобы просто убить торговца оружием, Мол случайно раскрыл бы свою истинную сущность... и сущность того, кто послал его. — Теперь Плэгас пристально смотрел на него. — Рискну предположить, что такой неподходящий поворот событий оказался бы крайне унизительным для того, кто разработал этот план.

«Унизительно». Слово упало Сидиусу в желудок и лежало там, как камень.

— Я лично приму меры, чтобы подобное никогда не произошло, — сухо произнес он.

Плэгас долго молчал. Когда он снова заговорил, его голос был тих, но тверд.

— Свяжись с забраком, — приказал он. — Сообщи ому, чтобы немедленно уничтожил «Улей-7» и устранил все свидетельства нашего интереса к этой космической станции. — Он помолчал. — Если хочешь, можешь позволить ему считать, что ему будет предоставлена возможность побега.

Сидиус вдохнул и затаил дыхание. Мышцы диафрагмы казались твердыми. Напряженность, за последние несколько минут заполнившая пентхаус, вызвала у него чувство удушья, как будто из помещения медленно, но верно выкачивали кислород.

— Что-нибудь еще?

— Ничего срочного, — отозвался Плэгас. — Я всегда наслаждаюсь общением с тобой, Дарт Сидиус. Нет более никого, с кем я мог бы быть полностью и абсолютно откровенным. Не заставляй меня долго ждать следующей встречи.

— Разумеется. — Сидиус кивнул, попрощался и вышел, отметив, что входная дверь захлопнулась и заперлась за его спиной.

«Унизительно».

От этого слова ему до сих пор крутило живот, словно от яда.

Только дойдя до турболифтов, ведущих вниз, в главный вестибюль башни, он смог восстановить размеренное дыхание, и дрожь в груди почти прошла.

44
МАСТЕРСКАЯ

Смайт выполз из трубопровода и рухнул на пол.

Он не помнил, как оказался там, как долго бродил во тьме, пытаясь отыскать путь по непрерывно сужающимся капиллярам вентиляционных шахт и трубопроводов, беспрестанно снабжавших тюрьму энергией, водой и теплом. Его мозг давно уже перестал реагировать на внешние раздражители. Все сложные навыки восприятия и анализа деградировали почти до нуля.

Он видел слишком много.

Началось все с червя. Наблюдать, как гигантская белая тварь поедает «Королей костей», было уже само по себе достаточно плохо. Проживи Смайт хоть сто лет — ему никогда не забыть, как именно погибли Страбон, Нейлхед и остальные: их прямо оттуда, где они стояли, всосали Y-образные ротовые придатки. И самое главное, что останется в его памяти навсегда: хлюпающий звук, который издавала тварь, недостаточно громкий, чтобы перекрыть их пронзительные крики. А также влажное шлепанье и стук захлопывающихся челюстей.

Его тошнило при одном лишь воспоминании о них.

Твари понадобилось сожрать много народу, что дало упавшему и распластавшемуся на полу Смайту достаточно времени, чтобы отползти подальше, пока белый червь заглатывал добычу. Он боялся, что, если побежит, чудовище почувствует его, а если будет слишком шуметь — услышит.

Поэтому он пополз.

Бесшумно.

Мучительно.

Медленно.

Он полз.

Неровный стук собственного сердца отдавался в ушах, поэтому невозможно было сказать, преследует его тварь или же осталась на месте, переваривая добычу, и тут Смайт обнаружил, что ему это не так уж и важно. Если она его сожрет, он погибнет, если не сожрет, весь остаток жизни ему будут сниться кошмары, что его сожрали. Ни тот ни другой из вариантов не вызывал желания пережить его.

Теперь же, споткнувшись в последний раз и вывалившись через какой-то люк из туннеля, где он провел черт знает сколько времени, беглый надзиратель лежал без движения на холодном полу, а ладони и колени саднило после длинного, бесконечного

перехода.

Он долго не решался открыть глаза, уверенный, что увидит над собой свернувшегося кольцами червя, ждущего добычу, приготовившего присоски, жаждущие впиться в жертву. Спустя некоторое время незадачливый охранник понял, что под его веки проникает яркий свет, и почувствовал едкий запах неизвестных химикатов. В конечном счете любопытство взяло над ним верх.

Он открыл глаза.

«Что?..»

Он попал в сияющее чистотой, ярко освещенное помещение, подобного которому в этой тюрьме никогда раньше не видел. Это оказался отчасти склад, отчасти лаборатория. На длинных столах располагалось научное оборудование, названия которого Смайт не знал: стеклянные тигли, тонкие трубки и экзотично выглядящие колбы, необычайно элегантные, самых разных форм и размеров, выстроились рядом с миниатюрным натюрмортом смесителей, станков, приборов для нагревания и охлаждения.

Вдоль дальней стены стояли контейнеры различных размеров для грузовых перевозок, и на каждом было указано его содержимое и пункт назначения.

Не понимая, что он делает и зачем, Смайт прошелся по помещению вдоль контейнеров, а потом вернулся обратно — вдоль лабораторного стола. Увиденное ни о чем ему не сказало, да он и не рассчитывал что-нибудь понять. Он давно смирился с тем, что в вопросах интеллекта и науки его возможности ограниченны.

Зато за всем этим лабораторным барахлом он увидел кое-что гораздо более привычное. Добрая половина помещения представляла собой автоматизированную мастерскую, оборудованную шлифовальными и сверлильными станками, сварочными аппаратами, ножницами по металлу, дрелями и приборами для точной калибровки.

Смайт рассмотрел все это. Его дядя работал на заводе «Бластеха», и он знал, что это за штуки.

Оборудование для производства оружия.

Понимание того, на что именно он наткнулся, приходило постепенно, словно тепло восходящего солнца, и мгновение он не мог поверить в грандиозность случившегося чуда.

«Это здесь. Это оно. Я на самом деле нашел это».

Он отступил назад, чтобы снова окинуть взглядом все — лабораторию, грузовые контейнеры — в свете этого нового откровения.

«Логово Радика. Оно здесь».

К полученному от Джаббы заданию проникнуть в «Улей-7»,

чтобы разузнать о деятельности Айрема Радика, Смайт отнесся с изрядной долей скептицизма. Как и все остальные, он слышал байки о таинственном торговце оружием, действующем под множеством псевдонимов, и, как большинство мыслящих людей, решил, что к истине примешивается изрядная доля выдумки. Зачем уважаемому торговцу, особенно такому успешному, как Радик, скрываться в тюрьме, тем более если одним из условий пребывания там является участие в поединках с другими заключенными?

Тем не менее Смайт взялся за эту работу — еще бы не взяться! Как и от возможности работать на клан Десилиджик, от этого назначения невозможно было отказаться. Он прибыл в «Улей-7» по поддельному удостоверению личности, с поддельными документами и присоединился к прочим агентам Джаббы, которые уже работали здесь в качестве охранников, собирая информацию среди заключенных и сообщая обо всем, что удалось разузнать. Стим помогал ему снять хандру, а поединки между осужденными сделали пребывание в тюрьме интересным, но он никогда по-настоящему не надеялся...

«Вот оно».

Контейнеры. Необходимо их осмотреть. Смайт поспешил к ближайшему металлическому ящику, открыл стальные замки, приподнял крышку, заглянул внутрь и присвистнул.

Как и большинство наймитов Джаббы, он гордился своими знаниями об оружии. Поэтому, хоть он ни разу и не стрелял из переносного ракетного комплекса J8Q-128 «Финбат», он мгновенно опознал его по каталогам. «Финбат» — портативный ракетный комплекс с ударной боеголовкой, способной пробить броню транспортного средства армейского класса.

Наклонившись, Смайт вынул оружие из упаковки, вскинул себе на плечо, ощутив его тяжесть и мощь, и, опустив голову, заглянул в прицел. Палец лег на спусковой крючок. Смертельная угроза, которую представлял собой этот предмет, обратилась прямо к остаткам страха и паники, которые все еще жили в его душе после ветречи с червем. Один выстрел из «Финбата» способен уничтожить все в радиусе пятисот метров, включая червя. На одну абсурдную долю секунды Смайт почти решил вернуться обратно в туннель и самому найти тварь, хотя, конечно, такая идея была безумием — взрыв ударной ракеты внутри космической станции равносилен самоубийству. Но ему очень хотелось бы размазать кишки этого существа по всей длине вентиляционной шахты.

Смайт положил «Финбат», подошел к соседнему контейнеру и принялся исследовать его содержимое, прикидывая, как сообщить

Джаббе о своем открытии и как использовать это, чтобы занять более выгодное положение в «Улье-7». Всего несколько минут назад он считал себя покойником: если бы даже каким-то чудом ему удалось выбраться отсюда живым, Джабба выследил бы его и обошелся так же, как и с любым незавершенным делом, — покончил с ним.

Но теперь...

Он представил себе, как сообщает боссу, что проник в самое сердце того, что ему поручили отыскать. Как бы получше осуществить этот план?

Размышляя над этим, Смайт быстро осмотрел ящики. Среди прочего он обнаружил установку для запуска протонных торпед, импульсную пушку, целый ящик мандалорских штурмовых винтовок, осколочные пушки и нечто, бывшее — он в этом ничуть не сомневался — тяжелым скорострельным пулеметом LS-150. Имелось еще несколько контейнеров со взрывчаткой, в том числе ящик разрывных гранат, противоистребительных кластерных ракет и комплект аккуратно упакованных новеньких термических детонаторов. При ближайшем рассмотрении Смайт понял, что ни один из предметов не соответствует в точности заводским спецификациям — Радик собирал их здесь, внося некоторые усовершенствования, касающиеся огневой мощи и точности стрельбы.

Он добрался до последнего контейнера и остановился.

В отличие от остальных, этот не открывался. Он был меньше других, но значительно тяжелее. На нем не имелось вообще никакой информации. Даже самый беглый осмотр показал, что этот контейнер сделан из чего-то более серьезного, чем дюраль.

Смайт положил на него ладони.

Контейнер был теплым.

Нет, неверно — контейнер был *горячим*.

И еще казалось, он едва слышно гудел.

Смайт мгновенно, еще до того, как различил вибрацию внутри контейнера, понял, что содержимое его отличается от остальных, оно намного более ценное и потенциально намного более опасное, чем все имевшееся здесь оружие, — оно являет собой нечто особенное. Радик никогда не оставил бы это здесь надолго, и охранник почувствовал, что личность, обладающая опытом и интеллектом Радика, не захотела бы держаться за эту вещь дольше, чем необходимо.

Что означало, что он должен скоро вернуться.

«Хорошо», — прошептал ему внутренний голос, и в голове возникла идея.

Вот так Августин Смайт, некогда всего лишь шестерка среди тысяч шестерок в армии Джаббы, впервые понял, что рожден для величия: по той легкости, с какой он адаптировался к ситуации и повернул ее в свою пользу.

Времени оставалось не так уж много. Он вернулся назад и принялся перебирать ручное оружие и переносные артиллерийские комплексы, прикидывая, что наиболее удобно ляжет в руки. В конце концов он остановился на тяжелом бластерном пистолете DT-12, похожем на тот, из которого он когда-то учился стрелять, и еще потому, что он всегда хотел пострелять из него, и пары наручей-дротикометов.

И в итоге, прицепив к поясу кобуру и закрепив наручи на предплечьях, он встал около крайнего контейнера в ряду и сделал то, что никогда бы не подумал, что сделает, находясь здесь, — улыбнулся.

— Сомневаюсь, что все это принадлежит тебе.

Пораженный Смайт уставился на возникшую в поле зрения фигуру.

— Что... — Он сглотнул и обрел голос. — Что ты здесь делаешь?

Он рывком поднял DT-12, но было уже слишком поздно. Сокрушительный удар пришелся ему в висок, прямо над правым ухом, и больше он ничего не узнал.

45
СОН О КРАСНОМ СВЕТОВОМ МЕЧЕ

Дарт Мол спал.

Сон не являлся для него обычным состоянием, и в последнее время он редко к нему прибегал. Его эквивалент быстрого сна был иного рода, нежели типичная неврологическая магия взаимодействия сознательного и бессознательного. Его мозг воина такими методами не пользовался.

Поэтому тот факт, что он сейчас лежал в медотсеке, опутанный трубками и проводками, погруженный в глубокий сон для восстановления после недавнего боя, стал неожиданностью. Примитивность сна лишь подчеркивала его правдоподобие, и какое-то краткое время он думал, что все происходит на самом деле.

Его выбрали для участия в очередном поединке.

Стоя перед дверью своей камеры и ожидая, когда покажется противник, он опустил взгляд и заметил нечто, стоявшее на полу прямо перед ним, — ничем не примечательную черную стальную коробку, по размеру не больше дроида-мыши. С первого взгляда он понял, что в коробке находится то, ради чего он прибыл, цель, к которой он стремился сквозь грязь и мерзость «Улья-7».

Он нагнулся, чтобы открыть коробку, и тут за стеной послышался шум — рычание живого существа, готового сразиться не на жизнь, а на смерть. С той же неопровержимой логикой сна Мол понял, что этот противник должен стать для него самым тяжелым — намного хуже, чем существо, с которым он боролся в первый раз, хуже вампы, или аквалиша, или виквая с его птицей.

Это может оказаться тот, кто победит его.

Люк открылся, и вошел его противник.

Мол воззрился на него.

В конце концов, эта часть сна не оказалась такой уж неожиданной.

* * *

— Открой, — произнес другой Мол, глядя мимо него на черный ящик. — Он твой. Чего же ты ждешь?

Мол уставился на себя, на отражение, стоявшее в пяти метрах

от него. Почему-то — по крайней мере, во сне — тот факт, что он пришел сражаться с самим собой, имел исключительный смысл, как будто именно этот момент, а не заключение сделки с Радиком, был главной целью, к которой он стремился все время своего пребывания в тюрьме.

И тут же Мол понял, что именно находится в коробке.

— Нет, — возразил он. — Мой учитель запретил это.

— Твой учитель? — прорычал этот другой Мол. Казалось, ответ взбесил двойника. — Не будь дураком. Он принадлежит тебе. Он пригодится тебе, если ты стремишься победить меня. В противном случае можешь считать себя мертвецом. Возьми его!

— Я не могу. Это повредит задаче, которую я поклялся выполнить. — Голос Мола сник. — Я должен проявить сдержанность. Я должен...

— Без него ты пропадешь!

Во сне или наяву, Мол ощутил, как в груди закипает гнев, перекидываясь на легкие и нервы в позвоночнике. Его челюсти сжались.

— Может быть, — заявил он другому себе, — прежде чем делать подобные заявления, сначала попытаешься меня победить?

— В самом деле, — рассмеялся двойник. — Поздно тебя уговаривать. Ты был взвешен, ты был измерен и признан негодным. — Он снова кивнул на коробку. — Посмотри сам.

С внезапным предчувствием Мол снова посмотрел на коробку.

Она была открыта.

Она была пуста.

Потому что лежавший в ней предмет он уже держал в руке.

Рукоять его светового посоха.

Уставившись на нее, Мол ощутил обрушившуюся на пего сокрушительную волну стыда — осознание того, что, открыв коробку и взяв в руки оружие ситхов, он подвел учителя. Он сделал то, чего поклялся не делать, и по существу...

Другой Мол бросился на него. Ни мгновения не колеблясь, повинуясь одним рефлексам, Мол нажал кнопку активации. Меч ожил в его ладони, два алых лезвия вырвались из двух его концов, и, несмотря ни на что, Мол почувствовал прилив рвавшейся изнутри энергии, поглотившей его и охватившей саму его душу.

С ним пребывала уверенность, сознание своей истинной мощи.

То, для чего он рожден.

Он описал гудящим посохом изящную дугу и одним быстрым, плавным движением разрубил другого Мола пополам точно по талии; верхняя и нижняя половины бескровно упали на пол

камеры. Забрак опустил взгляд, чтобы видеть свое собственное лицо — его собственное умирающее лицо улыбалось ему.

— Хорошо, — произнес его голос, и он мгновенно осознал свою ошибку.

Это он лежал на полу, это он был побежден.

Он смотрел вверх на самого себя, на другого, на победителя.

Но сверху на него глядело уже не его собственное лицо. Это был муун, которого он не узнал. Ощущение от его присутствия было странно знакомым — ноющее беспокойство, что он должен знать его, что, возможно, встречался с ним ранее, во сне внутри сна. Незнакомое имя пришло к нему, словно предсмертный хрип.

Плэгас.

Тьма сомкнулась, и когда он очнулся в медотсеке, в холодном поту, его пальцы вцепились в постель, будто держали предмет цилиндрической формы, которого не было.

46
В АНГАРЕ

— Слифер, да? Как давно работаете в МБК?

Весто Слифер взглянул на стовшего перед ним тюремного охранника, чей пост располагался рядом с главным ангаром «Улья-7». Он не особо жаждал вести пространные беседы с этим человеком с надписью «Доусон» на идентификационном бейдже, но в данный момент выбора, похоже, не было. Скучающий надзиратель изголодался по разговорам. Он был лысеющий, с тонкими седыми усиками, составлявшими разительный контраст с густыми кустистыми бровями — их толстые, непослушные волоски, казалось, росли сами по себе.

— Я сотрудничаю с Банковским кланом уже достаточно долго, — ответил Слифер, чтобы потрафить охраннику. — Наш банк сделал вложения в работу вашей тюрьмы. Поэтому я должен осмотреть всю станцию. — Он кивнул на люк, ведущий в ангар: — Вы не возражаете?

— Сейчас. — Доусон провел своим бейджем над считывателем и ввел код доступа. Люк распахнулся. — Но будьте осторожны. Причальная служба готовит пересыльную бригаду — через час-два должно прибыть свежее мясо. Так что вам лучше поторопиться.

— Без проблем.

— Как надумаете выходить, позовите меня, — напутствовал его Доусон, но, когда Слифер проходил мимо, внезапно схватил мууна за плечо. — И вот, кстати!

Слегка опешивший Слифер остановился:

— Да?

— Вы видели тот последний поединок? — Лицо надзирателя расплылось в широкой улыбке. — Как Джаганнат вырубил виквая и его когтекрыла?

— К сожалению, я пропустил его.

— Правда, жаль, — посочувствовал Доусон. — Лучший поединок, который я видел. Я выиграл на этом краснокожем чудике триста кредитов. — Он просиял. — Говорю вам, наша работа, может, и не самая безопасная в мире, но тут имеются некоторые интересные преимущества.

Внезапно Слиферу в голову пришла мысль.

— Так вы и сами азартный человек, господин Доусон?

— Я? — Тот хихикнул. — Шутите? А сарлакк живет в яме?

— Возможно, игроку вроде вас время от времени требуются

дополнительные средства? Я мог бы вознаградить вас за труды.

Доусон с подозрением уставился на него:

— О чем это мы тут толкуем?

— Ни о чем таком, что могло бы доставить вам неудобства, конечно. Просто придержать некоторую информацию и позже выполнить мое поручение, если у вас найдется время.

— Какого рода поручение?

— Я скажу вам, когда придет время, — ответил Слифер, отметая этот вопрос. — Как часто вы получаете припасы? Раз в неделю?

— Как правило, да. Они поступают вместе с новыми осужденными.

— А те дроиды — двоичные погрузчики, которые работают в ангаре, они все объединены в сеть и управляются из вычислительного центра?

— Ну да. — Доусон сунул руку под кепи и почесал макушку. — Я хотел сказать, у нас есть пара перенастроенных CLL-8, которыми причальная команда может управлять напрямую, но все остальное управляется удаленно, сверху. — Он покосился на Слифера. — А зачем это вам?

— Просто пытаюсь получить более полное представление о ваших ежедневных заботах, — пояснил Слифер и направился к люку. — Благодарю вас, офицер. Вы мне очень помогли. Я буду на связи.

— Ага. Да.

* * *

Перед ним разверзся грузовой отсек — пещера, сделанная из стали.

Пройдя по нему, Слифер миновал старшего палубного офицера и различных членов причальной службы, суетливо готовящихся к предстоящему приему корабля. Воздух здесь оказался значительно холоднее: стальной пол, казалось, вызывал всепроникающий озноб. Дыхание, вырывавшееся изо рта, становилось видимым, превращаясь в облачко пара. Слифер на ходу застегнул китель на все пуговицы. Рабочие со всех сторон глядели на него, но никто не поставил под сомнение его право присутствовать в ангаре. Он предположил, что среди них уже прошел слух, что представитель МБК проводит внутреннюю проверку, а подобное вмешательство почти всегда бывает

встречено смесью безразличия и беспокойства.

Чтобы пересечь ангар, ему потребовалось почти пять минут. Два больших двоичных погрузчика, о которых упомянул Доусон, без дела стояли у дальней стены, ожидая приказов. Ни один из них не был похож на новую модель, хотя сам Слифер имел лишь ограниченный опыт общения с данными механизмами.

Он подошел к менее потрепанному на вид дроиду и всмотрелся в его единственный фоторецептор:

— Ты оснащен стандартным аналитическим модулем?

Погрузчик хрюкнул в знак согласия.

— С сегодняшней поставкой для меня прибудет специальный пакет, — сообщил банкир. — Адресованный лично мне — Весто Слиферу. Его содержимое строго секретно и не подлежит никакому положенному по стандарту безопасности сканированию и прочим проверкам. Когда он прибудет, надо немедленно сообщить мне. Все понятно?

Погрузчик издал еще одно цифровое хрюканье.

— Данная информация не подлежит передаче твоему руководству, — продолжил муун. — Этот приказ авторизован кодом доступа к системам безопасности МБК номер 377055. Это понятно?

Дроид немедленно выпрямился. Что-то щелкнуло в глубине его схем, а фоторецептор стал заметно ярче. Автоматический голос из артикулятора проскрежетал ржаво, но разборчиво:

— Приказ понял.

— Хорошо. Надеюсь скоро вновь услышать тебя.

47
КРЫЛАТЫЕ

Мол очнулся с укоренившимся роковым предчувствием.

Всплыв на медленной темной волне сознания, он ощутил, что воспоминание о свершенном довлеет над ним, словно иная форма силы тяжести, более тяжкая и более гнетущая, чем сама тюрьма. Мгновение он просто лежал, уставившись в потолок медотсека, разбитый на аккуратные прямоугольники, со встроенными в них огоньками диагностического оборудования в спящем режиме.

Почему он еще жив?

Смысл сна был ясен. Он провалил задание, подвел учителя. В конечном счете он оказался жертвой предательства — не со стороны внешнего врага, а со стороны собственных инстинктов выживания. Но что еще ему было делать? Погибнув, он ничего не достиг бы.

Тем не менее он не мог избавиться от мысли, что это было испытание и он его не прошел.

Ничего другого для него теперь не осталось.

Мысли начали выстраиваться в мозгу. Надо пойти к передатчику в морге и связаться с учителем, чтобы объяснить свою позицию — если Сидиус станет с ним разговаривать. По всей вероятности, цепная реакция официального отрицания уже началась. Учитель вполне может бросить его гнить здесь или...

Вдруг Мол услышал над головой шум — бодрый шелест, издаваемый, как он предположил, дроидом-хирургом. Наверное, эта штука намеревалась поменять какие-нибудь подключенные к нему трубки и снять показания датчиков, прикрепленных к его голове и груди.

Но, взглянув вверх, он обнаружил нечто совершенно иное: на краю стола сидел когтекрыл и смотрел на него.

Мол нахмурился. «Я убил тебя, птичка. Разорвал на куски. Бросил твое сломанное тело на пол рядом с твоим хозяином. Что же ты до сих пор здесь делаешь?»

Пока он глядел на крылатую тварь, пытаясь сопоставить детали ее чудесного воскрешения, вторая птица слетела вниз и уселась рядом с первой, а потом и третья.

Мол сел на койке и огляделся.

В медотсеке было полно птиц.

Тихонько каркнув, первая птица перепрыгнула с края стола на ногу ситха, а затем на плечо, где и осталась сидеть. Он повернул голову, чтобы присмотреться к ней. К кипу,

намотанным на ее лапы.

«Конечно».

Их бывшему хозяину требовалось больше одной птицы, чтобы забирать детали оружия и доставлять оплату. И теперь, когда Мол убил его...

Он стал их новым хозяином.

Отодрав от себя трубки и провода, Мол побросал их на пол и свесил ноги с койки. Встав, он обнаружил в себе новые силы, о которых не подозревал прежде.

Окружившие его когтекрылы, казалось, почувствовали, что вновь обрели цель. Они уже начали хлопать крыльями, поднимаясь в воздух, готовясь лететь.

Мол кивнул:

— Идем.

* * *

Следовать за птицами на этот раз оказалось легче.

Пернатые летели прямо перед ним черным шелестящим облаком; они провели его через главный холл, где заключенные почтительно расступались, уступая дорогу, некоторые даже склоняли головы, будто признавая в нем некоего недавно коронованного главаря.

Мол прошел за когтекрылами вниз, в лабиринт коридоров. Когда путь сужался, стая растягивалась, а когда вновь расширялся, собиралась вместе, заполняя все свободное пространство. Они спускались, как ему показалось, очень долго, глубже мест, которые он считал самыми нижними уровнями тюрьмы, хотя трудно оценивать расстояния и глубины в мире, который постоянно меняется.

Вокруг царило спокойствие. Возникало ощущение, что он отважился проникнуть туда, куда добирались немногие.

Наконец Мол остановился перед закрытой дверью.

Люк распахнулся.

— Джаганнат, — донесся голос изнутри. — Добро пожаловать в ближний круг.

48
ПОДНОЖИЕ ТРОНА

Построенная по индивидуальному проекту убриккианская космическая яхта вышла из гиперпространства в сопровождении шести Z-95 «Охотников за головами». Все они одновременно материализовались вплотную к границам области действия систем обнаружения малой дальности, которыми обладал «Улей-7».

Мгновение казалось, что все застыло. Яхта типа «Менестрель» под названием «Звездная Драгоценность» на первый взгляд лениво висела в пространстве, будто оценивая свои возможности. Пышная почти до неприличия, «Драгоценность» была смертоносной и экстравагантной. Оптимизированный мотиватор гиперпривода CL-14 сделал путешествие от Пространства хаттов по Трайлусскому торговому пути слишком коротким для своего владельца, выражавшего по пути самый пристальный интерес к тому, как растет аппетит келл-драконов, сидящих на цепях в его тронном зале. Когда они улетали с Нал-Хатты, драконы уже были голодны. Когда шум гипердвигателей смолк, эти твари залили слюной весь тронный зал.

Ныне, сидя перед большим транспаристальным куполом во всем своем огромном драконьем величии, Джабба Десилиджик Тиуре отвернулся от своих ненаглядных драконов, чтобы бросить взгляд наружу — в обширную пустоту, где не имелось ничего, принадлежащего ему, хотя он и чувствовал себя здесь как дома. Не так уж давно — в действительности всего несколько кратких веков назад — он перенес центр всей своей деятельности в монастырь Б'омарр на Татуине, и он все еще был достаточно молод для таких неожиданных прогулок по Галактике, коих требовала его авантюрная натура.

События разворачивались в соответствии с планом. Цель, которая привела его сюда, пока не была видна, но не было и никакой спешки. Экипаж «Драгоценности», его обычная свита из рабынь, плотоядных животных и беспощадных головорезов из числа трандошан, гранов и гаморреанцев, делал последние приготовления к своим собственным темным делишкам — возможность, которой Джабба, забравшийся так далеко, намеревался не дать ускользнуть.

— Отключить турболазеры. — Он включил канал связи с мостиком «Драгоценности», где его пилот и помощник Скаппа уединялся на время полета. — Отключить питание всех систем. Я

не хочу, чтобы тепловой след ионных двигателей был обнаружен до моего сигнала.

Этот приказ привел к ожидаемому результату: лично появившийся спустя короткое время в тронном зале Скаппа выразился с присущей ему прямотой:

— Мне это не нравится.

— Скаппа, мальчик мой, подойди. Присоединяйся к вечеринке. — Подозвав пилота ближе к себе и окружавшему его сброду, Джабба ухмыльнулся. — Ты же не считаешь себя лучше нас?

— Я никогда так не...

— Хорошо. Брезгливость для слабых.

Джабба жестом указал на место рядом с собой, испытав извращенную радость при виде недовольства пилота. Не то чтобы Скаппа гнушался смешиваться с толпой экзотических наложниц, наемных головорезов или низменных прихлебателей, в настоящее время ради развлечения дразнивших келл-драконов; он просто испытывал дискомфорт, надолго оставляя навигационные системы корабля, когда они находились так далеко от торгового пути. В конце концов, никогда не знаешь, в какие неприятности можно угодить во Внешнем Кольце.

— Нам не придется ждать долго.

— Решение выключить турболазеры — это ошибка, — заявил Скаппа. — Если тюремная баржа обнаружит наш след...

— Не обнаружит. — Джабба вытащил из миски под своим кальяном клатуинскую пятнистую лягушку и отправил несчастное существо, еще живое и трепыхающееся, себе в пасть. — Я уже выслал эскорт — они определят их местонахождение раньше, чем те обнаружат нас.

— Это тоже плохая идея. — Скаппа еще сильнее выпятил нижнюю губу, состроив еще более недовольную гримасу. — Без «Охотников за головами» мы уже более уязвимы, чем обычно.

— Расслабься, Скаппа. Все скоро начнется. Садись и наслаждайся представлением.

Он указал на свободное место прямо перед троном. Пилот остался стоять у входа, а два телохранителя Джаббы — гаморреанец, психопат и военный преступник, и карликовый осканский кровосос — молотили друг друга не на жизнь, а на смерть на полу прямо под носом хозяина, на самом краю участка, куда не могли дотянуться келл-драконы. Через несколько секунд кровосос располосовал гаморреанцу морду и, присосавшись к нему, принялся насыщаться. Джабба уже начал скучать и беспокоиться — подобные чувства слишком часто проявлялись в финальные моменты перед тем, как он позволял себе полностью

отдаться делам насущным.

Сегодня таким насущным делом была месть.

За последние три года денежные потери из-за торговли оружием, которую вел Айрем Радик, разрослись от мелкой неприятности до нестерпимого оскорбления. Тем не менее Джабба готов был проглотить унижение в определенной степени, по крайней мере до поры до времени: будучи криминальным авторитетом уже почти шестьсот лет, он понимал, что личности вроде Радика редко живут достаточно долго, чтобы стоило возиться с ними. Даже когда они предпринимают просто гениальные ходы для собственной безопасности — вроде исчезновения в пресловутом «Улье-7», как это сделал Радик, — все равно их падение — лишь вопрос времени. Как бы то ни было, когда-нибудь он сделает ставку не на ту армию, заключит союз не с тем преступным синдикатом, продаст оружие не тем сепаратистам. Они вспыхивают, словно метеоры, но неизменно исчезают без следа, и о них больше никогда не слышно. В своей безграничной снисходительности и милосердии Джабба решил постоять в сторонке и позволить Радику пасть жертвой собственного успеха. А он тем временем продолжит посылать в тюрьму своих агентов под видом охранников, чтобы раскрыть личность этого оружейника, но не более того.

Но ситуация в «Улье-7» изменилась.

Вчера она и в самом деле кардинально изменилась.

Конечно, Джабба не питал личной привязанности ни к кому из «шестерок», которых отправил в тюрьму под прикрытием, но оставаться в стороне и позволить, чтобы его агентов зарезали, разорвали на куски и сожрали заключенные, в то время как комендантша стоит рядом и скалится, словно обезьящер, он не мог. Это бросало вызов самим основам его власти.

Глядя, как уничтожают его агентов, Джабба решил, что если он не может вытеснить Айрема Радика из бизнеса, тогда он просто разрушит «Улей-7» до основания.

Это будет и проще, и гораздо приятнее. И он сразу придумал, как это осуществить.

На пульте управления рядом с троном зазвенел сигнал о входящем сообщении от пилота одного из «Охотников за головами».

— Вижу транспортный корабль, — доложил пилот. — Идем на сближение.

Джабба заметил, как Скапиа выпрямился в предвкушении; тем временем у подножия трона кровосос наелся под жидкие аплодисменты остальной свиты. Гаморреанцам и трандошанам, как и их повелителю, не терпелось приступить непосредственно к

делу.

— Ступайте в арсенал, — велел им Джабба. — Вооружайтесь. — Он повернулся к Скаппе: — Можешь расслабиться, друг мой, и снова активировать свои турболазеры.

Спустя несколько минут тюремная баржа «Чистилище» неспешно приблизилась на расстояние, достаточное для атаки, хотя Джабба приказал Скаппе не отвечать на запросы капитана баржи и не идентифицировать себя. Отсутствие ответов на запросы баржи возымело ожидаемый результат: «Чистилище» привело имевшееся на нем оружие в боевую готовность, предположив, что «Звездная Драгоценность» — пиратское судно или еще того хуже.

— Сообщение для капитана неопознанной космической яхты. — Голос капитана «Чистилища» в интеркоме звучал напряженно и нетерпеливо. — Вы приблизились к коридору для прохода тюремного транспорта на станцию «Улей-7». Немедленно назовите себя, или мы откроем огонь.

По внутренней связи «Драгоценности» раздался голос Скаппы, в равной степени озабоченный:

— Джабба, еще немного, и...

— Спокойно, друг мой. — Джабба выжидал, его губы кривила усмешка, на лице отражалось удовольствие от предстоящего нападения. Беззвучно отсчитывая секунды, он уставился сквозь купол тронного зала на «Чистилище», его желтые глаза блестели от волнения. Трандошане и гаморреанцы уже ушли в арсенал, чтобы экипироваться и подготовить оружие.

Тронный зал почти полностью опустел.

Остались только драконы.

49
ЗАГОВОР

Поначалу оружейная мастерская показалась Молу больше похожей на больничную операционную, нежели на заводской цех: длинный, ярко освещенный и кажущийся стерильным зал, где все доступные взору поверхности сияли безупречной чистотой. В данный момент, однако, его больше интересовала личность того, кто пригласил его зайти внутрь.

— Входи, — предложил стоявший прямо в дверях муун. — Я сам только что пришел. — Он тонко улыбнулся. — Вне всякого сомнения, мы с тобой заслужили по меньшей мере право войти и осмотреться. Это как минимум.

Мол холодно рассматривал его. Кем бы ни являлся этот муун, он явно не здешний заключенный. Он был одет, как обычно одеваются поверенные МБ К, — в зеленый китель и брюки: именно то, чего следовало ожидать от галактического финансиста. Причастность Банковского клана к незаконному обороту оружия в тюрьме вызывала больше вопросов, чем давала ответов.

— Меня зовут Весто Слифер, — представился муун, а затем, будто прочитав мысли Мола, добавил: — Хочешь верь, хочешь нет, но цели, которые я здесь преследую, вовсе не противоречат твоим — во всяком случае, не в той мере, как ты можешь подумать. Но, пожалуйста, входи.

Мол вошел и огляделся, его ум быстро вобрал и обработал десяток различных деталей одновременно.

В мастерской кипела работа. Заключенные, которых он ранее никогда не встречал, — как люди, так и представители других рас, стояли в ряд у сборочных столов, сортировали детали из разных ящиков, передавали их друг другу, соединяли на ощупь. Секунду Мол наблюдал за ними, пытаясь понять, что же его беспокоит в их поведении. Они работали почти в полной тишине, но было в них нечто странное, не сразу поддающееся пониманию, — пока один из них не поднял голову.

Тогда ситх увидел.

У них не было глаз.

Пустые глазницы напоминали пещеры, полные слепоты, сырые и мрачные пустоты. Миг — и поднявший голову заключенный снова склонился к частично собранному оружию и продолжил свою работу.

— Радик удалил им глаза, — доверительно поведал Слифер.

— По-видимому, это необходимое условие для работы здесь. Полагаю, еще одна гарантия сохранения абсолютной секретности.

Мол промолчал. Он вспомнил самый первый день и слепых арестантов, которых заметил в столовой, — они сидели отдельной группой и ели, на ощупь находя свою еду и посуду. Вот что представляла собой их жизнь. Сейчас, за исключением мягкого постукивания и пощелкивания деталей при сборке, единственным звуком был слабый шелест, издаваемый когтекрылами, устроившимися в дальнем углу помещения, в своего рода рукотворном гнездовье.

«Что они до сих пор здесь делают, если Радик мертв? Разве они не знают?»

Его внимание привлекло мимолетное движение на противоположном краю мастерской. В углу лежал кто-то связанный по рукам и ногам — охранник. Мол узнал его — некто по фамилии Смайт. Во рту у него торчал кляп, но глаза были широко открыты и блестели смесью гнева, страха и смятения.

— Ах да, — проговорил Слифер, заметив, что Мол смотрит на надзирателя. — Видимо, мы не единственные, кто здесь оказался. Я более чем уверен — господину Радику не понравится, что пришельцы шарят в его арсенале, верно? Особенно такие сомнительные личности, как господин Смайт.

— Радик мертв, — заявил Мол. — Я убил его.

— Мертв? — Мгновение Слифер смотрел на забрака, а затем рассмеялся. — Забавно. Знаешь, на секунду я почти поверил.

— Это правда.

— О нет, Айрем Радик жив, уверяю тебя. Виквай, которого ты убил, — его доверенное лицо. У Радика их с десяток, чтобы в любой момент обеспечить собственную безопасность.

— Откуда ты знаешь? — спросил Мол.

Вместо ответа муун повернулся, чтобы посмотреть на слепых заключенных, усердно собиравших воедино лежащие на столах детали.

— Ты знаешь, что они делают?

— Оружие.

— Не просто оружие, а световые мечи, — уточнил Слифер.

Мол ощутил, как в груди что-то сжалось.

— *Что?*

— Синтетические световые мечи — новейшая разработка Радика. Радикальный отход от всех имеющихся на настоящий момент технологий. По-видимому, они работают на синтетических кристаллах... — Муун подошел с торца к длинному столу, взял в руки блестящий красный кристалл и с восхищением поднес его к свету. — Их создали в геологическом

компрессоре. Ты представляешь, какая мощь заключена лишь в одном из них?

— А, — раздался голос откуда-то сзади. — Но разве мощь присутствует не в глазах того, кто смотрит, не так ли?

Кому он принадлежит, Мол понял прежде, чем обернулся и опустил взгляд. Там стоял Койл и глядел на него.

— Что ты здесь делаешь?

— Я его сюда позвал, — сказал Зеро, входя в мастерскую и запирая за собой дверь. — После того как отправил сообщение господину Слиферу с просьбой прийти сюда. Я думаю, наступил момент нам всем встретиться лицом к лицу.

Мол пристально смотрел на него.

— Яд... — начал было он, но вспомнил, кто первый рассказал ему о корне метаксаса.

Койл улыбнулся и слегка пожал плечами, словно извиняясь:

— *Что такое жизнь, как не загадка, на которую никто из нас не может найти ответа?*

— Ты действительно думал, что сможешь подсыпать мне в еду что-нибудь, хоть отдаленно представляющее опасность, и я тут же не узнаю об этом? — поинтересовался Зеро. — Джаганнат, ты продолжаешь меня удивлять.

Мол заглянул в их лица — Зеро, Койлу, Слиферу, а затем опять уставился на Зеро.

— Ты нашел путь в ближний круг Радика, — объяснил ему Зеро. — Костяк, если угодно. Когтекрылы поняли это, раз привели тебя сюда... — Он нагнулся к стоявшему сзади ящику, достал оттуда бластерную винтовку и направил ее в грудь Молу: — К сожалению, здесь для тебя все заканчивается. Ты видел слишком много. Господин Радик никогда не позволит тебе уйти.

Мол оглянулся на молчаливых, безглазых заключенных, сгорбившихся над деталями. Возможность бессознательно обрела форму в его мозгу, но теперь он четко видел ее.

— Они ведь не работают как надо, верно? — спросил он.

Зеро заколебался:

— Что?

— Синтетические световые мечи. Кристаллы работают не так, как надеялся Радик.

— Откуда ты... — начал было Слифер, но Зеро остановил его взглядом.

— Подобных проблем у нас не возникало. — Сунув винтовку под мышку, Зеро подошел к ящикам, вынул длинную цилиндрическую рукоять и показал ее присутствующим.

— Тогда ты не будешь возражать против демонстрации, — заявил Мол. — Включай. — Он сделал шаг вперед и запрокинул

голову, подставляя горло. — Испытай его на мне.

Несколько секунд Зеро молчал и не двигался. Затем, продолжая сжимать в одной руке меч, а в другой винтовку, тви'лек повернулся и взглянул в угол, где лежал и таращился на них этот охранник Смайт, все еще связанный и с кляпом во рту.

— Тащи его сюда, — распорядился он.

Койл подошел к Смайту и с силой, не соответствующей его размерам, приподнял человека, перекинул через плечо, словно тюк с грязным бельем, и принес к Зеро.

— Сними с него наручники, — велел Зеро и добавил, увидев, что чадра-фан колеблется: — Снимай. Отсюда он никуда не денется.

Пожав плечами, Койл вынул из кармана заостренный предмет, похожий на крюк, — видимо, коготь или зуб, принадлежавший представителю какой-то более низкорослой расы, вне всякого сомнения добытый им из кучи мусора для одной из скульптур, и воткнул в пластиковые зажимы на запястьях охранника. Зеро повернулся к Смайту.

— Возьми это, — сказал он, протянул надзирателю световой меч и кивнул на Мола. — И убей забрака.

Смай г уставился на оружие. Во рту у него продолжал торчать кляп, но Мол с легкостью читал эмоции по лицу охранника: гнев, унижение, неуверенность и в итоге — какая-то решимость.

Щелкнул выключатель.

Из рукояти вырвался узкий красный луч. Он был тоньше тех, что доводилось видеть Молу, и не гудел, а потрескивал и неровно шипел от основания до кончика. Странные колеблющиеся сгустки плазмы, корчась, ползли по клинку вверх и вниз, словно сотни полупрозрачных змей. В целом меч выглядел еще неувереннее, чем человек, держащий его.

— Вперед, — поторопил его Зеро.

Ужасное чувство высшей справедливости накрыло Смайта, как будто, коснувшись необыкновенного оружия — даже в таком убогом виде, — он достиг момента высшей, почти божественной самоактуализации. Он поднял клинок над головой, приготовившись обрушить его на подставленное горло Мола.

Он как раз опускал его, когда лезвие согнулось в дугу. Мол видел, что оно изогнулось, словно хвост скорпиона, словно нечто живое и злобное, зацепило лицо Смайта, рассекло его ровно пополам и дернулось в сторону. Охранник не успел даже вскрикнуть. Кисть его правой руки шлепнулась на пол, красное лезвие еще пощелкивало и хаотично трепетало в безвольных пальцах, кромсая то, что осталось от тела, прежде чем в конце концов с потрескиванием умереть в озере все прибывающей яркой

артериальной крови.

Все присутствующие на шаг назад отступили от того, что осталось от мертвого тела. Койл что-то тихо пробормотал себе под нос. Зеро уставился на неисправный меч, выражение его лица не поддавалось определению. Слифер выглядел так, будто его вот-вот стошнит.

— Что ж. — Мол кивнул на синтетический меч. — Господину Радику придется довольствоваться этим.

Ворча, Зеро качнул винтовкой:

— И не надейся. Нам не нужен меч, чтобы убить тебя.

— Я могу справиться с этой проблемой, — предложил забрак.

Слифер теперь смотрел на него во все глаза, переводя взгляд с Мола на Зеро.

— Как?

— Когда я был наемником, однажды я убил джедая, — поведал Мол. — Это дало мне возможность разобрать его световой меч и внимательно изучить. Я сумел самостоятельно воспроизвести все детали, чтобы разобраться в конструкции. Я могу исправить ошибки в конструкции этих мечей.

— Ты лжешь, — отрезал Зеро. Его палец плотнее прижался к спусковому крючку бластера. — Ты скажешь все, что угодно, чтобы спасти свою шкуру, но сейчас ты...

— *Стой.*

Голоса, прозвучавшего из интеркома, Мол никогда раньше не слышал. Глубокий, четкий и звучный голос раздался в мастерской, заполнив все имеющееся пространство. Услышав его, работавшие у длинных столов слепые заключенные все как один застыли и подняли лица вверх, словно каким-то образом могли увидеть того, кто к ним обращался.

Зеро тоже посмотрел на встроенные в потолок динамики, но держал Мола на прицеле:

— Господин Радик...

— Пусть говорит забрак.

Мол нагнулся и забрал перемазанный кровью меч у обезображенного трупа, некогда являвшегося офицером Смайтом. Быстро, не произнеся ни слова, он открыл защелку и наклонил рукоять, позволив микрокомпонентам выскользнуть к нему в ладонь. Менее чем за десять секунд он определился с нужной деталью, выбрал синтетический кристалл и поднес к лицу, чтобы рассмотреть ближе.

— Эта вещь бесполезна. — Мол бросил кристалл на пол и раздавил его каблуком. — Ваша технология ошибочна. Он слишком нестабилен. Возможно, ваш геологический компрессор не обеспечивает достаточной температуры и давления, чтобы

создать правильную кристаллическую решетку. Все, на что способны ваши мечи, — убивать тех, кто пользуется ими. — Он поднял голову туда, откуда прозвучал голос. — Но я могу заставить их функционировать как надо.

В помещении воцарилось молчание. Казалось, оно наступило уже очень давно.

— Однако мне нужно от тебя кое-что взамен, — добавил Мол. — Ты знаешь что.

Снова повисла тишина, и на этот раз висела дольше. Невыносимая.

Мол ждал.

Вечность.

Еще одну вечность.

— Убей его, — приказал голос.

Зеро нажал на спуск.

50
ПОД МАСКОЙ

Палец тви'лека еще только начал давить на спусковой крючок, когда Мол швырнул в него разобранный меч.

Мелкие детали врезались Зеро в лицо, скорее отвлекая — вряд ли они могли послужить для чего-то другого, — но это дало Молу достаточно времени, чтобы броситься на тви'лека и повалить его на пол. Бластерный заряд ушел в пустоту, отскочил от потолка и рикошетом ударил в пол.

Мол схватил Зеро за горло, уже понимая, что убивать его бессмысленно, что нет никакого способа выбраться отсюда, кроме как убить их всех, что, отыскав то, что он должен был отыскать, он лишь подписал себе смертный приговор. Сейчас было уже слишком поздно. Даже Зеро, казалось, понимал это. Лежа на полу под придавившим его ситхом, он качал головой и смеялся горьким смехом.

— Ты идиот, — сказал тви'лек, сплевывая кровь. — Ты думаешь, что сможешь на что-то повлиять?

Мол не ответил. Он врезал кулаком в подбородок Зеро и, к своему большому удивлению, почувствовал, что все лицо у того дрогнуло и съехало набок, плоть внезапно разошлась и слезла — так неожиданно, что Мол прекратил атаку и уставился на него.

Маска тви'лека наполовину сползла, открыв спрятанное под ней человеческое лицо. Потрясенный забрак уста вился на него. Он знал это лицо — или другое, но очень похожее. Это была комендант «Улья-7» Садики Блирр, только мужского пола.

«Он сказал, что ты отзываешься на другое имя».

— Дакарай? — произнес Весто Слифер. Судя по голосу, муун был потрясен даже сильнее, чем Мол. — Что?..

Дакарай Блирр поднялся на ноги, сорвал с лица остатки маски и отбросил их подальше; они шлепнулись на иол бесформенной кучкой. Судя по его виду, его не смущало ни присутствие Слифера, ни Мола — если на то пошло, все его внимание было обращено на потолок.

— Я могу объяснить, — быстро проговорил Дакарай, и Мол понял одновременно две вещи. Во-первых, Дакарай обращался к тому, кто отдавал ему приказы, — к Айрему Радику.

Во-вторых, Дакарай до смерти перепугался, а по каким причинам — Мол не мог определить.

— Мне требовалась маскировка, чтобы перемещаться среди заключенных, — сказал человек, — чтобы программировать

алгоритм. Это позволяло мне служить вам так же хорошо, как и моя сестра. Никому не нужно было знать об этом... никто и не знал. Это действительно идеальное решение. Я встречался с вами как Зеро, и...

— Прикончи его, Койл, — распорядился голос Радика.

— Подождите! — закричал Дакарай. — Не надо этого делать! Вы можете просто...

Чадра-фан действовал без колебаний. Подобрав бластерную винтовку, оброненную Дакараем всего лишь несколько секунд назад, Койл навел ее на него и выстрелил. Ярко-белая вспышка швырнула тело человека через всю мастерскую, и он приземлился безжизненной грудой под одним из сборочных столов.

— Господин Слифер, — как ни в чем не бывало сказал голос по внутренней связи. — Действуйте, как запланировано. — Он сделал паузу. — Забрака возьмите с собой.

Весто Слиферу удалось слегка кивнуть:

— Да, господин Радик.

Не утруждаясь, чтобы взглянуть на Мола, он двинулся к двери.

Мол последовал за ним.

51
В ТРЮМЕ

Поездка заняла всего несколько минут, хотя Молу показалось, что прошло гораздо больше времени. Он стоял рядом с Весто Слифером в кабине турболифта, оба смотрели прямо перед собой, оба молчали. События следовали одно за другим так быстро, что Молу требовалось время, чтобы все это переварить.

Откровение об истинной личности Зеро явно оказалось неожиданностью для всех, включая самого Радика. Хотя саму идею следовало признать превосходной. Под личиной Зеро, заключенного номер ноль, Дакарай мог помогать оружейнику координировать поступление деталей, наблюдая непосредственно за обитателями тюрьмы и программируя управлявший поединками алгоритм. Держа все в тайне от Радика и сестры, он вел идеальную двойную жизнь. Ошибся он лишь в одном — он думал, что сможет обманывать их вечно.

Да и сам Радик...

Мол не переставая думал об этом голосе, о его непостижимой силе и властности. Он снова возвращался к моменту, когда тот заговорил, а все слепые заключенные — стоявшие ровными рядами осужденные, добровольно отдавшие зрение ради служения ему, — как один обратили лица вверх, к этому голосу, словно он являл само грядущее избавление.

Это заставило его задуматься, является ли вообще эта личность живым разумным существом, или он нечто иное.

* * *

Турболифт продолжал подниматься.

— Зачем нам в грузовой отсек? — наконец спросил Мол.

Слифер смотрел строго перед собой.

— Прибывающий сегодня корабль доставит господину Радику новый геологический компрессор. — Голос мууна до сих пор звучал нетвердо. — Я сделал так, что его получит двоичный погрузчик и передаст мне.

— Значит, он знал, что с его световыми мечами что-то не так?

— Полагаю, знал. Похоже, он знает все. Ну... — муун заколебался, — почти все.

— Как давно ты работаешь на Радика?

— Работаю на него? — Слифер сухо усмехнулся. Усмешка вышла жуткая и невеселая, словно нервный тик у приговоренного. — Строго говоря, я на него и сейчас не работаю. Я прибыл в «Улей-7» в качестве сотрудника МБ К, но здесь я представляю интересы и некоторых других лиц. — Он сунул пальцы за воротник, стремясь ослабить его, и громко сглотнул. — Можно сказать, что господин Радик неожиданно прислал мне повестку, пока я был здесь. Насколько я понимаю, именно так это работает.

— Что так работает?

— Вся его империя. Зачастую кто-то обнаруживает, что служит его целям, не осознавая того.

Мол хмыкнул. Освещавшие лифт огни на несколько секунд потускнели, и слабое свечение предмета в ладони Слифера — устройства, которое он назвал «синей ведьмой», — подсветило их лица жутким голубым светом.

Мол равнодушно взглянул на прибор. По словам банкира, он скрывает их от всех видов имеющихся в «Улье» электронных средств наблюдения. Он использовался и в мастерской Радика, но как долго, ситх не знал. Конечно, подобный прибор полезен там, где все стены утыканы камерами видеонаблюдения.

— Мы оба оказались в одной и той же прискорбной ситуации, — проговорил муун. — Мы — верные долгу подчиненные, которых отправили на эту летающую свалку и запретили возвращаться, пока мы не предоставим нашим хозяевам необходимую им информацию. — Он тоскливо вздохнул. — С таким же успехом я мог бы сам носить тюремную робу.

— Ты ничего не знаешь о моей задаче.

Слифер взглянул на него, изогнув бровь:

— Я знаю, что ты представляешь здесь «Бандо Гора». Ты пытаешься раздобыть некое оружие немыслимой разрушительной силы и вложить его в их в руки. — Он бросил на Мола косой взгляд. — Я верно описал твою задачу?

Мол ничего не сказал. На несколько секунд он позволил себе приятную фантазию, как просто убивает этого жалобщика-плутократа прямо здесь, в лифте, забирает «синюю ведьму» и сам находит дроида-погрузчика. Что полезного может принести Слифер, кроме возможного в любом случае предательства?

— Все в этом мире связано с деньгами, — разглагольствовал муун. — Те, кто контролирует финансовые приливы и отливы, неизбежно оказываются в месте сосредоточения глубочайших тайн Галактики. Даже самую конфиденциальную информацию можно узнать, стоит лишь поразмыслить.

— Ты когда-нибудь молчишь?

Банкир фыркнул; похоже, он не так уж обиделся.

— Я всего лишь объясняю, как оказался в нынешнем положении.

Мол держал руки по швам, но кулаки уже сжал. Образ Слифера, валяющегося в лифте со сломанной шеей, обретал в его мозгу все большую четкость.

— Твое же положение безнадежно, и ты это понимаешь, — продолжал Слифер. — Даже если тебе удастся доставить сюда «Бандо Гора», Радик никогда не будет иметь с ними дел.

— Увидим, — обронил Мол.

— Ты, конечно, знаешь, что всем в «Гора» заправляет сейчас Комари Воса. — Он слегка опустил подбородок, приподняв ладонь с зажатой в ней «ведьмой». — Ты ведь знаешь историю Босы?

— Очередное криминальное отребье. Галактика кишит ими.

— Не совсем так. Комари Воса — верховная жрица культа. Мне рассказывали, что у нее на Колме укрепленная цитадель и целая армия шпионов и убийц, которыми она управляет при помощи наркотиков и методов углубленного контроля над разумом. — И добавил будто для себя: — И конечно, она до сих пор смертельно опасна, когда берет в руки световой меч.

Мол адресовал мууну потрясенный взгляд:

— Что?

— О да, она же бывший джедай, — небрежно ответил Слифер. — Конечно, учитывая твою биографию, я не рассказываю тебе ничего, что ты не знал раньше.

Поначалу Мол ничего не ответил. Его кулаки сжимались все сильнее, пока не начали дрожать.

— Что еще ты знаешь о ней?

— О ком? О Восе? — Муун изобразил саму невинность. — О, боюсь, очень мало. По-видимому, агрессия, граничащая с психопатией, помешала ей стать настоящим рыцарем-джедаем. Тем не менее она попала в число джедаев, посланных на Балтизаар, чтобы воспрепятствовать там деятельности «Бандо Гора». — Его лицо потемнело. — К сожалению, их действия привели к катастрофе. Культ похитил Восу и увез на Колму погребальную луну. Что случилось потом... — Муун театрально поежился. — Судя по всему, ее пытками довели до грани безумия — до точки, где она приняла темную сторону Силы, перерезала своих похитителей и сама стала предводительницей «Бандо Гора». — Слифер снова посмотрел на Мола. — Однако изначально она была джедаем. Это имеет какое-то значение?

Мол ничего не сказал.

Лифт наконец остановился.

* * *

«Если нас хотят схватить, — подумал Мол, — то это надо делать здесь».

Но когда двери раскрылись, за ними оказался ангар «Улья-7», где не было ни охранников, поджидавших их, чтобы заключить под стражу, ни вооруженных офицеров из службы исполнения наказаний, сидящих в засаде. Единственными живыми душами в трюме оказалась маленькая группа техников ангарных служб, которые были слишком заняты борьбой с кучей поддонов и платформ у дальней стены, чтобы обращать внимание на пришельцев.

— Расслабься, — посоветовал Слифер. — Ангарные техи не вооружены. И у них нет «дропбоксов», поэтому они не могут взорвать заряд в твоем сердце.

— Об этом я не беспокоюсь. — Мол шагнул в ангар. На огромном пространстве беспорядочно валялись куски упаковки и пустые корабельные контейнеры, ожидавшие отправки ближайшим рейсом. У противоположного края помещения ситх заметил двоичный погрузчик, о котором рассказывал Слифер, хотя вовсе не это занимало его мысли.

«Она — бывший джедай».

Как случилось, что учитель не сообщил об этом? Или сокрытие этой информации призвано усложнить испытание, которое Мол должен здесь пройти?

Осознание того, что его задание в «Улье-7» увенчается противостоянием с джедаем, хотя могущество того подточено жизнью в организованной преступной группировке и религиозным психозом, вонзило кинжал горечи глубоко в душу Мола. Не с Весто Слифером встретится лицом к лицу Комари Воса, когда прибудет сюда вместе с «Бандо Гора», решил Мол. Конечно, учитель запланировал, что Мол лично отправит на тот свет джедайскую погань.

Являлось ли *это* настоящим испытанием?

Все еще кипя гневом, он скользил по ангару, двигаясь сквозь тени, немного опередив мууна.

— Что ты делаешь? — прошипел муун, пытаясь догнать его. — Тебе надо держаться меня!

— Давненько я никого не убивал, — сказал Мол. —

Осторожнее, а то это можешь оказаться ты.

— Не глупи. Наша задача требует скрытности, а также моего непосредственного участия, и ты это знаешь.

Пристальный взгляд Мола заставил его умолкнуть — но не один лишь взгляд. На крохотную долю секунды он позволил себе открыться Силе. Муун споткнулся, приоткрыл рот ровно настолько, чтобы издать харкающий кашель, — его застигло врасплох давление невидимых тисков, сжавших горло и грудь и помешавших с трудом вдохнуть.

Мгновенно возникшее на лице банкира выражение страха и потрясения принесло Молу лишь небольшое удовлетворение, учитывая все обстоятельства. Так он подержал Слифера долю секунды, любуясь его вылезающими из орбит глазами. Затем, наклонившись к мууну, прошипел:

— Комари Воса — не единственная, кто обладает упомянутыми способностями. Ты правильно сделаешь, если запомнишь это.

— Ч-что? — Лицо Слифера затвердело в неверии. — *Ты?*..

Мол сжал его сильнее. Возможно, из-за слишком откровенного упоминания джедаев или из-за его собственной неспособности более сдерживаться, ему внезапно захотелось лишь одного: свернуть шею этому насекомому и завершить начатое. Лишь тогда он полностью осознал масштабы своего проступка: он предал поставленную перед ним задачу, сделал то единственное, чего поклялся не делать.

Отпустив Слифера, он оттолкнул его, развернулся и подошел к большему из двоичных погрузчиков, держась позади дроида, чтобы не попасться на глаза рабочим в ангаре, затем снова бросил взгляд на мууна:

— Этот?

— Д-да. — Слифер потер горло, подвергшееся столь грубому воздействию. Он стал держаться в стороне и поглядывал на забрака, словно на злобное животное, чья истинная сущность неожиданно выплыла наружу. — Для начала я должен провести авторизацию.

— Так сделай это. Мы потеряли уже достаточно времени.

Слифер встал напротив фоторецепторов дроида с таким видом, словно бесконечно радовался встрече с предметом, на котором можно сосредоточить свое внимание.

— Код доступа МБК 377055, — отчеканил он. — Голосовая идентификация — консультант Весто Слифер.

— Идентификация проведена успешно, — откликнулся дроид и выпрямился: его сочленения скрипнули, издав несколько тихих гидравлических шумов. — Распоряжение?

— Доступ к обновлению аналитической подпрограммы 1188. Я пришел забрать пакет.

— Производится доступ. — Раздалось приглушенное шипение. — Какой формат ввода данных?

Погрузчик издал какие-то тихие звуки на двоичном языке, прозвучавшие словно нестройная последовательность нот, оборвавшаяся электронным бульканьем. Затем его фоторецепторы потухли, и он уронил свои плоские лопатообразные конечности с резким металлическим лязгом, разнесшимся по ангару, словно выстрел из бластера.

— Эй, *вы*! — Мол обнаружил, что на противоположном краю трюма команда техников-грузчиков отвлеклась от груды пустых коробок и внимательно наблюдает за ними. — Назовитесь. Что вы здесь делаете?

— Не подходите! — закричал в ответ Слифер. — Он меня убьет!

Техники застыли и попятились. Бросив быстрый взгляд на Мола, муун вскинул руки вверх.

— Меня зовут Весто Слифер. Я выездной аналитик Межгалактического Банковского клана. — Он бросил испуганный взгляд на Мола. — Этот заключенный — его номер 11240 — похитил меня из моей комнаты и доставил сюда в качестве заложника. Он хочет бежать на грузовой барже. Предупредите коменданта! — Затем, снова бросив взгляд на Мола, банкир не смог сдержать легкую улыбку. — Полагаю, тебе следовало убить меня, когда была возможность.

— А кто сказал, что сейчас слишком поздно? — поинтересовался Мол.

— Скажи мне, как заставить работать световые мечи, — прошептал Слифер, — и я использую все свое влияние на коменданта Блирр, чтобы ты выпутался из этого дела. В противном случае я ничего не смогу сделать, чтобы гарантировать твою безопасность.

Мол ощутил, как пространство схлопывается вокруг него, словно западня.

— Где геологический компрессор?

— Должно быть, еще не прибыл. — Снова повысив голос, Слифер закричал техникам: — Эй, вы, прекратите зря тратить время! Поспешите, пока он...

— Заткнись! — Мол выхватил из ладони мууна «синюю ведьму» и повернулся, внимательно разглядывая ангарных рабочих, таращившихся на них от противоположной стены. Из-за идиотской выходки Слифера у него осталось не так уж много возможностей для выполнения своего задания, но хватит и этого.

— Не подходите, — предупредил Мол. — Стойте там, где стоите.

— Заключенный 11240! — выкрикнул один из них. — Что это у тебя в руке?

— Плазменный детонатор. — Мол поднял «синюю ведьму» повыше, чтобы они могли ее разглядеть, и сказал громче, чтобы услышали все присутствующие: — Мощный боеприпас промышленного производства.

— Не похоже ни на один детонатор, какие я когда-либо видел.

— Сделаешь еще один шаг, и увидишь все, что нужно, — пообещал забрак. — Кто хочет быть первым?

— Не валяй дурака, — пробормотал Слифер. — Ты же не можешь...

Мол подтолкнул его к техникам:

— Ты сделал достаточно.

— Ты меня отпускаешь? — Муун попятился, недоверчиво уставившись на него. — Это безумие! Они сразу тебя убьют!

— Я рискну. — Сунув «синюю ведьму» в карман, откуда ее сияние пробивалось сквозь грубую ткань робы, Мол повернулся обратно к погрузчику. Оперевшись на манипуляторную конечность механизма, он подскочил вверх, к основной контрольной панели.

— Заключенный 11240, что ты делаешь?!

Мол не отреагировал: он сосредоточил все внимание на погрузчике. Модуль управления устройства прикрывала металлическая пластинка, он выдернул болты, разжал крепления и вскрыл ее, получив доступ к модулю. Благодаря знаниям, полученным от Треззы на Орсисе, он имел некоторый опыт взлома первичных мотиваторов рабочих дроидов. Все они были сконструированы относительно однообразно.

— Заключенный 11240...

— Отойди.

Интуитивно он нашел модернизированный модуль анализа ситуации и отсоединил провода, нужные для перепрограммирования этого устройства вручную. Ситх мог лишь вызвать в погрузчике неисправность, но эта неисправность — именно то, в чем он нуждался в настоящий момент.

Дроид качнулся вперед, вскинул вверх правую ногу и поднял манипуляторы над головой. Гиростабилизированные суставы погрузчика залязгали вслед Слиферу, сломя голову мчавшемуся через открытое пространство причала, но дроид сразу врезался в сложенные штабелем ящики.

Ящики рассыпались. Поддоны поломались. Мол уже соскочил

на пол, приземлился в приседе и перекатился, когда громадный манипулятор погрузчика прочертил в воздухе гигантскую дугу, перевернув десятиметровую груду составленных друг на друга поддонов и платформ, оказавшихся на его пути. Пустые платформы рухнули, сломались и разлетелись во все стороны.

Затем дроид развернулся и двинул к ангарным рабочим. Те бросились врассыпную: большая часть в поисках укрытия, а старший смены — к коммуникационному центру, откуда открывался вид на весь отсек. По обеим сторонам заморгали голубые огни, отбрасывая на стены брызги света, а погрузчик развернулся и принялся сгребать то, что обрушил, лишь затем, чтобы свалить поддоны в кучу по соседству.

— Глупец. — За спиной раздался смешок, Мол оглянулся через плечо и увидел, что муун уже поднялся на ноги. — Ты и правда веришь, что сможешь бросить меня здесь? — Он протянул руку. — Верни мне «синюю ведьму».

Мол ничего не сказал, впрочем, это и не требовалось. Банкир снова заговорил — он зациклился на собственной ярости и не обратил внимания, что сзади на него наступает погрузчик.

— Мой интеллект значительно превосходит твой по всем мыслимым параметрам, — усмехнулся Слифер. — Даже если бы имелся хоть какой-то шанс, что ты сможешь...

Это были последние его слова. Погрузчик, приблизившийся к нему сзади менее чем на метр, вдруг описал манипулятором восходящую дугу. Гигантская плоская «ладонь» пришлась Слиферу прямо в шею под идеальным углом в сорок пять градусов и одним легким движением отделила его голову от тела — та отлетела, кувыркаясь в воздухе. Все это произошло почти в полной тишине. Долю секунды обезглавленное тело, казалось, стояло само по себе, а затем рухнуло на пол, а сверху опустилась нога дроида, раздавившая его всем своим весом.

Вот так бесцеремонно оборвалась жизнь Весто Слифера, возможно одного из ярчайших молодых умов Межгалактического Банковского клана: его растоптала машина, чей интеллект был настолько примитивен, насколько блестящ ум Слифера. И в довершение, практически никто в исследованной Галактике, похоже, этого не заметил.

* * *

Что же касалось Мола, то он даже не стал оглядываться.

Среди хаоса на другом конце причала он заметил лифт, доставивший сюда их со Слифером. Он мог добраться до него менее чем за пять секунд, если только у ангарных рабочих нет бластеров, в чем он сомневался.

Он побежал.

52
«ЧИСТИЛИЩЕ»

— Не нравится мне это.

Недавно назначенный на тюремную баржу «Чистилище» навигатор и старший помощник капитана Биссли Клот дежурил на мостике и все еще пытался связаться с этой вызывающе безвкусной космической яхтой, перегородившей им путь, когда пульт разразился целым шквалом сигналов о сближении.

Клот быстро отрубил их, беря контроль над ситуацией со спокойной уверенностью, не соответствующей его возрасту. В свои двадцать два он был еще молод, но уже пять лет прослужил на «Чистилище» — с того момента, как достиг возраста, позволявшего трудоустроиться на полную ставку. Развозить осужденных и разную шваль по галактическим пересыльным тюрьмам и колониям, включая и «Улей-7», — не самый легкий способ заработать на жизнь. Тем не менее он быстро привык к своей работе — по крайней мере, к большей ее части, включая и случайные нежелательные столкновения во Внешнем Кольце с судами, не имеющими четкого маршрута. И хотя «Чистилище» на самом деле было всего лишь мусорной баржей, оборудованной камерами для заключенных и импровизированным медотсеком, Клот мечтал, что когда-нибудь оно само станет космической тюрьмой, в которой он будет служить. И станет комендантом Клотом.

В настоящий момент баржа «Чистилище» перевозила сорок шесть заключенных, как людей, так и представителей других рас.

— Господин Клот! — Это капитан «Чистилища», Уайатт Стирин, хромал к нему через мостик, его бледно-голубые глаза светились безрассудным энтузиазмом. Сам бывший контрабандист, Стирин знал неисследованные системы как никто другой, а еще он никогда не бегал от боя. — Докладывайте!

— Датчики сигнализируют о приближении вот этой яхты. — Клот кивнул на роскошный корабль, до сих пор не отвечавший на запросы. — Я все держу под контролем. Это не...

Внезапно в «Чистилище» ударило сразу несколько залпов, тряхнув его так, что Клоту пришлось ухватиться за пульт. Проверив экраны, он только сейчас понял, что как-то проглядел, пока не стало слишком поздно, атаку роя Z-95 «Охотников за головами», заходящих к барже снизу и обстреливавших ее брюхо беспрерывным потоком ударных ракет. Взвыли сигналы тревоги.

— Откуда они взялись? — воскликнул Клот, не уверенный,

что произнес это вслух. Конечно, это на «Охотников за головами» среагировали датчики сближения, а он сдуру решил, что они среагировали на яхту! Он не мог поверить, что попался на эту уловку, хотя лицо Стирина казалось спокойным. Клот почти мог поклясться, что на лице старого пирата мелькнула кривая усмешка.

— Они хотят трепку, значит устроим им трепку. — Не оглядываясь на Клота, капитан подал энергию на все имеющееся на «Чистилище» вооружение. — Идите и обеспечьте безопасность нашего груза, господин Клот.

— Капитан?

— Ступай, я буду на мостике. Кроме того... — он указал на люк, — их ведь уже почти пора кормить, а?

* * *

Клот быстро прошел по барже к люку, ведущему в главный трюм, и кивнул дежурившим рядом с ним охранникам.

— У вас все в порядке?

— Всех заперли, — кивнул в ответ надзиратель. — Что у вас там наверху происходит?

— Точно не знаю, — ответил Клот, мгновенно решивший пока держать нападение «Охотников за головами» при себе, чтобы обеспечить некое подобие порядка. — Капитан сейчас на мостике. Все под контролем.

— Скажи это им. — Охранник указал в трюм, где были устроены тюремные камеры.

Клот уже слышал осужденных: из почти кромешной тьмы доносились их визги, выкрики, требования. Обычно к данному моменту путешествия заключенные, которых они везли в «Улей-7», впадали в тихий ступор, но звук бластерных зарядов всполошил их, и Клот слышал их крики: они пытались выяснить, действительно ли на корабль напали.

— Я иду вниз, проверить главный трюм, — сообщил Клот охраннику. — Кто там сейчас?

— Кэрриер и Хейс.

«Пара хороших парней, — подумал Клот. — Ну или, по крайней мере, испытанных в бою».

Он кивнул и сказал, пригибаясь, чтобы пройти в люк:

— Передай капитану, что если я не вернусь через пять минут...

Бум!

Что-то грохнуло в самый центр корабля. Мощнее, чем турболазер, — это больше походило на столкновение с астероидом или другим судном. Клот уже успел дойти до середины прохода между камерами, и сотрясение швырнуло его спиной на панель в стене. За ним последовал незнакомый пронзительный скрежет откуда-то снизу, словно в сталь вгрызлись гигантские ножницы.

Оказавшийся рядом охранник приподнял бластер, проверяя заряд, на его лице застыло нервное напряжение.

— Да что там за дерьмо творится?

— Похоже на... — начал Клот, но слова застряли у него в горле.

«Похоже на то, что нас взяли на абордаж».

Несколько секунд спустя где-то в глубине трюма он услышал, что...

...голоса заключенных совершенно стихли.

53
ПРИВИДЕНИЕ?

— Что, во имя... — Сидя за своим столом, Садики Блирр наблюдала за голоэкранами, демонстрировавшими события в ангаре: погрузчик серии CLL развернулся вокруг своей оси и с громоподобным стуком врезался в стену. — Запрос отчета. Что там происходит?

Стоявший рядом 3D не ответил. Последние пять минут дроид тщетно пытался наладить связь с этим CLL, и его молчание не обнадеживало.

— Примите мои извинения, комендант. — 3D извлек свой адаптер из панели в стене. — Боюсь, мотиватор погрузчика каким-то образом испорчен вручную. Отсюда я не могу получить к нему доступ.

— Что значит «испорчен вручную»?

— Кто-то перемонтировал его схему.

— Это абсурд! — Громко выругавшись, Садики всмотрелась в экран. Останки обезглавленного и раздавленного, почти неузнаваемого Весто Слифера были раскиданы по полу. Она понятия не имела, что муун там забыл, да ее это и не особо интересовало. Вид его тела не вызвал в ней глубоких эмоций, лишь головную боль. Однако оставалась еще одна причина головной боли, с которой ей предстояло разобраться, причем в самый неподходящий для этого момент. Она бросила взгляд на хронометр.

— Сообщи мне расчетное время прибытия тюремной баржи.

— «Чистилище» должно прибыть в течение тридцати минут, — ответил 3D.

— Ты с ними связывался?

— Капитан Стирин послал нам сигнал, когда корабль вышел из гиперпространства. С тех пор контактов с ними не было.

Тридцать минут. Садики обхватила ладонями края стола и на несколько секунд застыла абсолютно неподвижно, чтобы подвести итог сложившейся ситуации. Неисправный дроид и неожиданная гибель представителя МБК сами по себе не катастрофа, но, учитывая, что поставлено на карту, за всеми этими событиями она ощущала руку гораздо более опасную.

И куда запропастился Дакарай? Где брат, когда ей больше всего нужен его совет?

— Комендант, — окликнул ее 3D, — вас вызывает уполномоченный Игорной комиссии Хлорус. Попросить его

оставить сообщение?

— Да. — Через секунду она передумала. — Нет. Подожди. Соедини меня с ним.

Лицо Хлоруса возникло на экране непосредственно перед ней. Он даже не стал ждать, когда она поприветствует его.

— Садики, что у вас там творится?

— Уполномоченный Хлорус, — улыбнулась комендант. Сделать это оказалось на удивление легко. — Отлично выглядите.

Хлорус поднял руку, прерывая ее:

— Вы нарушили приказ комиссии о приостановке вашей игорной деятельности. Теперь мне поступают сообщения о стычках, которые в настоящий момент происходят между заключенными и охраной.

— Мне не сообщали, что реформирование пенитенциарной системы передано под эгиду Игорной комиссии, — сказала она.

— Лучше не надо, Садики. Не надо меня вынуждать.

— Напротив, уполномоченный. — Голос Садики изменился, став лишь слегка мрачнее, она не сводила глаз с его изображения на экране. — Это вы меня вынуждаете. Уже давно.

— Я не вижу...

— Мне не хотелось заводить этот разговор, но вы не оставили мне выбора. — Она отстучала несколько команд на голоконсоли, и на дисплее возникли изображения, на-ложившись друг на друга. — Узнаете место?

Несколько мгновений Хлорус молчал.

— Конечно. Это казино «Чужеземец» на Корусанте.

— Где мы впервые встретились, — напомнила Садики. Возникли еще несколько изображений. — А вы вспоминаете вот это?

От потрясения, вызванного видом фото с камер наблюдения, лицо Хлоруса побледнело уже полностью:

— Где вы взяли эти...

— Неважно. Важно, что скажет руководство комиссии об уважаемом уполномоченном, которого застукали с молоденькой и эффектной управляющей казино в — придется это признать — весьма компрометирующей позе. — Она слегка подалась вперед. — Вам хорошо видно? Если хотите, я могу увеличить разрешение. Там есть несколько очень удачных снимков...

— Эти снимки ничего не доказывают!

— Вы правы. Возможно, мне стоит просто переслать их в комиссию — пусть сами делают выводы. — Садики чуть помедлила. — Или у вас есть другое предложение?

— Довольно. — Хлорус понурился. — Чего вы от меня хотите?

— Мы делаем успехи! — Садики кивнула. — Вот как мы поступим. Сразу же после нашего разговора вы отмените свои постановления о запрете нашей деятельности, восстановите права и привилегии «Улья-7» в качестве предприятия игорного бизнеса, осуществляющего деятельность по правилам комиссии. Соглашение в полном объеме вступает в силу немедленно.

— У меня нет полномочий...

— И, — перебила его Садики, — вы свяжетесь со своим другом в МБК Ларсом Винником и придумаете правдоподобное объяснение неожиданного исчезновения одного из их полевых агентов.

— *Что?*

— Его зовут Весто Слифер. Информацию о нем я вам вышлю. Как вы это сделаете, меня не волнует, поскольку я не намерена больше подвергаться этим унизительным финансовым проверкам.

— Садики... — Хлорус взялся за воротник кителя и с силой дернул его, стремясь ослабить. — Вы очень сильно переоцениваете степень моего влияния в подобных вопросах.

— А вы, Драгомир, сильно недооцениваете степень ущерба, который подобные снимки могут нанести вашей карьере, — заявила она. — Вы проворачиваете крупные дела для комиссии и для взаимосвязи игорных сообществ. Вы поднимаете галактические доходы к новым высотам. Такой человек, как вы, однажды мог бы стать сенатором... а потом — кто знает? — Она позволила голосу сойти на нет, зная, что эти слова подпитают его колоссальное эго. — Вы действительно хотите все это бросить по той причине, что когда-то перепихнулись с управляющей казино?

Хлорус пристально смотрел на нее. Кожа над его верхней губой поблескивала от пота, бешеные глаза налились кровью. В конце концов он покачал головой:

— Я забыл, насколько упрямой вы становитесь, когда вам что-то нужно.

— Впредь не забывайте, — попеняла ему Садики и, не удосужившись выслушать его ответ, нажала на кнопку и оборвала связь. Она услышала, как приближается 3D с новой порцией кофе.

— Вы молодец, — заметил дроид. — Если можно так выразиться.

— Детские игры. — Она протянула дроиду чашку, тот ее наполнил. — Где заключенный 11240?

3D повернулся к ней, ничего не понимая:

— Прошу прощения?

— Очисти экраны. Выведи на них все туннели и лифты, сообщающиеся с ангаром. Отмотай запись на пять минут назад. Выполняй.

Голоэкраны вспыхнули, и картинка сменилась: появились изображения десятка различных проходов — всех имеющихся выходов из грузового отсека.

Некоторое время Садики вглядывалась в каждый экран по отдельности, одновременно обдумывая произошедшее. Она не хотела противостояния с Хлорусом из-за этих снимков, но не потому, что не собиралась унижать его, — репутация этого человека, как и его чрезмерное тщеславие и политические амбиции, ни для кого не являвшиеся тайной, значили для нее не слишком много, — а потому, что эти снимки представляли собой ее последнее и самое мощное средство воздействия на Игорную комиссию. Все ее хищнические инстинкты подсказывали ей придержать снимки до той поры, когда их можно будет использовать с максимальной выгодой. Теперь они выплыли на свет, и...

Она замерла, прервав размышления, когда заметила кое-что на одном из экранов — странное голубоватое пятнышко в углу одного из турболифтов. Отсюда оно казалось не более чем дефектом видеозаписи, вроде легкой бесцветной ряби рядом с вентиляционной отдушиной.

За исключением того, что в лифте подобных отдушин не имелось, и...

Рябь сместилась — это было хорошо заметно.

Садики наклонилась ближе и внимательно вгляделась в изображение.

В лифте присутствовало нечто.

Нечто, стремившееся остаться неувиденным.

Она нажала на кнопку тревоги.

54
ДУХОВОЙ ШКАФ

Лифт остановился, и Мол понял, что его поймали.

Его взгляд упал на «синюю ведьму» в ладони, и он отбросил ее с отвращением; прибор со звоном упал на пол, откатился в угол и слабо пискнул, окончательно вырубившись. Так ему и надо — не стоило полагаться на муунскую штуковину и секундой дольше, чем необходимо. Не стоило ехать из грузового отсека в лифте. Теперь он заперт здесь в ловушке. На мгновение он вообразил, что оторванная голова Слифера лежит в углу и насмехается над ним.

Неважно. Теперь нет никакого смысла думать об этом. Он осмотрел потолок в метре над своей головой, а также окружавшие его стены, инстинктивно просчитывая любую возможность выбраться отсюда. Внезапно кабина лифта показалась ему тесной, словно клетка — или словно гроб.

Уперевшись руками в гладкую стену, а ногами — в противоположную, Мол начал подъем к потолку. Времени потребуется немало: в крыше кабины есть эксплуатационный люк, но он, по всей вероятности, сидит на болтах, закручивающихся снаружи. Мол не знал, удастся ли их отвинтить, вися в распоре между стенами, и если даже удастся...

— Весьма впечатляюще, — раздался из встроенного динамика женский голос — голос, который Мол опознал мгновенно: он принадлежал Садики Блирр. — Конечно, в данный момент мне не следовало ожидать меньшего от самого примечательного узника «Улья».

Мол проигнорировал ее и поднялся еще на метр, напрягая плечи, руки и ноги, чтобы удержаться на месте. В данном положении единственный способ открыть люк — выбить его головой.

— Бесполезно пытаться выбраться таким путем, — произнесла комендант. — Лифт промышленного класса, снаружи армирован дюрасталью. Мы перевозим в нем наших самых опасных заключенных, вроде вампы, с которым ты дрался. У него имеется несколько очень интересных особенностей — с моей точки зрения, по крайней мере. — В стенках что-то щелкнуло и загудело. — Даже если ты сумеешь выбраться из кабины, в шахте держаться не за что. Что означает, что ты там умрешь — быстро или медленно, зависит от того, насколько ты амбициозен.

Мол промолчал.

— Все еще жаждешь нанести себе увечье? — усмехнулась женщина. — Позволь, я тебе помогу.

Кабина резко дернулась вверх-вниз, потолок обрушился на Мола, и тот врезался в него лицом. Лифт застыл, и узник тяжело рухнул на пол. Привалившись спиной к пляшущим вокруг него стенкам, он рефлекторно выставил перед собой руки и ноги, чтобы нащупать опору для следующего движения. Но лифт плавно пошел вверх как ни в чем не бывало.

— Я хочу сделать предложение, — промурлыкал голос Садики. — Как ты мог догадаться, таких заключенных, как ты, здесь немного. Возможно, ты единственный в своем роде. Таким образом, в духе предпринимательской инициативы, я бы хотела сделать единственную вещь, имеющую смысл.

Мол сверкнул глазами на динамик:

— Убить себя и спасти вселенную от проблем?

— Не совсем. — Она рассмеялась. — Я бы хотела предложить тебе работу.

— Мой ответ «нет».

— Ты еще не знаешь моих условий.

— Они не имеют значения. — Выражение его лица осталось неизменным. — Я предпочту смерть.

— Сделай милость, согласись хотя бы с тем, что ты любопытный экземпляр. Кажется, ты обладаешь почти сверхъестественным умением обнаруживать и использовать слабости своих противников в самых неблагоприятных обстоятельствах. Поэтому... — Пауза затягивалась, и Молу подумалось, не считает ли она, что он должен ловить каждое ее слово. — Вот что я предлагаю. Ты будешь работать здесь, в исполнительном крыле «Улья-7», и отчитываться лично передо мной. Мы занимаемся здесь деятельностью, некоторые аспекты которой ты можешь найти весьма познавательными.

— Какие аспекты?

— Прежде чем вдаваться в детали, ты должен поклясться в абсолютной верности. Разумеется, у тебя будет полная независимость, роскошная квартира и высокая зарплата, точно отражающая реальную ценность нашей деятельности. Кто знает? — Ее голос уже не был столь решителен, что-то в нем дрогнуло — Мол прекрасно это расслышал, хотя не мог видеть ее лицо. — Ты даже можешь отыскать то, что ищешь все это время. Что скажешь?

— Ты забываешь одну деталь, — сказал Мол, прижимаясь к стене напротив передатчика.

— Какую?

— Это место, в котором ты живешь...

— Да?

— Это все равно тюрьма.

Он выбросил вперед ногу, заехал коленом по динамику и разбил его на куски — голос коменданта исказился, сменился смазанным цифровым бормотанием, а затем тишиной. Сам прибор выпал из креплений и повис на спутанных разноцветных проводках.

Спустя несколько секунд лифт снова остановился.

Меньшего он не ожидал. Не получив желаемого ответа, комендант решила создать ему сложности. Очевидно, она не готова взорвать заряды, имплантированные в его сердца, но и не собирается позволить ему уйти.

Мол быстро оторвал пластину динамика от проводков и, задержавшись лишь для того, чтобы осмотреть скошенный край и решить, что этого будет достаточно, снова принялся взбираться к люку в потолке кабины.

Поднявшись до середины, он заметил, что...

...окружавшие его дюрастальные стены начали нагреваться.

55
СВЕРХБЛИЗКИЙ ПЕРЕЛЕТ

Офицер Доусон находился на своем месте на причале «Улья-7», когда снаружи пришвартовалась тюремная баржа «Чистилище», и, честно говоря, никакого движения на ней он не заметил, так или иначе — вообще никакого. Позже, давая показания перед галактической комиссией по расследованию, он станет утверждать, что выжил только потому, что не стал ошиваться там дольше необходимого времени. Это была не вся правда, но достаточно близко к ней, и к тому времени не осталось уже никого, кто мог бы опровергнуть его слова.

Он стоял на палубе вместе с десятком других охранников и членами тюремных погрузочной и посадочной бригад, когда «Чистилище» с громким лязгом воткнулось в предназначенный для него причал в непосредственной близости от космической станции. Как и большинство прибывавших сюда грузовых и транспортных кораблей, баржа была слишком велика, чтобы пришвартоваться непосредственно к ангару, поэтому подобная швартовка стала чем-то вроде ритуального соития герметичных переходников и длинного изолированного трапа, чей телескопический порт открывался непосредственно в ангар.

Когда порт в конце концов открылся, Доусон и все остальные охранники напряглись, сжимая шокеры и электропики в ожидании сигнала от Дойла, дежурного старшего палубного офицера, как правило дававшего отмашку на начало выгрузки новых заключенных и припасов. Обычно начиналось с того, что наружу выходила охрана с «Чистилища», а за ней — арестанты.

Доусон вместе с остальными выжидающе смотрел на раскрытый выход.

Но порт оставался пустым.

«Ну же!»

Через мгновение Доусон с раздражением взглянул на стоявшего рядом офицера.

— В чем дело? — тихо проговорил он. — У меня смена закончилась двадцать минут назад! А приходится торчать здесь и ждать...

Он умолк на полуслове. Из люка как раз вышли два нервных на вид охранника, тащившие громоздкий и тяжелый на вид грузовой контейнер. Вслед за ними следовали еще четверо охранников, сопровождавшие группу из девяти заключенных. По крайней мере, на тех были тюремные робы — хотя Доусону

внешний вид этих существ показался более внушительным, чем он привык видеть у арестантов. Трандошане, гаморреанцы, граны — представителей этих рас он встречал ранее, но никогда вместе, как сейчас. А потом он сообразил, почему они выглядели такими опасными.

Они все улыбались.

Вернее, ухмылялись.

— Круто смотрятся зверюги, а?! — прорычал Доусон и крепче сжал свою пику, одновременно нажимая на кнопку активации и мечтая заполучить в руки бластер. Чувства, которые вызывали в нем эти существа, ему не нравились, и он уже ощущал неприятное напряжение, собравшееся в легких, — будто китель стал жать в груди и шее. В последнее время паранойя прямо пропитывала атмосферу тюрьмы: ходили слухи, будто хатты или какие-то другие криминальные синдикаты внедрили сюда своих агентов под видом заключенных или даже надзирателей, чтобы саботировать ведущуюся здесь работу. Доусон в это не верил, но сама возможность вселяла в него беспокойство.

Он оглянулся на своего коллегу Грира:

— Ну что, отучим их скалиться?

— Поединки сделают это очень скоро, — прошептал в ответ Грир. — Но я не уверен, что хочу столько ждать.

— Я тоже.

Они выступили вперед с пиками на изготовку. Охранники, тащившие ящик, остановились в десятке метров от них и опустили ношу на пол с откровенным облегчением. Поглядывая на осужденных, Доусон и все остальные подошли ближе, чтобы забрать их.

— Добро пожаловать, господа, — раздался сзади голос Садики Блирр. Доусон глянул через плечо: вошла комендант со своим дроидом. Надзиратель снял ладонь с рукоятки пики и заставил себя успокоиться. Для руководства крайне нехарактерно лично спускаться на причал, чтобы наблюдать за высадкой новоприбывших осужденных, и ему стало интересно, что же такого особенного во всей этой процедуре, в конце концов?

Комендант Блирр оглядела арестантов и сопровождавшую их охрану:

— А где капитан?

— Остался на борту.

— Обычно капитан Стирин сходит на станцию, чтобы лично поздороваться со мной, — заявила комендант и повернулась к новеньким. — Сколько их?

— Девять.

— Всего девять? — Садики взглянула на дроида, ожидая

подтверждения. — Мы должны были получить тридцать два заключенных.

— Только девять, — сухо заявил охранник, и Доусон заметил, что его взгляд беспокойно метнулся к переходному модулю, будто он не мог дождаться, когда снова окажется на барже — или, если на то пошло, где-нибудь, лишь бы не здесь.

Нахмурившись, Садики подошла к длинному ящику.

— А что с грузом? Это все?

— Все в грузовом манифесте.

— Я в этом сильно сомневаюсь.

— Взгляните сами.

— Благодарю, — резко отозвалась Садики. — Я взгляну.

Когда она двинулась осматривать ящик, Доусон заметил, что тот слегка отъехал вправо. Что бы в нем ни находилось, оно оказалось достаточно крупным, чтобы сдвинуть целый ящик. Он уже открыл рот, чтобы окликнуть коменданта, когда крышка распахнулась.

— *Комендант...* — начал было Доусон, но ему хватило времени лишь на это единственное слово.

Притаившийся в ящике трандошанин держал в каждой руке по бластерной винтовке «Вестар-М5». Когда комендант Блирр бросилась на пол — Доусон сообразил, что рефлексы только что спасли ей жизнь, — трандошанин уже расстреливал в упор столпившихся охранников. Бластерные заряды косили смертельными лентами первую линию ничего не подозревавших служащих «Улья-7», и все события вдруг стали совершенно нереальными. В двух метрах от себя Доусон увидел Грира — тот, словно тряпичная кукла, валялся на полу с дымящейся дырой в груди, источая лишь вонь горелой ткани и плоти.

Моргнув, Доусон отшатнулся и рухнул на пол. В отдалении он слышал паническое кудахтанье дроида-администратора. Где-то справа от него комендант Блирр полностью исчезла из виду — застрелили ее или нет, он не мог сказать, да в данный момент его это не особенно волновало. Крутившаяся в мозгу единственная мысль: «Что бы ни случилось, так не должно быть. Моя смена должна была закончиться двадцать гребаных минут назад!» — никак не могла помочь ему восстановить контроль над собой.

События разворачивались настолько быстро, что их почти невозможно было отследить. Двое охранников, притащивших ящик с «Чистилища», бежали, вернее, изо всех сил улепетывали вверх по трапу в поисках укрытия, в то время как «заключенные», которых они привели, уже сбросили наручники и ножные кандалы — которые, как с возрастающим ужасом понял Доусон, с самого начала не были застегнуты. Холодный пот выступил у него

на лбу, а кожа головы вдруг начала давить на череп. Все это оказалось ловушкой, и они угодили прямо в нее.

Ухмыляясь даже шире, чем раньше, фальшивые арестанты повалили вперед. Стоявший в ящике трандошанин доставал бластеры, винтовки и пистолеты и бросал подельникам, ловко хватавшим их и присоединявшимся к побоищу.

Доусон обратился в бегство.

Ангар уже заполонили дым и вонь отстрелянных бластерных обойм. Оставшиеся охранники и технический персонал пытались спрятаться, но отсек специально освободили от всего лишнего перед прибытием новой партии заключенных и припасов, поэтому в нем не осталось ничего, за чем можно было бы укрыться. Он подумал, что если доберется до турболифта, у него появится шанс на…

Бабах!

Взрыв прогремел из причального рукава «Чистилища» — Доусон обернулся, как раз когда тела двух скрывшихся там охранников, выброшенные ударной волной, рухнули на пол ангара.

В дыму что-то приближалось.

Что-то огромное.

Приглядевшись, Доусон понял, что видит какой-то гигантский парящий голопроектор, влекомый парой келл-драконов — четвероногих серовато-черных ящеров, исступленно рвущихся из сбруи. Голопроектор создавал изображение жирного, омерзительного существа, известного надзирателю лишь по нечетким голоснимкам и байкам, передававшимся из уст в уста, но он мгновенно сообразил, кто это.

Джабба Хатт.

И Доусон сразу понял, что ходившие по тюрьме слухи оказались правдой.

Но в тот момент, разумеется, было уже слишком поздно.

56
12 x 18

Вися в распоре под потолком турболифта, Мол высвободил руку и краем лицевой панели динамика поддел запертый потолочный люк, пытаясь вскрыть его. Панель оказалась слишком крупной для его ладони, пальцы скользили.

Он закрыл глаза, призывая силу темной стороны, и с ее помощью прощупал люк в поисках слабых мест. Люк не поддавался. Сморгнув заливавший глаза пот, он вновь принялся обследовать люк — теперь пальцами. В кабине все нарастала лихорадочная жара: вне всякого сомнения, комендант Блирр намеревалась зажарить его живьем либо сломить обнаруженную в его душе частичку, предрасположенную к мятежу, и сделать его... чем? Своим талисманом, домашним животным или чем-то еще более презренным?

Подобное предположение возмутило его, он глубже воткнул металлическую пластинку в щель между краем люка и потолком и принялся ее раскачивать. Кипя от нетерпения, он ударил в люк концентрированным энергетическим полем; тот погнулся, но по-прежнему не поддавался.

Мол приглушенно выругался, все его существо заполнил гнев, постоянно живший и непрерывно кипящий в глубине его естества. Крепче сжав импровизированный инструмент, он снова занялся люком, заставляя себя не торопиться, изо всех сил игнорируя удушающую жару, раскаленный воздух, наполняющий легкие, словно исходивший прямо из доменной печи.

Забрак устремил взор вверх. Сам люк, ничем не примечательный прямоугольник размером двенадцать на восемнадцать сантиметров, превратился для него в целый мир. Двенадцать на восемнадцать — это все, что отделяло успешное завершение задания от гибели, позора и безвестности.

Слифер — Радик — кипу...

Он стиснул зубы. Жар подбирался все ближе, давил со всех сторон, обволакивал, словно вторая кожа. Стальные пластины стен обжигали руки. Во рту, напротив, похолодело. Капля пота ударилась о пол, и он понял, что действительно слышит шипение. Мол прикинул: если температура будет подниматься теми же темпами, он продержится еще минуту или две, а потом потеряет сознание от теплового удара, и...

Он продолжал работать. В кабине появился странный запах, а когда покрытая волдырями ладонь чуть скользнула по стене, он

осознал, что это начинает поджариваться его собственная плоть.

«Учитель, я не подведу вас».

Он вдохнул, выдохнул. Им начало овладевать странное наркотическое головокружение, и он принудил себя уйти глубже — туда, где осталось его самосознание, — заставляя себя сосредоточиться. Надо отыскать Эогана Труакса. Если только он сможет...

И тут технический люк поддался.

Холодный, бодрящий воздух обрушился на Мола благословенным потоком, забрак бросил стальную пластинку на пол и выбрался сквозь отверстие в почти полную темноту.

Он встал на крыше кабины, вглядываясь в бесконечную шахту. Пот на его коже уже высох. Дав себе секундную передышку, он прищурился и распространил свои чувства, пока глаза приспосабливались к неосвещенному пространству. Вокруг стали проявляться подробности обстановки. Впереди обнаружились стальные перекладины, вделанные в стену с интервалом в полметра — по ним легко можно было передвигаться.

Он прыгнул, ухватился за первую перекладину и начал взбираться вверх.

«Мальчик, я иду за тобой».

57
СУНДУК МЕРТВЕЦА

Все было прекрасно, пока не вырвались келл-драконы.

Когда началась пальба, Садики не стала тратить время на размышления. Исходя из собственного опыта, это было то, что она всегда называла секундой идиотизма: момент шока и ступора, когда человеческий мозг отказывается признавать очевидное, даже если оно происходит прямо перед глазами, — и из-за этого можно лишиться жизни. Она повиновалась инстинктам. Не поднимая головы, проползла по полу и укрылась за стоявшим без дела дроидом-погрузчиком. Тем временем по ангару прокатился первый залп бластерного огня. Это было самое худшее.

— *Бо шуда, комендант Блирр*, — зазвучал голос Джаббы из встроенных динамиков голопроектора. — *Ота ми марвалек физ плесодоро*.

Садики без труда перевела эти слова на общегалактический: «Приветствую, комендант Блирр. Позволь мне лицезреть твое прекрасное лицо».

Она выглянула из-за дроида и увидела парящее изображение, в полной стереопроекции, крупнее, чем в жизни, парящее на репульсорной платформе, которую тащила запряженная в нее пара келл-драконов. Конечно, Джабба никогда не стал бы рисковать и являться сюда лично. Ей оставалось предположить, что он благополучно устроился на своей космической яхте — достаточно далеко, чтобы остаться невредимым, и достаточно близко, чтобы не пропустить веселья.

Само по себе появление здесь Хатта, лично или в виде голограммы, произвело сильное впечатление, однако не стало неожиданностью. Садики уже большей частью сообразила, что у них случилось и почему, и когда у нее перестало звенеть в ушах из-за грохота перестрелки, она отошла от погрузчика, полностью оказавшись в поле зрения.

— Джабба. — Подняв руки, она подошла ближе, пробираясь между мертвыми телами охранников и ангарной бригады. Выжившие, по-видимому, уже сбежали. — Добро пожаловать в «Улей-7». Я так понимаю, я сделала что-то вызвавшее твой гнев?

Трандошане и гаморреанцы развернулись и наставили на нее свои бластеры, но голоизображение Джаббы жестом приказало им опустить оружие. Платформа с голопроектором заметно вздрогнула: это драконы нетерпеливо дернули шлейки.

— Комендант Блирр, — продолжал Джабба по-хаттски, — я думал, мы были друзьями.

— Хм. — Она поняла, что ключом к выживанию в течение следующих пяти минут будет неустрашимость или, по крайней мере, видимость ее. Женщина взглянула на разбросанные по полу дымящиеся останки своих подчиненных и пожала плечами. — Видимо, нет. Чему я обязана удовольствием этого визита?

— Ты уничтожила моих агентов.

— Тогда, полагаю, мы квиты.

— И как будто этого недостаточно, — небрежно продолжал Джабба, — ты позволила сожрать их своим отвратительным постояльцам, которых стравливаешь друг с другом на поединках.

— Отличный получился поединок, тебе не кажется?

— Ты хорошо меня знаешь. — Он усмехнулся и покачал головой. — При других обстоятельствах я бы одобрил такую бойню, но, похоже, ты не понимаешь основных принципов отношений, построенных на взаимном уважении.

— Уважении? — Садики вздернула бровь. — Так ты явился сюда, чтобы учить меня искусству дипломатии?

— В том числе.

— Извини, Джабба, но к чему этот разговор? — Она сделала еще один шаг вперед, по-прежнему держа на виду руки. — Кроме того, ты прямо заявил, что это не твои агенты. Я предоставила тебе возможность отозвать их, но ты ею не воспользовался.

— Садики, Садики... — Хатт прищурился. — Мы оба с тобой разумные существа. Давай прекратим понапрасну тратить время друг друга.

— Я целиком и полностью за.

Она отважилась подойти уже так близко, что могла разглядеть содержимое ящика, в котором стоял трандошанин, раздражение, кривившее черты его лица, и винтовку «Вестар», все еще сжатую в его когтях. По телу одного из охранников у ее ног прошла судорога, и электрическая пика выскользнула из разжавшихся пальцев одновременно с последними искрами жизни, погасшими в теле.

— Просто скажи мне, чего ты хочешь.

Джабба уставился на нее из-под морщинистых век:

— Чего я хочу?

— Как все было? Ты отправил ко мне кучку наемников, я до смерти перепугалась и сделала все возможное, чтобы избавиться от них. Так чего же ты хочешь?

— Как насчет твоей хорошенькой головки? — предложил Джабба. — Я повешу ее на стену своего дворца, где смогу сколько угодно любоваться ею.

Садики холодно улыбнулась:

— Боюсь, моя голова — не предмет переговоров.

— Весьма прискорбно. Тогда как насчет быстро перекусить, пока я здесь?

Она озадаченно взглянула на голоизображение:

— Перекусить?

— Да. — Джабба бросил взгляд вниз, на существ, привязанных к передку его платформы. — Моим маленьким домашним любимцам надо перекусить.

Оба дракона разом прыгнули на нее, буквально пролетев над мертвыми телами; свита Джаббы тем временем отступила в сторонку, чтобы освободить им место, необходимое, чтобы прикончить ее.

По расчетам Садики, она подобралась уже достаточно близко, и расчет оказался верен. Резко пригнувшись, она выхватила из безжизненных пальцев лежащего на полу офицера пику и с разворота вонзила ее в шею трандошанина: электрический наконечник воткнулся в чешуйчатую кожу и произвел мощный, способный остановить сердце разряд. Трандошанин задергался от побежавшего через него тока, комендант выхватила из его лап «Вестар», развернулась и разрядила винтовку прямо в морду одному из келл-драконов.

Пучок высокоэнергетических частиц попал ящеру прямо между глаз с расстояния менее метра, разнес ему череп и изжарил мозг, однако не смог сразу остановить животное. Скользнув вбок на когтистых лапах, не в силах справиться с ускорением, тварь с грохотом врезалась головой в ящик с продолжающим подергиваться трандошанином. Чешуйчатое тело бесформенной грудой рухнуло к ногам Садики.

«Не забудь про второго».

Она развернулась, положив палец на спусковой крючок. Второй дракон обошел ее сзади, из-за спины раздалось его гортанное шипение. Напрягшись, она навела на него «Вестар» и дала очередь, но было уже поздно.

В одно мгновение тварь бросилась на нее и сбила с ног. Придавленная к полу Садики извивалась, пытаясь высвободить ноги, силилась выбраться...

...и ощутила, как вокруг ее правой голени смыкаются челюсти, в голенище обуви вонзаются зубы, разрывая кожу и мышцы, впиваются в кость.

Она закричала. Боль, подобной которой она никогда не испытывала, разлилась и поглотила всю нижнюю часть тела, вздыбилась ослепительным наростом, угрожавшим поглотить саму реальность. Она выгнула спину и заскребла пальцами по

полу ангара в попытках нашарить «Вестар», но винтовка будто испарилась.

Хрустъ! Что-то в районе лодыжки обломилось, и у нее в глазах начало двоиться, затем троиться, а по лицу потекли слезы боли.

— Тише, сладенький, — пророкотал, обращаясь к дракону, Джабба, — не торопись.

Садики различила где-то по ту сторону боли его смех — то глухое, напыщенное «хо-хо-хо», что почти все слышавшие его связывали с приближением собственной смерти.

— Видите ли, комендант, я дал своим дражайшим драконам поголодать, чтобы они нагуляли аппетит. — Подрагивающая голопроекция хатта помахала хвостом от удовольствия, откинулась назад и пригладила растопыренными пальцами огромный мешок раздутого живота. — Но также я приучил их есть медленно, чтобы ты как можно дольше оставалась жива. Поэтому она будет медленно, по чуть-чуть продвигаться вверх.

Приподнявшись и смаргивая слезы, Садики со смесью ужаса и неверия уставилась на обрубок, в который превратилась ее правая нога. Ступня отсутствовала — ее полностью оторвало. Из разодранной штанины торчали обломки большой и малой берцовых костей. А над ними на нее таращились глаза келл-драконихи, ее морда и зубы были перемазаны ярко-красным, а во взгляде горел неуемный голод. Ящер сделал шаг к добыче, жадно посапывая; Садики ощутила вонючий дух из его ноздрей, ядовитую смесь запахов желудочной желчи и прогорклого мяса со свежим медным запахом ее собственной крови.

Гнев ярко-белой полосой взрезал облако надвигающегося шока, и она поняла, что необходимо сделать.

— 3D! — Она обернулась, шаря взглядом по ангару, пока не нашла того, кто ей нужен: дроида-администратора, стоящего у стены. — 3D!

— Да, комендант? — Дроид посмотрел на нее.

— Немедленно начать реконфигурацию номер 121.

— Слушаюсь, комендант.

— *Джабба!* — закричала Садики, заставив голос не дрожать. Валяясь рядом с келл-драконом, она не в состоянии была установить зрительный контакт с хаттом, но знала, что он там. — Джабба, ты меня слышишь?

— Конечно слышу, — ответил тот. — Думаешь, я желаю пропустить твои мольбы о пощаде?

Садики удалось покачать головой.

— Отзови его, — сказала она сквозь зубы. — Это твой единственный шанс. И остальным прикажи убираться.

— Или?

— Они *все* погибнут. Клянусь.

— Ты клянешься? — Джабба откинулся назад и так покатился со смеху, что затряслась его массивная туша. — Ты не в том положении, чтобы...

Она закрыла глаза; весь причал начал содрогаться с глубоким металлическим лязгом, механизм «Улья-7» пробудился для своей последней реконфигурации. Для Садики эта металлическая дрожь звучала знакомо и ободряюще: железный гидравлический гигант пришел в движение с единственной в настоящее время целью — спасти ее жизнь. Отбросив страх перед драконом, презрев шок от травмы и потери крови, она изо всех сил потянулась обеими руками назад. За ее спиной к стене была приварена металлическая трубка, женщина схватилась за нее, и панели, из которых состоял пол ангара, неожиданно разошлись у нее под ногами.

Взвизгнув, дракон провалился в разверзшуюся шахту и исчез.

Желтые глаза Джаббы расширились. Стоявшие рядом с ним трандошане и гаморреанцы попятились, когда окружавшие их высокие стены пришли в движение, потолок выгнулся и весь причал от пола до потолка начал сворачиваться в воронку. По бокам от причального рукава «Чистилища» разверзались ямы и уходили вглубь новые шахты. Хатт на своей парящей платформе уже оправился от потрясения и теперь пылал гневом и возмущением.

— Нахальная девка! — Плевок сорвался с губ Джаббы, и все лицо криминального авторитета, казалось, набухло и запузырилось презрением. — Тебя приволокут ко мне, я пожру твою плоть и поваляюсь в твоей крови! — Его желтые глаза-щелки вспыхнули и обратились к гаморреанцу, дежурившему у перехода на «Чистилище»: — Сообщи Скаппе! Пусть выпустит их! *Пусть выпустит их всех!*

Голоизображение пропало.

* * *

Причальный отсек, безразличный к Садики и хаттовым головорезам, продолжал трансформироваться. Шахта, поглотившая келл-дракона, превратилась в пятиметровый провал, и ни один из молодчиков Джаббы уже не смог бы ее перепрыгнуть, но у Садики было ощущение, что это не задержит

их надолго.

— Комендант! — Голос прозвучал позади ее, она вскинула взгляд и увидела рядом с собой 3D, который держал ее за руку. — Я с вами. Позвольте, я помогу вам. — Дроид придвинулся ближе, раскрыл грудную пластину и выдвинул тонкий манипулятор, сжимающий в суставчатых «пальцах» шприц для подкожных инъекций.

— Откуда... это взялось?

— Вы сами установили его мне при первом обновлении. Три года назад.

— Совсем этого не помню.

— Это не имеет значения.

Игла вошла ей в руку, и спустя мгновение Садики почувствовала, что боль начала ослабевать. Она еще оставалась, но, что бы ни ввел ей дроид, оно создавало ощущение долгожданной отстраненности, как будто она наблюдала за всем этим с большого расстояния.

— Надо немедленно увести вас отсюда.

— Я в порядке.

— Вы обязательно будете в порядке. Но сейчас вам необходима медицинская помощь.

Она не стала спорить и позволила дроиду помочь ей подняться и опереться на него. Руки 3D оказались на удивление сильными, и она была благодарна этой стабильности, поскольку наркотик действовал быстро, отключая остатки ее чувства равновесия. Хромая, она направилась к турболифту.

— Сюда, — указал 3D. — Я уже связался с GH-7. Он ждет вас в медотсеке.

Садики заморгала, пытаясь прояснить зрение. Перед ней гостеприимно распахнулись двери кабины лифта. Позади раздался грохот, не имеющий ничего общего с реконфигурацией.

Она оглянулась и посмотрела в тот угол, который занимало изображение Джаббы.

За ее спиной, на той стороне пятиметрового провала, из причального порта «Чистилища» высыпали недавно освобожденные заключенные — тридцать или около того осужденных, прибытия которых она ожидала, — воя и крича от неожиданно свалившейся на них свободы. Как и головорезы Джаббы, они не могли преодолеть пропасть в полу ангара — пока что. Но это не помешало им похватать бластерные винтовки и пистолеты из ящика с оружием и открыть беспорядочную пальбу во всех направлениях.

Еще через несколько секунд Садики заметила, как пятеро арестантов уже оторвали длинную швартовочную платформу от

перехода на «Чистилище» и перекидывают ее через разверстую щель как мостик. С какой-то ошеломляющей уверенностью она осознала, что пройдет не более пяти минут, и они разбегутся по всему ангару, а затем проберутся наверх, на тюремные уровни.

И в отличие от нынешних заключенных в их сердцах еще нет имплантированных электростатических зарядов.

«Ты теряешь контроль над „Ульем". События ускользают от тебя».

— Нет, — пробормотала она вслух. — Пока нет. Только не это...

Но на нее уже опустилась непомерная тяжесть, пригибая к земле. Вместе с контролем она теряла сознание. Оно быстро угасало. Глядя, как узники перекидывают мостки через зияющую щель, она ощущала, как в голове у нее возникают призрачные мысли, словно голоса, доносящиеся со дна глубокого, гулкого колодца.

«Сколько у меня осталось охранников? Тридцать? Сорок, в лучшем случае?»

Дроид сильнее сжал ее руку.

— Я уже включил все аварийные сигналы. — 3D подгонял ее, поднимал, подталкивал вперед. — Вооруженная охрана и подкрепление уже направляются сюда. Они возьмут ситуацию под контроль. Идемте.

— Надо спуститься... — Садики услышала свой голос. — Спуститься вниз... чтобы проверить...

— Да. Позже.

Она неопределенно кивнула, и самые последние обрывки сознания покинули ее. Последнее, что видели ее глаза перед тем, как закатиться, — двоичный погрузчик, за которым она пряталась ранее, шел по ангару прямо к зияющей трещине. Сделав один широкий шаг, дроид перешагнул через провал и направился к ящику с оружием. Он нагнулся к нему, не обращая внимания на происходившее вокруг, и достал лежавший на самом верху черный ящичек среднего размера. Стекленеющие глаза коменданта не могли от него оторваться.

Последний вопрос пронесся в ее ошеломленном мозгу: «Что он там делает?»

И на нее опустилась тьма.

58
В НЕДРАХ ТЬМЫ

Мол поднялся над кабиной лифта метров на сто, ощупью находя путь в абсолютной тьме, когда «Улей» начал менять форму.

«Еще одна реконфигурация? Сейчас?»

Он никогда еще не находился так глубоко в недрах тюрьмы во время этого процесса. Отсюда казалось, что все происходит быстрее и катастрофичнее. Он как будто застрял внутри самых больших и самых смертоносных в Галактике часов. В стенах разверзались провалы, а сами стены распадались, вращались и меняли местоположение. Металлические ступеньки шатались и позвякивали в пазах. Вся инфраструктура сгибалась и колебалась в тысяче не зависимых друг от друга направлений, швыряя в него целые уровни; сочлененные вентиляционные шахты и автоматизированные платформы вращались и раскачивались вокруг него с механическим размахом — как будто целый мир, не довольствуясь реконфигурацией, разрывал себя на части. Слева свесился толстый моток электрических кабелей — он высунулся из образовавшегося в противоположной стене отверстия. Мол пригнулся, когда мимо его головы просвистела труба и врезалась в стену, только что возникшую слева. Еще одна панель распахнулась справа, и оттуда вывалилась целая сеть телескопических коробов, протянувшихся через шахту к противоположной стене.

Он крепко вцепился в ступеньки. Стена, по которой он взбирался лишь секундой ранее, вдруг натужно дернулась и с лязгом и клацаньем пришла в движение: она поднялась под углом и начала поворачиваться, пока не встала перпендикулярно своему первоначальному положению. Державшийся за скобы Мол повис, болтаясь над пропастью, глубину которой не мог оценить.

Похоже, комендант Садики потеряла терпение и решила провести следующий поединок без него.

Мол глянул вниз. Из пустоты поднимался восходящий поток воздуха. Далеко внизу, в сотнях метров, целый ряд уровней раскрылся, словно клапаны и желудочки некоего колоссального механического сердца, и на мгновение он решил, что мельком сумел увидеть их — вращающиеся турбины в самой сердцевине тюрьмы, вал, приводящий в движение весь этот изощренный механизм.

Наконец с дребезжащим лязгом внутренности тюрьмы встали

на место.

Мол висел, держась за скобы, и выжидал.

Потом наступила тишина.

Восходящий воздушный поток внезапно стал очень холодным, и забрак понял, что плечи у него болят и что он не сможет висеть здесь вечно. Но у него уже не осталось ни малейшего представления о том, куда ему двигаться, — он знал только, что искусственная гравитация «Улья-7» тянет его в пустоту, где установленные в сердцевине космической станции шестерни неминуемо сотрут его в порошок.

Он распространил свои чувства, стараясь получить представление об окружающем пространстве — где ближайший выход или хотя бы ближайшая стена.

Что-то коснулось его затылка, что-то мягкое и склизкое.

Подняв взгляд, он увидел, что пространство вокруг него затянуто чем-то вроде свисающей нитями паутины.

Когда-то эти нити могли быть коконами, но, когда тюрьма реконфигурировалась, их порвало на части, и теперь они трепетали в потоках воздуха, поднимавшегося снизу.

Мол прищурился. «Паутинки» подергивались: по ним сновали тысячи крохотных живых существ, их белые тельца мельтешили на шелковых нитях. Они походили на...

Внезапно скобы в его ладонях завибрировали.

Мол ухватился крепче, ощущая, как вся поверхность трясется у него над головой. В отличие от механического рева, который он слышал лишь недавно, это было присутствие чего-то необычайного и живого, скользившего по стальным пластинам, ранее бывшим стеной, — той, ухватившись за которую он сейчас висел. Вес существа заставлял сами опоры прогибаться и деформироваться под ним.

Сайрокс. Волкочервъ «Улья-7».

Должно быть, шум вспугнул его и привел сюда, к Молу.

Он был уже очень близко. Мол понял, что эта реконфигурация «Улья», вероятно, привела его прямо к гнезду, где червь выводил потомство — например, вон тех личинок. Сделала ли комендант это намеренно? Был ли это его следущий поединок, в конце концов?

Случайно или намеренно — это едва ли имело значение. Он ощущал, как существо движется по туннелю прямо над его головой, словно волны перистальтики по кишечнику.

Прищурясь, Мол вглядывался в темноту, пока не различил смутные очертания чего-то, как он надеялся, бывшего стеной, в пятнадцати метрах перед собой. Перебирая по скобам руками, он двинулся вперед. Он не знал точно, зачем ему надо именно туда,

но не собирался болтаться здесь, прямо под этой тварью, прогибавшей стены и создававшей ощущение, будто она может продавить стальные пластины и в любой момент рухнуть ему на голову.

Омерзительная тяжесть червя скользила над его головой с той же скоростью, как будто существо ощутило близость ситха. Мол понимал, где находится тварь, по более громкому, чем обычно, поскрипыванию металла, по выскакивающим из прогибающихся и смещающихся панелей болтам и заклепкам.

«Что тебе нужно?»

Тварь снова остановилась, будто в поисках чего-то. Распространив свои чувства, Мол услышал, как в мозгу взорвался поток голосов — их были сотни, они сплетались в иррациональный клубок смятения и боли. Заключенные.

Все, кого пожрал червь с тех пор, как поселился здесь. Пронзительные вопли. Сумасшедший, нечленораздельный хохот. Клятвы о мести, которые никогда не будут исполнены. Мольбы о пощаде, которой не будет. Как будто в его мозгу распахнулась настежь дверь убежища, впустив в сознание волну бессвязных воплей, отдельных выкриков и обрывков фраз, произнесенных в отчаянии.

...клянусь, я...

...убью тебя и порву твою проклятую рожу на...

...мне больно он ест мою...

...я горю мне нельзя...

...спасите меня здесь как будто в...

...во тьме, в яме, я не могу...

...бежать этой боли нет конца когда оно...

...высасывает из меня кровь я не чувствую рук я...

...ослеп он залез ко мне...

...в голову что эта тварь делает с моими...

...мозгами мы сожрем...

...МЫ СОЖРЕМ...

Мол добрался до стены и качнулся всем телом вперед; во тьме его ноги нащупали узкую опору рядом с бывшими ступеньками — возможно, сантиметра три шириной, но достаточно, чтобы перенести туда массу тела.

Он прижался спиной к стене и раскинул руки, чтобы сохранить равновесие, и стоял так, пока не сосчитал до десяти. К этому моменту медленно ползущий над головой червь уже скрылся там, где ситх не мог слышать и чувствовать его, утащил свою бледную тушу с неспешной уверенностью существа, осознающего исключительность занимаемого им положения и не видящего необходимости торопиться.

Мол выдохнул и более пристально осмотрел место, где оказался. Маленький уступ, на котором он стоял, окружал вытянутую платформу, только что образованную тремя пересекающимися панелями, висевшими на шарнирах. Он попробовал на них опереться. Ни одна не казалась особо надежной.

«Хватит и этого».

Ударив ногой по панели в центре, он увидел, как она распахнулась, явив узкий арочный проем, из которого исходило слабое оранжево-желтое свечение, подернутое дымкой холодной металлической пыли.

Он проскочил внутрь и побежал.

59
САЙРОКС

Червь познал тьму.

Слепой от рождения и лишенный сознания в традиционном смысле этого слова, он не знал, что его называют сайроксом. Как далеко он забрался от дома, тоже вряд ли имело значение. На Монсоларе, его родной планете, представителей его вида почитали на протяжении тысяч лет, им поклонялись как божествам и боялись, словно чумы; шелковистые тенета, из которых они устраивали свои гнезда на верхних ветвях деревьев, полнились ночными кошмарами местных племен.

Многие поколения старейшин и жрецов благоговейным шепотом рассказывали о толстом, бледном волкочерве, обитающем в дремучих джунглях. Среди их культурного наследия имелись песни смерти и резные идолы существа, чей коллективный разум знал о душах всех, кого оно сожрало, запертых навечно и обреченных на постоянные муки, чтобы утолять его нескончаемый голод.

Червь познал голод.

Хорошо знакомым с повадками волкочервя эта тварь внушала ужас, однако происхождение ее было низменным. Каждый год бесчисленные триллионы только что вылупившихся куколок роились в шелковистых верхушках палаточных деревьев. Подрастая, они падали из своих гнезд в реки, ручьи и болота, чтобы поселиться в желудках и кишечном тракте тех, кто оказался достаточно глуп, чтобы пить нефильтрованную воду. Росли они медленно: иногда проходило несколько лет, пока червь увеличивался в размерах во внутренностях своего хозяина.

Именно в тонком кишечнике заключенного-монсоларца по имени Валид Негма, которого иначе уже давно забыли бы, волкочервь и прибыл в «Улей-7» три года назад. Негма умер ничем не примечательной смертью спустя несколько секунд после начала своего самого первого поединка, но обитавшая в его внутренностях личинка сайрокса — на тот момент всего лишь несколько миллиметров длиной — выжила. По сути, она поглотила сознание Негмы буквально сразу после гибели его тела, поэтому он стал первой из сотен душ, оказавшихся запертыми в сознании волкочервя.

Вскоре их должно стать больше. Намного больше.

Волкочервь обрел здесь дом, его тело питала кровь умиравших заключенных, его сознание стало вместилищем

ужасов, тюрьмой внутри тюрьмы, где все разумные и неразумные существа, которых он пожрал, обречены отмерять вечность мерилом бесконечных страданий. Он отложил бесчисленное количество личинок, и они продолжали расти здесь, страдая от голода и становясь все больше, но никто из них даже близко не мог сравниться по размеру с самим волкочервем.

Теперь, по-прежнему слепой, как в тот день, когда он появился на свет, червь осознавал себя лишь как огромную и бесконечно обновляющуюся коллекцию криков и боли. Он думал о себе — в те редкие моменты, когда он вообще думал, — как о коллективном разуме, не как «я», а как «мы», не как «мое», а как «наше». Не нуждаясь ни в сне, ни в отдыхе, он познал одни лишь бесконечные муки существ, чьей кровью питался, непрерывно скользя по этим переменчивым шахтам и туннелям.

И голод.

Вечный голод.

60
ВРЕМЯ ЗАКРЫТИЯ

— Эоган.

Юноша посмотрел на отца, распростертого на койке. С тех пор как сын принес его из морга обратно в камеру, старик заговорил впервые. Его голос был слаб, но на удивление четок.

— Он идет.

— Кто?

— Радик. — Сделав над собой, казалось, неимоверное усилие, Артаган Труакс приподнялся на локтях и взглянул в лицо сыну. — Идет... чтобы... убить меня.

— Но я думал, ты спас ему жизнь!

— Неважно. — Старик покачал головой. — Когда я помог забраку вызвать сюда «Бандо Гора»...

— Но...

— Тише, малыш. — Голос Артагана стал тверже, в нем зазвенели остатки былой силы. — Я должен еще... что-то тебе сказать. Чего я никогда... не говорил раньше.

Эоган ждал.

— Еще до твоего рождения... мы с твоей матерью... состояли в «Бандо Гора». Думали, они знают тайны Галактики. Это был неверный путь, но... тогда мы не понимали этого. Даже когда... — Артаган прерывисто вдохнул. — Даже после ее смерти. Я остался с ними. Ты был совсем ребенком. Выхода не было.

В камере воцарилось молчание.

— Время пришло шестнадцать лет назад... Я слышал, как они планировали убить Радика. Заманить в ловушку и отобрать оружие, которое он вез. Радик уже тогда был могущественным. И я увидел шанс для нас обоих. Тогда я решил порвать с «Гора»... спасти жизнь Радику... обрести его доверие... тогда, по крайней мере, ты бы обрел защитника, того, кто присмотрел бы за тобой...

Слова Артагана прервал приступ кашля, но затем он снова заговорил:

— Поначалу план работал. Когда началась стрельба, мой корабль уже был готов. Мы улетели вместе с Радиком. Он сошел в первом же космопорту, но пообещал, что будет на связи. Чтобы погасить долг. Но... — Артаган резко, болезненно вдохнул и выдохнул. — Я не слышал о нем много лет. Мы скитались... ты и я. Я участвовал в боях за деньги. Я знал, что не вечно... ждать вестей... В конце концов пришло сообщение. От него. Что он поможет нам. В «Улье»...

— И ты привез меня сюда, — закончил Эоган.

Старик кивнул.

— Когда мы оказались здесь, я искал его. И нашел — или он нашел меня... Не прошло и месяца, как он вышел на контакт. Предложил работу, чтобы я помог ему здесь собирать оружие. Предложил защиту. Взамен я должен был отдать лишь... свои глаза. — Артаган покачал головой. — Я не мог допустить этого. Допустить, чтобы он ослепил меня. Поэтому он снова исчез. До сих пор. Когда я послал за... «Бандо Гора». И теперь... он идет... прикончить меня.

Эоган встал.

— Я ему не позволю.

— Не важно... В любом случае... я уже мертв.

— Все будет не так! — заявил Эоган, взяв руку отца и сжимая ее в своей.

— К сожалению, малыш, — раздался голос у него за спиной, — все будет именно так.

Эоган обернулся. Пять-шесть заключенных — люди и представители других рас — стояли, перекрывая выход. Эогану понадобилось меньше секунды, чтобы понять, что ни у кого из них нет глаз. Как в таком случае они сумели сюда дойти?

Затем он увидел птиц. Одна из них раскрыла клюв и испустила пронзительное, леденящее карканье.

«Птицы привели их сюда».

— Нас прислал господин Радик, — сказал слепец. Он сжимал в руках два заостренных металлических прута, длинных и блестящих, как самодельные мачете. Остальные были вооружены похожим образом. — Чтобы разобраться со стариком, вызвавшим в «Улей» «Бандо Гора». — Он покачал головой. — Все наши действия имеют последствия, не так ли? Точно так же, как все реки впадают в море, — их пути могут отличаться, но конечный результат никогда не вызывает сомнений.

— Нет. — Эоган сделал шаг к ним. — Вы не...

Слепец издал пронзительный клич и бросился на

Эогана, размахивая обеими руками. Эоган поднырнул под замах и нацелился противнику в колени, но сильный удар в скулу отшвырнул его на пол. Его мысли начало засасывать в расцвеченную звездами воронку полубессознательной агонии.

Чьи-то ноги топтали его, придавливали к полу. Где-то у стены камеры отец старался что-то сказать, изо всех сил пытаясь быть услышанным. Эоган выставил руку. Безнадежно.

— Отец, нет!

Подняв голову, Эоган увидел, как слепцы окружают отца, вздымают над ним импровизированные клинки, вонзают в него

лезвия, разбрасывая большие яркие струи крови, терзая то, что осталось от его тела. Они нападали, словно животные, как будто отсутствие зрения каким-то образом сделало их слепыми к человеческому милосердию.

И посреди всего этого слова забрака, сравнившего его с отцом, эхом отдавались в мозгу Эогана: «У тебя не такое сердце... Ты никогда не станешь и вполовину таким, как он».

Эоган встряхнул головой.

«Теперь стану».

Что-то в нем изменилось, что-то глубинное и окончательное. Еще не понимая, что делает, он прыгнул вперед и ощутил, как его тело — и мышцы, и сама бегущая по венам кровь словно взорвались движением, сложившись в череду молниеносных ударов.

Каждая его частичка пришла в действие, ноги и кулаки наносили шквал ударов, так что казалось, он дрался с шестью слепцами одновременно, словно вихрь-костолом. Они валились вокруг него, их оружие со звоном падало на пол камеры. До сих пор Эоган отдавал себе отчет, что, если бы когда-нибудь позволил себе хотя бы попытаться предпринять подобную атаку, его почти наверняка убили бы. Он даже не представлял себе ничего подобного — словно он оставил свое тело и вернулся к жизни другим, намного быстрее и сильнее, чем был, — воскрес для единственного мгновения триумфа.

Когда все закончилось, он уронил сжатые кулаки и встал, тяжело дыша, среди груды тел; его руки были по локоть в крови.

Его слуха коснулся голос:

— Эоган?

— Отец!

Он оттащил в сторону одного из людей Радика. Старик лежал под ним, ужасно израненный и изломанный, но в нем еще теплились последние обрывки сознания.

Артаган приподнял перепачканную кровью руку. Он улыбался.

— «Пятьдесят два кулака», — сумел выговорить он.

Эоган ощутил, как перехватило горло. Он не мог вымолвить ни слова.

— Я так горжусь тобой.

Юноша упал на колени и обнял отца. Даже сейчас в груди старика клокотало, натруженное сердце назло всем смертям стучало до последних мгновений жизни.

Он так и держал отца на руках, пока биение у того в груди не стихло.

* * *

Некоторое время спустя он снова услышал шаги у распахнутой двери камеры. Оглянувшись, Эоган увидел, что рядом стоит Джаганнат. Забрак осмотрел разбросанные по камере тела, самодельное оружие и медленно высыхающую кровь. Наконец взгляд краснокожего заключенного встретился со взглядом Эогана.

— Это все ты сделал?

Юнец не отвечал.

— Твой отец...

— Мертв.

Забрак кивнул, будто ничего другого и не ожидал.

— Пойдем.

— Куда?

— В грузовой отсек.

Эоган нахмурился:

— В...

— У меня там незаконченное дело.

61
ДАВЛЕНИЕ И ВРЕМЯ

Еще до того, как раскрылись двери лифта, прибывшего на причальный уровень, Мол услышал непрерывную канонаду бластерных выстрелов. Эоган уставился на него, в его глазах отразились освещавшие ангар огни.

— Что там происходит?

— Перестрелка, — пояснил Мол. Он к этому не готовился, но в настоящий момент ничто уже не стало бы неожиданностью. — Не высовывайся.

Двери лифта раскрылись, внутрь влетел бластерный заряд и уничтожил панель управления над его головой. Эоган от неожиданности вскрикнул. Не обращая на парня внимания, Мол принял низкую защитную стойку и оглядел ангар, выделив себе пять секунд, чтобы оценить творящееся там.

Две противоборствующие группировки вели ожесточенное сражение по обе стороны от пятиметрового провала, делившего причальный отсек пополам. На ближней к ним стороне небольшая группа охранников «Улья-7» отстреливалась, похоже, от намного превосходящей их числом толпы арестантов, обладавших, видимо, более мощным оружием.

Заключенные явно брали верх.

Мало того что они имели гораздо более выгодную позицию — Мол заметил, что некоторые из них от души веселились, стреляя по охране, — им уже почти удалось перебросить через провал длинный причальный трап, что позволяло получить полный доступ ко всему ангару.

Ситх мимоходом подумал, почему бы охране просто не активировать заряды в сердцах осужденных, а потом сообразил, что эти заключенные, должно быть, только что прибыли.

Взвыв, один из надзирателей побежал по ангару. Его лицо в буквальном смысле горело, черты плавились на бегу.

Весь уклад «Улья-7» пошел вразнос.

— Что же нам теперь делать?! — воскликнул Эоган.

Мол его проигнорировал. В воздухе повисли целые пласты дыма от бластерных выстрелов и горящего металла. Боеприпасы у охраны подходили к концу, и не похоже, что им вскоре подгонят резервы. Посреди всего этого Мол разглядел гигантское голоизображение хатта, который восседал на репульсорной платформе, закатив глаза и восторженно фыркая.

«Джабба».

Он отметил виртуальное присутствие криминального воротилы и в тот же миг отмел его как несущественное. Чем занимается здесь, в сердцевине «Улья-7», Джабба Хатт — лично или посредством своих агентов — полнейшая загадка, но она не имеет ничего общего со стоящей перед ним задачей.

Пригнувшись, Мол бросился через весь отсек к двоичному погрузчику серии CLL, слепо тыкавшемуся туда-сюда посреди боя. Судя по обугленным царапинам на бронированном корпусе, ему не удалось избежать шального бластерного огня. Из модуля управления торчали проводки и болтающиеся микросхемы, разбрасывая искры и клубы бледно-серого дыма.

— Дроид! — окликнул забрак.

Механический погрузчик развернулся и тупо уставился на него сквозь желтую дымку. Мол обратился мыслями вспять, к моменту, когда был здесь со Слифером, вспоминая, что сказал банкир.

— Код доступа МБК 377055.

— *Голосовая идентификация?*

— Весто Слифер, — сказал дроиду Мол. — Для меня прибыл пакет. Где он?

Дроид не шелохнулся.

— *Голосовая идентификация?*

Вместо ответа Мол вскочил дроиду на загривок и быстро осмотрел проводки в модуле управления. У него имелся весьма ограниченный опыт по взлому систем, но его оказалось достаточно, чтобы суметь вручную перехватить управление примитивной системой безопасности погрузчика. Он выдернул несколько проводков из гнезд и вставил их на другие места.

Раздавшийся вслед за этим низкий настойчивый гул, казалось, звучал целую вечность. Краем глаза ситх заметил, как к нему подбежал Эоган, увернулся от града обломков и залег рядом с дроидом CLL. Юнец посмотрел на перестрелку, затем на дроида, затем опять на Мола:

— Что он делает?

— Отдает мне то, за чем я пришел.

— Нам нельзя здесь оставаться. — Эоган указал на перекинутый через провал трап. — Они уже на подходе.

Вооруженные заключенные с ревом бросились по мосту через провал, а последние охранники обратились в бегство.

— Они убьют нас!

— Мы им не нужны, — отрезал Мол, не до конца понимая, почему утруждается с ответом. Он не ожидал, что мальчишка будет все еще жив и уж тем более последует за ним. Заключенные потоком хлынули к ним с двух сторон: они преследовали

охранников и рыскали в поисках работающих турболифтов. Менее чем в метре от него какой-то офицер оглянулся — и как раз схлопотал алый энергетический разряд прямо в горло, отлетев к стене дымящимся трупом. Мальчишка издал звук, будто его сейчас стошнит.

— *Надо выбираться отсюда!*

— Беги, если хочешь, — предложил ему Мол, — или останься и умри. Для меня это не имеет никакого значения.

Эоган уставился на него, открыл рот, а потом закрыл, ничего не сказав. Грохот бластерной канонады начал отдаляться. Мол повернулся к выходу — там последние арестанты вслед за остальной толпой бежали к верхним уровням тюрьмы.

— Господин Слифер, — проговорил дроид, — вот ваш пакет.

Раскрыв корпус, он достал оттуда и протянул Молу ничем не примечательный черный ящичек.

Мол забрал его у дроида.

Пора было уходить.

62
ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

— Комендант, они прорвали защитный периметр в причальном отсеке.

Садики оторвалась от вспомогательной консоли в медотсеке и взглянула на охранника, чье имя в тот момент не могла припомнить. Вытянув механизированный ортопротез, который GH-7 только что закончил приживлять к ее лодыжке, она поморщилась от боли. Действие введенного 3D препарата подходило к концу, но это было хорошо — она чувствовала, как прояснился ум.

— Сколько их?

— Сорок два.

— С учетом телохранителей Джаббы?

Офицер кивнул.

— Все они по-прежнему хорошо вооружены. — Охранник украдкой покосился на ее ногу, затем снова перевел взгляд к лицу. — Мы изолировали их на основном уровне, закрыли камеры и заблокировали там наш контингент, но...

— Что «но»?

— Ну, последняя заданная вами реконфигурация... открыла доступ к целому ряду необорудованных туннелей, и некоторые из них не блокируются.

— Нет люков?

— Ни люков, ни шлюзов. Кое-кто утверждает, что там нет даже систем видеонаблюдения.

— Они правы, — призналась Садики. Если она решит скрывать правду, это никому не поможет. — Сколько у нас осталось сотрудников охраны?

— Я связывался с капитаном Гарви пять минут назад. Он доложил о серьезных потерях в ангаре...

— Сколько?

Охранник сглотнул.

— Тридцать шесть охранников, о которых мы знаем. Возможно, больше — или у них не было возможности сообщить о себе. — Он побледнел. — И боеприпасы заканчиваются.

— Где мой брат?

— Его уже несколько часов никто не видел.

— Вышлите поисковую группу. Пусть ищут Дакарая и уцелевших охранников. — Садики поднялась на ноги. — Свяжитесь со мной, как только обнаружите его.

— Комендант? Куда вы собираетесь идти?

— Подготовьте спасательную капсулу, — распорядилась она. — Передайте, что я буду ждать его там.

63
ТАЙНИК

— Ваша посылка доставлена, — сообщил 11-4D.

Дарт Плэгас вновь повернулся к дроиду:

— Геологический компрессор взамен имеющегося?

— Все верно, господин.

Где-то под закрывавшей рот транспираторной маской Плэгас позволил себе улыбнуться. Они с дроидом шли по холодным каменным исследовательским залам, где муун проводил целые месяцы, с одной-единственной целью исследуя представителей разнообразных рас, содержащихся у него в клетках.

— Спасибо, 4D.

Плэгас сосредоточил свое внимание на емкости с плавающим в ней телом бита — владыки ситхов Дарта Венамиса — ванне с полупрозрачной консервирующей жидкостью. Тело Венамиса еще было в состоянии двигаться — оно конвульсивно дергалось благодаря остаткам жизни, которые Плэгас вложил в него только затем, чтобы снова забрать. Он работал без перерыва почти двадцать часов подряд над этим конкретным проектом, но с ограниченным успехом, и поступившее от дроида уведомление означало, что он может наконец отвлечься.

— Слифер подтвердил получение? — осведомился он.

— Не совсем, господин, — ответил дроид.

— Почему?

— Как оказалось, господин Слифер умер.

— О? — Мгновение Плэгас обдумывал это известие, а потом повернулся к дроиду. — Его убил Мол?

— Нет, господин. Судя по тому, что мне удалось извлечь из записей тюремной системы видеонаблюдения, господин Слифер погиб мгновенно, когда его обезглавил двоичный погрузчик типа CLL. — Дроид сделал паузу. — А затем растоптал его.

— Жалкий конец для такой многообещающей личности.

4D издал тихое электронное бульканье.

— Я не уверен, что понимаю вашу мысль.

— Это не важно, — отмахнулся Плэгас и задумчиво почесал подбородок. — Говоришь, его убил дроид?

— Да. Я уверен, что все произошло случайно. Тот самый дроид, которому вы поручили доставить пакет лично забраку.

— А! — Плэгас просиял. — Так у Мола теперь есть все необходимое для выполнения своей задачи! Ты уверен?

— Я убедился в этом, просмотрев голопоток с камер

видеонаблюдения, — сказал 11-4D, а затем на мгновение запнулся. — Могу я поинтересоваться, с какой целью вы храните эту информацию в тайне от господина Сидиуса?

— Ты задал великолепный вопрос, 4D. Полагаю, можно сказать, что с целью укрепления наших отношений.

— Сэр?

— Моих отношений с владыкой Сидиусом. — Плэгас вновь перевел внимание на ванну с телом бита, хотя его мысли в данный момент были далеки от оживленного Венамиса. — Забрак прибыл в тюрьму под видом наемного убийцы, и его задача представляет для меня большой интерес. Как ты знаешь, я предоставил владыке Сидиусу большую свободу действий.

Обратившись к темной стороне, Плэгас отстраненно наблюдал, как безжизненное лицо Венамиса дрогнуло в густом химическом растворе, один глаз раскрылся, дернулся и уставился на него. Затем он продолжил:

— Меня тревожит его возрастающая тяга к самостоятельности — особенно сейчас, когда мы приближаемся к поворотным моментам наших планов по предстоящему занятию Палпатином должности канцлера. Конечно, придет время, когда я позволю ему узнать, что именно я предоставил Айрему Радику полнофункциональный геологический компрессор, в котором тот нуждался, — и таким образом способствовал Молу в выполнении его задачи. Но момент для откровений еще не настал.

64
ГРОБНИЦА

Повсюду включились сирены.

Избитый молодчиками Джаббы до потери сознания и брошенный умирать в проходе между камерами «Чистилища», Биссли Клот в конце концов открыл глаза и встал на подгибающиеся ноги; он очнулся благодаря сокрушительному вою ревунов, доносившемуся откуда-то с мостика баржи. Он вздохнул и собрал всю свою решимость. Последнее, что помнил Клот, — он пошел вниз, чтобы проверить их тридцать девять пассажиров, которые вдруг зловеще умолкли. Теперь он обнаружил рваное полукруглое отверстие, прорезанное в нижнем трюме его корабля, сквозь которое виднелось внутреннее убранство совершенно незнакомой и затейливо спроектированной космической яхты.

Заглянув в отверстие, Клот с убийственной ясностью осознал масштабы случившегося. Корабль, прикрепившийся к «Чистилищу», — это та самая яхта, которую он заметил на середине сближения с «Ульем-7». Она взяла их на абордаж, и ее экипаж проник сюда с конкретной целью: помочь в совершении побега...

Он поспешил к люку, ведущему непосредственно к камерам.

Камеры пустовали.

Заключенные отсутствовали.

«Нет!»

Растущее чувство ужаса Клота, казалось, лишь усиливалось от рева сирен на полетной палубе «Чистилища». Стряхнув остатки дезориентации, он бросился к трапу и чуть не споткнулся о тело одного из членов экипажа, валявшееся в луже собственной крови. Еще один охранник лежал ничком в двух метрах от первого.

Оставшуюся часть пути Клот пробежал и на мостике остановился как вкопанный. Здесь воняло бластерными разрядами и горелой проводкой. Прямо перед ним капитан «Чистилища» Уайатт Стирин сидел, пристегнутый во вращающемся кресле, перед командным пультом, склонив голову, — очевидно, размышлял над их судьбой.

— Капитан, — окликнул Клот, схватив Стирина за плечо; голова у того запрокинулась, открыв перерезанное горло. Лишь привязные ремни мешали телу рухнуть на пол.

Клот подчинился инстинктам. Не давая себе труда остановиться, чтобы осознать, что делает, он отстегнул тело

Стирина и оттащил его от пульта. Потом уселся в кресло пилота и взглянул на экраны, демонстрировавшие ангар «Улья-7», к которому оставалась пристыкованной тюремная баржа.

Увиденное на мониторах заставило его сердце подпрыгнуть к горлу. Он мало что мог рассмотреть со своего места, но казалось, что весь ангар завален мертвыми охранниками — там их были десятки. В самом центре, где-то на переднем плане, какая-то фигура — Клот решил, что это хатт, — восседала на репульсорной платформе, жестами приказывая двум гаморреанцам, подбиравшим с пола оружие.

Что происходит?

Внезапно снизу раздался звук удара, словно эхо первого. Что-то врезалось в пришвартованное «Чистилище» с силой, достаточной, чтобы сдвинуть баржу с места, и в то же мгновение все пульты и мониторы вырубились, погрузив Клота во тьму.

Он протянул руки, слепо поскреб по пульту, стараясь вновь активировать его, но все оказалось бесполезно.

«Чистилище» заскрипело. Из брюха баржи раздался хруст ломающейся стальной арматуры, а за ним — громкий хлопок и шипение: вакуумный стыковочный механизм открылся. Клот вспомнил о яхте, прилепившейся к их корпусу, словно паразит, о пиратах, которые проникли к ним в трюм...

Теперь он понял.

Опустившись в темноте на четвереньки, он ощупью выбрался с мостика и пополз, теперь уже не так быстро, двигаясь лишь по памяти и на ощупь. Добравшись до тел охранников, он почувствовал, что подобрался уже очень близко.

Клот остановился и попытался отдышаться; пот струился по его телу. Медленно поднялся на ноги. Болезненный свет тускло-зеленых вспомогательных огней падал на рваную дыру в корпусе «Чистилища», но когда Клот заглянул в нее, он уже не увидел богатого интерьера яхты.

Ее просто не было.

Кто-то или что-то отдернуло корабль, оставив лишь рваную дыру.

Однако в дыре была не пустота.

Клот отступил назад, ощущая, как древний атавистический ужас ползет от живота вверх и подбирается к горлу.

Что-то появилось из этой дыры и медленно вытягивалось в его направлении. Ничего подобного он раньше никогда не встречал даже среди заключенных и всевозможного галактического отребья, которое перевозил между самыми разными системами.

Мгновение Клот просто смотрел, захваченный мощью,

которую не смог опознать и которой не мог сопротивляться. Голову твари покрывал костный панцирь с торчавшими с двух сторон заостренными рогами. Глубокие впадины, где должны были находиться глаза, сверкали первобытным синим огнем.

«Это безумие, цвет безумия...»

Это маска или на самом деле его лицо? Клот не намеревался болтаться поблизости, чтобы выяснить это; кроме того, как оказалось, тварь явилась не одна.

В дыре полно было синих глаз.

И они двигались к «Чистилищу». Теперь до Клота дошло, что все пропало: с тех пор как он очнулся на полу рядом с камерами, ему и в голову не пришло озаботиться тем, чтобы найти себе оружие, а сейчас уже было поздно.

Существа двинулись к нему, словно армия мертвецов, с ужасающей силой и решительностью. Клот сделал шаг назад и споткнулся о тело охранника, не сумел восстановить равновесие и повалился на спину, на что-то твердое и угловатое. Когда он снова взглянул вверх, существа с лицами-черепами уже окружили его.

— Где он? — спросил женский голос.

Клот уставился на нее. Стоявшая над ним женщина обладала копной волос мертвенно-белого цвета, которые, казалось, стояли дыбом от самого лба, что лишь подчеркивало глубокий отпечаток тьмы на ее лице. У нее были сверхъестественные химически-желтые глаза цвета умирающего ядовитого солнца. Клот решил, что в иных обстоятельствах мог бы найти ее внешность примечательной, даже красивой, хотя прямо сейчас он был уверен — точнее, абсолютно уверен, — что она способна убить его без всяких колебаний.

— Кто?

— Тот, с кем у меня встреча.

— Я не... я не знаю, о ком вы говорите, — сумел выдавить из себя старпом. — Я не знаю, кто вы. — Глядя на нее, он сопротивлялся дикому, иррациональному порыву пуститься в объяснения, что это все, должно быть, какая-то чудовищная ошибка и что эта женщина и ее армия с черепами-лицами, должно быть, оказались совершенно не в том месте. — Это просто тюремная баржа, а я простой навигатор, и я не знаю...

Хлестъ! Пощечина вернула его обратно в реальность.

— Я Комари Воса, — объявила женщина. — А это — «Бандо Гора». Мы прибыли, чтобы получить оружие.

65
ЧТО ВВЕРХУ, ТО И ВНИЗУ

— Куда теперь? — спросил Эоган.

Мол не ответил. Последние пять минут они шли через холл, казавшийся знакомым, однако реконфигурация изменила все. Насколько он знал, перестройка не завершилась и тюрьма будет продолжать перестановки, пока не порвет себя на куски.

«Быть может, таков и был замысел».

Он запрокинул голову и издал резкий каркающий звук — звук, который слышал достаточно часто, чтобы суметь с большой точностью сымитировать.

— Что ты...

Мол поднял ладонь, призывая к молчанию, склонил голову набок и прислушался. До него донесся звук — гулкое эхо пронзительного грая.

— Пригнись.

— Что? — Эоган нахмурился. — Зачем…

Внезапно в коридор ворвался вихрь. Мол присел и сгруппировался, когда целая туча когтекрылов прокатилась из конца в конец коридора почти сплошной волной, с карканьем и пронзительным ором.

Он сунул пакет под мышку и побежал вслед за птицами, мальчишка следовал за ним по пятам. Стая летела быстрее, все птицы как одна кружились, пикировали вниз по недавно реконфигурированным туннелям самых нижних уровней, закручиваясь, словно дым в раковине какого-то гигантского механического моллюска.

Мол знал, куда они идут.

Сейчас, совсем рядом.

Он увидел впереди дверь. Заметил, как стая втягивается в нее, словно в воронку.

Мол запрыгнул туда, мальчишка бросился за ним.

Они оказались в знакомом месте — в оружейной мастерской, откуда Мол ушел совсем недавно. Койл все еще находился здесь, его нос грызуна взволнованно подергивался. Чадра-фан все еще крепко сжимал в руках бластер, из которого застрелил Дакарая Блирра.

— Джаганнат, — сказал Койл, глядя на пакет под мышкой у Мола. — Мы уже начали беспокоиться, что твои поиски не увенчались успехом, не правда ли? — Он оглянулся через плечо, туда, где позади стола стояла высокая фигура.

Высокий мужчина вышел на свет.

— Результаты твоих дел никогда не вызывали сомнений, — сказал тот и взглянул на Мола. — Приветствую тебя, Джаганнат. Я Айрем Радик.

66
«Тихо…»

В конце концов, выбора у Садики не оставалось.

Да, спасательная капсула готова и ждет ее. 3D уже там — возможно, что и Дакарай тоже, если он отыскался. Связь нарушилась быстро. Целые коммуникационные узлы выходили из строя. Радиочастоты уже забивались статическими помехами.

Необходимо выбираться отсюда, но Садики знала, что так же необходимо в последний раз вернуться в свой кабинет. Оставалось еще одно дело, которое надо доделать.

Она вошла и остановилась у двери, чтобы оглядеться. Даже теперь, после всего произошедшего, Садики чувствовала по отношению к тюрьме тихую признательность создателя своему творению: проект, который они с братом разработали вместе, алгоритм, в который Дакарай вдохнул жизнь, и чистое изящество самого плана — он был почти лишен недостатков. Лишь непрекращающиеся слухи об Айреме Радике — об этом реально не существующем галактическом пугале, который будто бы обосновался где-то в тюрьме, — бросали тень на идеальную в остальном машину по производству насилия и денег, какой являлся «Улей».

Не то чтобы в настоящее время это имело значение. Эксперимент успешно завершен. Скоро все обитатели станции будут мертвы. Потом она отправится к спасательной капсуле, чтобы улететь вместе с Дакараем, оставив «Улей-7» разрывать себя на кусочки. У них появятся другие возможности, в других мирах.

Введя команду на пульте контроля численности заключенных, Садики просмотрела длинный список цифр, по порядку прокручивающийся на экране: каждая запись представляла собой сведения о каждом из живущих здесь в настоящее время арестантов. Их было немногим более четырехсот — галактическая гниль и плесень, и ни одного из них она не хотела бы встретить еще раз.

Она выбрала весь список и ввела одну-единственную команду: «Уничтожить».

Номера начали исчезать — по одному, с начала списка.

Мгновение Садики просто сидела и смотрела, как они испаряются. Женщина понимала, что процесс потребует некоторого времени, возможно, минут тридцать, пока не дойдет до последних номеров. Она не собиралась перегружать систему в

такой критический момент, скорее, хотела удостовериться, что все заключенные мертвы, прежде чем снова рисковать спуститься вниз.

Комендант поднялась, чтобы покинуть вычислительный центр, когда за стеной что-то шевельнулось.

Садики вновь шагнула к столу, оттолкнув с дороги стул, и нерешительно осмотрела стену над мониторами. В данный момент ее чувства настолько обострились для взаимодействия с экранами, клавиатурами и базами данных, что от неожиданного появления поблизости чего-то живого, шелестящего ее спину обдало холодом.

Она припомнила последнюю реконфигурацию, вызванную ее отчаянной попыткой самосохранения. Этот радикальный шаг, если бы она планировала провести в «Улье-7» немного больше времени, стал бы катастрофическим. Но ее это просто не волновало. Разве что...

Разве что это привело к некоторым нежелательным изменениям в конструкции тюрьмы. Мелким, незначительным изменениям. Например, в стене своего кабинета Садики обнаружила небольшой зазор, возможно два или три сантиметра шириной, где экструдированные стенные панели неплотно примыкали друг к другу. Мелочь, но...

Сквозь эту щель она и заметила, как что-то движется.

Садики быстро отступила назад, подошла к стенному шкафчику на противоположной стороне кабинета, вынула оттуда бластерный пистолет KYD-21, который прятала там и, если честно, никогда не планировала использовать. Данная конкретная модель, сделанная из хадриевого сплава и со спусковым крючком без предохранителя, была одной из ее любимых. Несмотря на размер, пистолет обладал высокой останавливающей силой, а его прохладная ребристая рукоятка удобно ложилась в ладонь.

Садики направила оружие на зазор в стене.

— Кто здесь? — громко спросила она, и ей внезапно не понравился звук собственного голоса. Дрожь диафрагмы придала ему какой-то робкий трепет, который у других она находила отвратительным.

Дикая мысль промелькнула в мозгу, и она сделала еще шаг вперед, ближе к зазору между стенными пластинами.

— Дакарай? — громко позвала она. — Это ты? — Она вытянула руку и напрягла палец, лежащий на спуске. — Джаганнат? Ты все-таки сумел попасть наверх? Гарантирую, ты об этом пожалеешь!

Она прислушалась, но ничего не услышала. Подойдя ближе и слегка наклонив голову, Садики склонилась к узкому отверстию и

затаила дыхание.

Она ждала.

И в одно мгновение что-то огромное и белое вырвалось из стены, словно взрыв, неизмеримо больше и быстрее, чем мог различить ее взгляд, и хлестнуло ее по лицу, метя в глаза. Оно было таким большим, что Садики сначала показалось, что это сама стена каким-то образом ожила.

Ее зрение растворилось в жидкой красновато-черной ряби, а боль, словно когтистый штопор, начала ввинчиваться в самое основание черепа, расползаясь по спине и отдаваясь во всем теле.

Садики закричала от боли, рухнула на колени и начала неуклюже отползать назад. Ее палец надавил на спуск, она стреляла наугад, и за занавесью слепоты слышала металлический скрип и кружение вокруг себя, будто нечто более крупное, чем она когда-либо встречала, медленно выбирается из стены.

Потом она поняла, что это.

Волкочервь.

Стиснув бластер в правой руке, она провела запястьем левой по глазам, пытаясь прояснить взгляд, но это не помогло. Слепота поглотила остатки зрения и окутала ее полнейшей темнотой.

Пятясь, она отползала в дальний угол, дрожащей рукой выставив перед собой бластер. Садики затаила дыхание и прислушалась к приближающейся твари, отслеживая ее наступление исключительно на слух. Она могла ее слышать: пол вычислительного центра поскрипывал под гигантским весом существа, скользящего вперед с липким хлюпаньем.

Садики снова выстрелила — три раза, один за другим — и попыталась припомнить, сколько зарядов у нее в запасе. Модель KYD была рассчитана на семьдесят пять выстрелов, поэтому прямо сейчас недостаток боеприпасов ей не угрожал… но кто знает, сколько надо будет продержаться с одним лишь этим бластером?

Где-то в поредевшей тьме тварь снова пришла в движение. На секунду Садики подумала о том, чтобы вслепую добраться до двери в противоположной стене, — она решила, что сможет отыскать ее по памяти, но если она ошиблась…

Женщина прислушивалась, мысленно представляя себе червя.

А потом все звуки стихли.

Она снова нажала на спуск своего бластера, ощутила незначительную отдачу, но ничего не услышала. Во всей ее вселенной воцарилась мертвая тишина. Она как будто оглохла, а также ослепла, все чувства отказали ей в тот момент, когда она больше всего в них нуждалась.

И затем Садики поняла, что произошло.

Вычислительный центр каким-то образом перешел в режим звукоизоляции.

— Нет! — выкрикнула она в пустоту, но шумозащитные системы поглотили ее голос, сожрали его вместе с остальными звуками. Она не имела представления, где сейчас находится червь, далеко или близко, может, он уже в нескольких сантиметрах от ее лица, раскрыл пасть и готов заглотить ее.

Ее охватила паника, и она начала палить куда попало, перемещая оружие туда и сюда, яростно обстреливая окружающее ее огромное пространство тьмы, как будто могла каким-то образом проделать в нем дыру, пронзить толстый слой изоляции, сделавший ее абсолютно беззащитной.

Наконец отдача бластера прекратилась, и она поняла, что он разряжен.

— Нет! — снова прохрипела Садики, но ничего не услышала. — Нет...

Этого не может быть. Не может. Только не сейчас, ведь она так упорно трудилась и так далеко продвинулась в создании своей империи. С самого начала она предпринимала все меры предосторожности, рассчитывала любой риск, продумывала каждую мелочь... Чтобы кончить жизнь здесь, скрючившись в уголке, слепой, глухой и немой...

Слезы закапали из ее незрячих глаз, тело начала бить дрожь, и рассудок, и так достаточно зыбкий, стал все быстрее покидать ее. Она подтянула колени к груди, выставила перед собой руки, сжимая в ладонях бесполезное оружие, как будто, если держать его достаточно крепко, это может спасти ее.

Она так и сидела, когда пасть твари опустилась на нее.

67
ЕГО ПРИШЕСТВИЕ

Мгновение Мол молча смотрел на Радика. После столь долгих поисков вид гуманоида, стоящего менее чем в двух метрах, привнес определенную нереальность, как будто и он тоже мог оказаться не более чем миражом.

Радик оказался высоким мужчиной с синей кожей, блестящими черными волосами и сверкающими красными глазами. Он был одет в черный плащ, черные перчатки и сапоги, сделанные из толстой полированной рептильей кожи. Его худощавое холодное лицо будто вырезали из цельного куска вардиевой стали. Алые глаза глядели на Мола, а губы кривились в молчаливом высокомерии, говорившем о тысячах побежденных врагов и тысяче пережитых покушений.

Когтекрылы устроились за его спиной и у ног.

— Я вижу, ты нашел моих домашних любимцев, — произнес Радик. — Или они нашли тебя.

— Ты знаешь, что нашли они, — ответил Мол. — Ведь ты послал их за мной.

— Возможно.

— Пора уходить, — сообщил Мол. — «Бандо Гора» уже здесь.

— «Гора». — Лицо Радика напряглось от кратчайшей вспышки боли. — Ты сделал серьезную ошибку, приведя сюда этих паразитов. — Он взглянул на Эогана. — Отец мальчишки поплатился за это жизнью. Похоже, что теперь расплатой за них станет уже твоя жизнь.

Мол не сдвинулся с места.

— Ты мне не веришь? Или не веришь в силу, которой я обладаю?

— Ни то ни другое. — Мол сделал шаг вперед. — Просто выбор передо мной не стоит, как и перед тобой.

Он окинул взглядом мастерскую. В прошлый раз слепые заключенные на сборочной линии работали над различными деталями и узлами оружия; теперь же их осталось менее половины. Оставшиеся сидели неподвижно над частично собранным оружием, схватившись за стол так, что побелели костяшки пальцев. Подчиненные Радика бросили его и бежали в эти последние минуты? Или здесь бунт?

— Ты ошибаешься, — возразил Радик.

Мол снова заглянул в эти алые глаза. Какое-то время оба молчали. Затем вся тюрьма разом резко и сильно содрогнулась,

так сильно, что сдвинулись стеллажи и ровные ряды контейнеров у дальней стены. Радик не отрывал взгляда от Мола.

— Мы движемся к концу, — заявил Мол. — Если сейчас не начать действовать, мы все здесь погибнем.

— Мы погибнем в любом случае. — Радик приставил палец к груди Мола. — Не забывай, Джаганнат, ты все еще носишь в сердце взрывчатку. И твое время на исходе.

Он кивнул на пол под рабочим столом: Мол опустил взгляд и увидел остальных слепцов. Они лежали мертвые под столом, их пустые глазницы были обращены вверх, глядя в забвение.

— Что случилось?

— Могу предположить, что комендант Садики запустила «инициативу Омега». Это отказоустойчивый механизм, предназначенный для организованной детонации электростатических зарядов в сердцах всех заключенных.

— Включая тебя?

— Что ж. — Улыбка Радика была бритвенно-острой. — У меня есть то, что можно назвать специальным разрешением.

— Подождите, — встрял Эоган. — Так ты хочешь сказать... — Юноша взглянул на Мола, и его голос сделался тоньше. — Сколько у нас есть времени?

— Это зависит от твоего номера. Чем меньше номер, тем времени меньше. Но и твое время придет, я уверен.

— Значит, не станем тратить его попусту, — решил Мол. — У тебя в мастерской находится запрещенное ядерное устройство. Ты поможешь мне передать его в руки «Бандо Гора». Это все.

Помещение вновь содрогнулось, на этот раз сильнее. Лежавшие на полу слепые заключенные разом дернулись, будто судорога сотрясла космическую станцию.

— Почему мне следует изменить своей клятве никогда не иметь дела с сектой головорезов, пытавшихся убить меня? — осведомился Радик.

Не ответив, Мол прошагал мимо него к столу, где стоял ящик с синтетическими световыми мечами, брошенный работавшим с ними арестантом. Он достал один из них, вскрыл рукоять и вынул кристалл.

— Мальчик, открой пакет, — скомандовал он.

Эоган моргнул, а затем опустился на колени рядом с пакетом, который они принесли из грузового отсека. Разорвав обертку, он вынул продолговатую консоль и положил ее на пол. На поверку компрессор оказался гладким, ничем не примечательным корпусом с одним-единственным маленьким прозрачным куполом сверху.

— Ты понимаешь, что это новый геологический компрессор,

— сказал Мол. — Ты ждал, когда тебе пришлют его, и отправил за ним Слифера. — Не дожидаясь ответа, он поднял крышку и опустил внутрь синткристалл.

Ситх закрыл глаза, положил обе руки на компрессор, позволяя могуществу темной стороны течь сквозь себя; тем временем консоль нагревалась под его ладонями. Он ощущал, как кристалл внутри устройства меняется, как сдвигаются его атомы, делая прочнее кристаллическую решетку и образуя новые молекулы, как он становится совершенно другим под воздействием давления Силы.

Открыв компрессор, он вынул камень и поднял его вверх. Теперь камень выглядел иначе — темнее и тяжелее, его грани сияли более глубокими оттенками красного.

Мол вставил кристалл обратно в меч, установил на место остальные детали и поднял оружие вверх, нажав на активатор.

Оживший луч вырвался из его руки, наполнив мастерскую знакомым неровным гулом — в точности таким же, как в его сне. Клинок был прямым, прочным и реальным. Кости предплечья отзывались на его вибрацию — естественное продолжение собственной врожденной силы забрака.

Вытянув руку во всю длину, он позволил Радику осмотреть меч. Синее лицо торговца оружием изменило цвет в свете клинка.

— Поразительно! — прошептал он.

— Я могу показать, как это делается, — сказал Мол. — Но сначала мне нужно передать ядерное устройство. И нужно обезвредить заряды в моих сердцах — это может сделать меддроид.

— Что заставляет тебя думать, что...

— Нет времени препираться. Мы заключаем сделку или нет?

Радик пристально смотрел на него. Помещение еще раз тряхануло, и Мол заметил, как еще несколько осужденных повалились на пол поверх уже лежавших там тел.

Оружейник протянул руку.

Деактивировав меч, Мол вложил рукоять в раскрытую ладонь.

— Ядерное устройство в том ящике. — Радик кивком указал в сторону, на большой ящик, прикрепленный к стене в дальнем конце мастерской. Он не отрывал взгляда своих алых глаз от светового меча. — Вон там. В конце.

— Идем, мальчик. — Мол кивнул на ящик. — У нас мало времени.

— Постой, а как же заряды в наших сердцах? — спросил Эоган.

— Зайдем в медотсек по пути, — пояснил Мол, не отводя взгляда от красноглазого гуманоида. — Господин Радик

подготовит для нас дроида.

— Откуда нам знать...

— Это в его интересах. Если я умру, то не смогу показать ему то, что необходимо знать о световых мечах.

Не дожидаясь, пока Радик подтвердит сказанное им, Мол подошел к ящику и освободил его из креплений. Ящик был теплый на ощупь, внутри что-то тихонько гудело.

— Пойдем.

Эоган неохотно взялся за свой конец ящика, они подняли его и вынесли из мастерской. Впереди летел один из когтекрылов Радика, и они двинулись вслед за ним на верхние уровни тюрьмы.

Спустя совсем немного времени на их пути начали попадаться трупы.

68
ЗЛОДЕИ

— Джабба, — произнесла Комари Воса, глядя на голограмму. — Почему я не удивляюсь, видя среди всего этого тебя?

Голоизображение Джаббы возвышалось над ней, злобно глядя сверху вниз. Его приспешники — остатки гаморреанцев, не побежавших вслед за недавно освобожденными арестантами на кутеж в «Улье-7», — нацелили свои бластеры на солдат «Бандо Гора», стоявших у нее за спиной.

— Комари Воса! — прорычал криминальный авторитет по-хаттски, и его взгляд, из которого исчезло все веселье, шарил по группе солдат «Гора» в масках-черепах. — Что ты и твоя армия безмозглых приспешников здесь делаете?

— Нас сюда вызвали. — Воса обвела рукой ангар. — Я уверена, ты позволишь нам войти.

Джабба выругался по-хаттски.

— Зря ты так уверена, насекомое! Я раздавлю тебя, как мерзкого микроба, коим ты и являешься!

— Попытайся. — Слегка пригнувшись, Воса взялась за изогнутые рукояти световых мечей, что носила на бедрах, и одновременно активировала их, наполнив воздух вибрирующим электрическим шипением.

Произведенное ею впечатление — даже на самого Джаббу — было незамедлительным и мощным. Голо моргнуло, а когда изображение восстановилось, хатт махнул стоявшим рядом гаморреанцам и прокряхтел приказ убить: *«Дагвей! Кипуна!»*

Гаморреанцы открыли огонь с двух сторон, но верховная жрица «Бандо Гора» двигалась быстрее, чем они стреляли, быстрее, чем можно было заметить невооруженным взглядом. Адаптировав первую форму стиля «сорсу», она закрутила перед собой световые клинки, их лезвия легко поглощали и отклоняли летящие со всех сторон заряды.

Результат и в самом деле не вызывал сомнений. Метнувшись вперед, она вырезала бластер прямо из руки ближайшего бандита, отшвырнула его мощным пинком и, крутанувшись, рассекла оказавшегося за ее спиной трандошанина пополам точно по талии. Все это время на ее лице царило спокойное, почти расслабленное выражение, практически ничего не говорившее ни о том, что творится в ее голове, ни об истинной цели ее появления здесь.

Солдаты «Бандо Гора» бросились на прихвостней Джаббы,

сиявшие на их шестах зеленоватые огненные шары описывали в воздухе дуги и взрывались у морд ошеломленных гаморреанцев. Спустя несколько секунд сектанты расправились с наймитами Джаббы, оставив их тела вповалку лежать на полу причала.

— Теперь, — заявила Воса, возвращаясь к голоизображению и деактивируя мечи, — когда мы наказали плохих ребят, как я понимаю, ты позволишь мне закончить мои дела?

— Хорошо дерешься, джедайская дрянь, — проговорил Джабба, поднимая руки, будто собирался сдаваться. — Вижу, ты не утратила своих навыков.

— *Джедайская?* — Воса нахмурилась, и морщинка прорезала ее лоб, словно одно это слово впрыснуло ей собственную дозу боли. — Это слово для меня оскорбительно.

— Разве? — усмехнулся Джабба и попытался уколоть посильнее: — А как поживает твой разлюбезный мастер Дуку? Ты же его бывший падаван, и в твоем сердце должны сохраняться теплые чувства, ведь он так много для тебя сделал.

— Дуку. — Воса напрягла губы, и непоколебимая уверенность, владевшая ею лишь несколько секунд назад, начала ослабевать. Пришедшая ей на смену напряженность сделала лицо женщины угловатым, желтые глаза сверкнули. — Ты не смеешь произносить подобные непристойности в моем присутствии! Не сейчас и никогда.

— А! — Окрыленный ее реакцией, Джабба поднажал: — И все-таки мне интересно. Ты никогда не задумывалась, может, он до сих пор питает к тебе теплые чувства? Может, когда-нибудь он присоединится к тебе, чтобы возглавить твою армию банди...

— *Хватит!* — взорвалась Воса и на волне боли и гнева ринулась вперед и прошила голоизображение своими световыми клинками.

Хатт удовлетворенно хихикнул.

— В твоей душе кроются неведомые глубины, Комари Воса. Возможно, ты рассмотришь возможность союза?

— «Бандо Гора» ни с кем не заключает союзов.

— В прошлом вы действовали сообща с Гардуллой Бесадии. Помоги мне избавиться от нее, и, может быть, я позволю вам выбраться из этой тюрьмы живыми.

Воса покачала головой:

— Никогда.

— Ты будешь упорствовать в своей глупости до последнего. — Хатт невозмутимо кивнул. — Не ошибись, поганка. Я уничтожу тебя — когда настанет время. Сейчас оно еще *не* пришло.

— И не придет.

— Посмотрим. — Обведя рукой причал, голоизображение

Джаббы с легким смешком откинулось назад на репульсорной платформе. Это была снисходительная усмешка абсолютно ненадежного дядюшки, чье одобрение предвещало лишь предательство. — Я закончил свои дела в «Улье-7». Вы можете идти.

Но Восы уже не было — во главе своей армии она устремилась на верхние уровни, к поджидавшему там предмету. Она двигалась быстро, словно ее что-то преследовало — нечто, что могла видеть только она.

* * *

Так оно и было.

Укрывшись в своей личной тьме, Воса всегда действовала со скоростью и целенаправленностью, не ослабленными человеческими эмоциями. Недавно на причале голоизображение Хатта разбередило их кратко, но мучительно, со всей ясностью воскресив в ее памяти Орден и того, чье имя до сих пор причиняло ей невыразимую боль.

Комари ненавидела себя за реакцию на эти слова. Ее первый и самый устойчивый инстинкт — похоронить боль, утопив ее так глубоко в подсознании, чтобы та не могла больше задеть ее, — не сработал так, как следовало.

Она не предполагала, что когда-нибудь еще ей станет так больно.

Направляясь вверх по пустым коридорам «Улья-7», она чувствовала, как в ее решимости образуются трещины.

«Надо поднажать».

Да. Лишь это имеет значение. Ныне орден для нее мертв, он всего лишь призрак ее далекого прошлого. Как и ее бывший учитель, ее заклятый враг, о котором она думала как об отвратительной личности, а не как о том, кто некогда имел для нее значение… хотя воспоминания о его лице и о тех временах, когда они были заодно, до сих пор довлели над ней. Думая о нем, Комари ощущала в своей груди нечто — какое-то смятение, преобладавшее над самыми базовыми эмоциями. Проклятый хатт упомянул ее мастера, снова вытащив эти мысли.

Но поворачивать назад поздно. В непривычном приступе мазохизма Воса намеренно позволила себе мысленно повторить это имя, будто касаясь кончиком языка больного зуба, лишь единожды: «Дуку» — и отбросила его.

Оглянувшись на капитана, который следовал за ней с неизменной верностью, и на выстроившихся за ее спиной бойцов в масках-черепах, верховная жрица убедила себя, что поступает правильно. Теперь у нее новые союзники, новые клятвы на крови, она предводитель непобедимой армии бойцов, которые охотно отдадут за нее жизнь.

Этого достаточно.

69
В КОНЦЕ СПИСКА

Транспортировка ящика заняла больше времени, чем планировал Мол.

Приходилось перешагивать через мертвые тела.

Холл был завален ими. Везде, куда бы ни падал взгляд, заключенные «Улья» валились на пол с расслабленными и безжизненными лицами, бесцеремонно грохаясь на кучи уже мертвых заключенных, чьи электростатические заряды: сработали раньше. Запах смерти усиливался, и космическая тюрьма стала превращаться в гигантский космический склеп. Указывавший им путь когтекрыл иногда садился на пол рядом с каким-нибудь мертвецом, чтобы выклевать у него глаз.

Еще не все стихло. Издалека, из коридоров, ведущих к камерам, до Мола доносились разрозненные вскрики и зов о помощи — вероятно, призывы тех, кто еще не умер, или примитивные вопли новоприбывших осужденных, которых Джабба освободил с баржи, — тех, у которых не было заряда в сердце. Один раз донесшаяся до них бластерная пальба резко оборвалась, сменившись диким всплеском визгливого, сумасшедшего хохота.

В последние часы «Улья-7» в тюрьме воцарилось безумие. В двадцати метрах перед ними группа арестантов — Мол узнал в них оставшихся в живых членов «Королей костей» и «Силы тяжести», сбившихся вместе в последние моменты своей жизни, — вывалила толпой из столовой, таща украденный оттуда гигантский котел с горячим варевом. Они прошли мимо Мола и Эогана, едва покосившись на них. Никто их не остановил. Охранники из тех, кто выжил, казалось, попрятались.

Правда, до Мола продолжали доноситься непрекращающиеся вопли. Он спросил себя, может, это новоприбывшие заключенные где-то заперли охранников и медленно пытают их?

Или, возможно, они повстречали червя.

Когда они приблизились к дальнему концу галереи, Эоган стал поглядывать вниз, пытаясь прочитать номера на робах мертвецов, как будто это могло дать ему представление о том, насколько далеко зашел процесс. Даже Мол — несмотря на то, что был сосредоточен на своей текущей задаче, — поймал себя на мысли, сколько еще ему осталось. Ведь поединков, ради которых стоит его беречь, больше не будет.

— Медотсек вон там. Еще не поздно. Дроид-хирург сможет...

Мол замер — не из-за неуверенности; он просто распространил свои чувства, чтобы понять, где находится в данный момент «Бандо Гора». Где-то на самом краю восприятия его кольнул приступ беспокойства, ментальный укол, который он отчетливее всего связывал с теми моментами в здании «ЛайМердж», когда глядел из окна на возвышающийся в отдалении Храм джедаев.

«Комари Воса здесь. И уже очень близко».

Да, он хотел бы завершить задание, данное ему учителем. Но вероятность того, что он упадет замертво из-за чего-то такого невыносимо ничтожного, как электростатические заряды, вживленные в его сердца, прежде, чем сумеет сойтись в поединке с грязным экс-джедаем, прибывшим сюда для встречи с ним, — этого даже сам Мол не мог вынести.

И в конце концов он принял решение.

— Идем в медотсек, — распорядился он, кивнув и не обратив внимания на облегчение, мелькнувшее на лице мальчишки при этих словах. — Быстро.

70
УБИЙСТВЕННАЯ ЛУНА

«Ждите».

Комари Воса подняла сжатую в кулак руку, даже не оглянувшись на следовавших за ней воинов «Бандо Гора», и отряд остановился.

Они уже добрались до основного уровня тюрьмы, где располагались камеры, не встретив практически никакого сопротивления от оставшихся обитателей станции. Не то чтобы она ожидала сопротивления. Похоже, окружавшие их заключенные умирали все быстрее и быстрее — падали на колени, успевая лишь всхлипнуть. Мертвые тела воскресили в ее памяти Богден, похоронную луну, столь много изменившую в ее жизни.

Из кучки вооруженных маньяков, с которыми они столкнулись в технических коридорах тюрьмы, лишь один или двое сумели хоть что-то противопоставить ее бойцам. При помощи своих шестов «Гора» выпотрошили их и разорвали на куски, исполнив приказ Босы с бездумной и непоколебимой покорностью, которую она вбивала в них лично. Все произошло быстро: внезапный всплеск насилия, а после него — тишина.

Наблюдая за тем, как они выполняют свою мрачную и кровавую работу, она не испытала никакой гордости, хотя это зрелище и уняло какую-то темную и атавистическую жажду в ее душе — жажду установить контроль над ситуацией и навязать событиям свою волю. Для нее стабильность и власть никогда не являлись целью, она неустанно стремилась к абсолютному мастерству. После случившегося с джедаями и ее бывшим учителем она больше никогда не позволяла себе утратить над собой контроль. Это было бы равносильно самоубийству.

Теперь она застыла неподвижно, ее ум погрузился в затянутые рябью потоки Силы, пока не обнаружил причину самого ярко выраженного волнения.

Здесь был Мол.

Ближе, чем она надеялась.

И после того как она отыщет его и завладеет оружием, ради обретения которого ее призвали сюда, она убьет его.

Охотно.

Поэтому она проинструктировала воинов, отдав беззвучную телепатическую команду двигаться дальше по коридору. Ее сердце теперь забилось быстрее и повлекло ее вперед. Именно это

чувство необходимости и помогло ей пережить то, что случилось потом.

Завернув за угол, она увидела его — существо, каким-то образом оставшееся за пределами ее способностей, дарованных Силой.

Сопровождавшие ее воины застыли.

Тварь, с которой они столкнулись, представляла собою колоссальный студенистый ужас, ее всепоглощающее присутствие заполнило собою все пространство. Боса поняла, что это какой-то вид беспозвоночного — белый червь пятиметровой высоты и, возможно, раза в три длиннее; его крючковатые челюсти, похожие на челюсти пиявки, сейчас были набиты еще шевелящимися телами арестантов, которых он в данный момент пожирал.

Тварь обернулась к ним, подняв свою отвратительную слепую голову с резким рывком, из-за чего от туловища, которое она ела, оторвались ноги и шлепнулись на пол. Когда она метнулась вперед, распахнув пасть, «Гора» на бросились на нее со своими шестами, яростно атакуя энергетическими шарами, которые взрывались на скользкой пульсирующей коже червя, не останавливая его.

Он отпрянул, распластался по полу, а потом рванул вперед со скоростью, не соответствовавшей такой большой рыхлой туше. Не успела верховная жрица скомандовать своим солдатам отойти, как червь раскрыл рот и всосал в свою пасть двух ее воинов.

Воса активировала световые мечи и, пригнувшись, бросилась на него. Вонзив оба клинка в брюхо твари, она проделала в нем глубокие рваные раны. Оттуда начала сочиться бледно-желтая жидкость, липкая и вязкая, и одновременно Воса осознала, что слышит голос — или голоса — червя у себя в голове, запутанную литанию, сплетенную из угроз и просьб о пощаде.

Джедай... джедай здесь...

Убей нас, джедай...

Освободи нас...

...сожру... вырву легкие из твоей груди...

...мозг высосу... исторгну крик с твоих губ...

Сожру тебя с потрохами...

Воса снова набросилась на чудовище, ее клинки ожили в ослепительной, уравновешенной технике «джар'каи», что так хорошо служила ей в прошлом. Подняв руки и вращая обоими лезвиями с ураганной скоростью, она кинулась в лобовую атаку на брюхо червя. Его внутренности, колышась, выплеснулись наружу и затопили весь коридор, дойдя ей до лодыжек. Несмотря на это, воительница не отступила и даже не сбавила темпа — скорее, она полностью отдалась атаке, позволив убийственной

ярости перенести ее в состояние одержимости и сделать тело невесомым.

Тяжелораненый червь снова попятился, будто нападавшая причинила ему невиданную боль. Он ринулся вбок и быстро втянулся в пролом в стене.

На мгновение Воса застыла, сжимая в руках активированные мечи, за спиной стояла ее армия — все они ждали, что будет дальше. Бежала ли тварь для того, чтобы забиться в угол и там умереть? В этот момент жрица позволила себе решить, что бой — по крайней мере, часть его — окончен.

Затем над ними зашевелился потолок.

Ее солдаты, все как один, запрокинули головы и посмотрели вверх.

Потолок взорвался изнутри, червь упал и с оглушительным треском растекся по воинам, придавив их к полу лавиной своей плоти. Воса сразу поняла, что недооценила хитрость твари, и осознала, что означают эти спутанные голоса в ее голове — столкновение эмоций и жизненных навыков заключенных и чистого, жестокого инстинкта, которые входили в его коллективный разум. Оставшиеся воины «Бандо Гора» попятились, сжимая свои шесты, на мгновение потрясенные и ожидавшие новых приказов.

Стоя перед тварью, Воса выжидала. Червь поднял голову, его челюсти отчетливо пощелкивали от энтузиазма. С такого расстояния Воса сумела разглядеть, что нанесенные ею раны уже начали покрываться коркой и заживать.

Затем тварь открыла рот и насколько возможно растянула челюсти.

Результат был ужасающ. В тот момент червь словно превратился в одну громадную зияющую пасть, вся его голова представляла собой гигантскую черную дыру, которая — на мгновение — показалась размером с весь коридор.

На этот раз даже бойцам «Бандо Гора» недостало скорости.

Червь втянул их в себя, в гигантский хлюпающий вакуум, в мгновение ока опустошив пространство вокруг Восы.

Она же устояла, держа световые мечи на изготовку, и мысленно потянулась к твари, к той частичке сознания, которой та, возможно, обладала.

— Что ты такое? — спросила она вслух, пораженная звуком собственного голоса, и хотя едва ли ожидала ответа, он последовал за порывом разноголосого шепота и шелеста:

Мы...

...то, чего...

...ты боишься...

…больше всего…

Воса сделала глубокий вдох. Внутри у нее расползался жуткий холод, которого она не ощущала с тех первых дней на Богдене, когда палачи «Гора» трудились денно и нощно, чтобы сломить ее дух, растерзать тело, поставить ее на грань безумия, а в конечном итоге и за грань, превратив в то, чем она стала. Момент был мучительный. Словно она заглянула в зеркало и увидела две свои сущности: ту, кем она некогда была под руководством Дуку и Совета джедаев, и ту, в кого превратилась. Ее собственное, не знающее жалости лицо отражалось в бездушных, жадных мандибулах неумолимого хищника.

Мы — это ты.

— Нет! — выдавила она, но было уже слишком поздно.

Он снова метнулся вперед, сделав один быстрый выпад, и Воса отреагировала без раздумий, инстинктивно использовав Силу, чтобы отпрыгнуть назад, так что между ней и тварью оказалось метров двадцать. Такого расстояния оказалось достаточно, чтобы убежать сломя голову, не оглядываясь.

Возвращаясь мыслями к последовавшему за этим водовороту событий, когда само время стало размытым и осознанные мысли совершенно выветрились из головы, Воса крайне мало могла вспомнить. Никогда раньше она так не улепетывала от противника — возможно, потому, что чувствовала себя полностью дезориентированной.

Она так отчаянно пыталась убежать не только от самого червя, но и от всего, что он включал в себя, — последний приют, где ее личность растворится во мраке убийц, криминальных авторитетов, тиранов и безликого сброда, чьи мучения в конечном счете станут для нее такими же привычными, как и собственные. В конце концов она превратилась бы просто в еще один голос, взывающий из нутра гигантского раздутого туннеля этого существа.

Наконец ее шаги замедлились, и она восстановила контроль над собой.

Решимость пришла быстро. Никто и никогда не узнает о том, что здесь случилось. Ведь нет никаких причин рассказывать об этом.

Прибыть сюда было ошибкой.

Она уже приняла решение улететь и искала выход к кораблю, когда услышала доносящиеся из коридора вопли, — а когда они стихли, голос того, с кем ей поручено было встретиться.

Мола.

71
БОЛЬШЕ, ЧЕМ СУММА ЕГО ЧАСТЕЙ

Медицинского дроида нигде не было.

— Подожди, — попросил Эоган. Он опустил на пол свой край ящика и быстро прошелся по медотсеку в поисках GH-7, как будто дроид мог где-нибудь спрятаться. — Ты сказал, что он может деактивировать заряды. Куда он запропастился?

Мол промолчал. Он предполагал, что Радик встретится с ними в медотсеке, чтобы обезвредить заряд в его груди: по выражению лица Радика ситх понял, что тот нуждается в его глубоких знаниях о световых мечах. Что означало, что оружейнику он нужен живым, по крайней мере, до тех...

ТРРРРРЕЕЕСК!

Стены содрогнулись так сильно, что Молу пришлось схватиться за дверь. К этому моменту уже вся тюрьма беспрестанно раскачивалась. В стенах и потолках разверзались дыры, сквозь которые проглядывали дымящиеся и искрящие оголенные провода.

— Джаганнат...

Мол повернулся и взглянул на мальчишку: тот уставился на сожженные детали, сваленные в кучу на полу. Эта с виду совсем небольшая кучка — все, что осталось от дроида, ради которого они сюда шли. Голову и манипуляторы GH-7 вырвали с мясом, а все остальное подожгли — он расплавился, превратившись в кучку шлака.

— Что с ним случилось? — Судя по тону, Эоган мгновенно впал чуть ли не в истерику. — Надо его починить!

— Это невозможно, — произнес низкий голос за их спинами.

Мол с Эоганом развернулись к двери, через которую только что вошли. Там стоял Радик, холодно глядя на них; его синяя кожа блестела. Под взглядом Мола Радик широко развел руки, позволив своим когтекрылам сесть на них, и десяток или более птиц взгромоздились на него от плеч до запястий. Пернатые черные тельца и пронзительные бездушные глазки точно отображали характер их хозяина. Они издавали тихие, тревожные, голодные звуки.

— Что случилось с дроидом-хирургом? — спросил его Эоган.

— Догадываюсь, что его раздербанили взбунтовавшиеся заключенные, — ответил Радик. — Вряд ли сейчас это имеет значение. Ты ведь заключенный 10009, верно? — Оружейник снова поднял голову, встретил отчаянный взгляд юнца и покачал

головой. — Я думаю, твой номер на подходе.

— *Нет!* — завопил мальчишка и кинулся на него с кулаками, но удар прошел мимо: у Радика было много времени, чтобы уклониться. Когтекрылы немедленно сорвались с его рук и с воплями и карканьем набросились на Эогана, метя в глаза. Парень яростно замахал руками, пытаясь отогнать птиц, но их было слишком много. Мол слышал за спиной голодные, жадные возгласы, которые они издавали, клюя лицо и руки юноши. Медотсек содрогнулся сильнее — он как будто сдвинулся с места от внезапного мощного натиска.

Мол выбросил вперед руку, сгреб Радика за грудки и притянул к себе:

— Отзови их!

Затем он почувствовал, как в ладони Радика активировался световой меч. Радик выставил оружие перед собой и замахнулся на Мола. Мол поднырнул, лезвие прожужжало у него над головой.

— Один последний поединок, — произнес Радик, делая шаг вперед. — По-моему, комендант Блирр это одобрила бы, ты не находишь? — Он сделал паузу, чтобы полюбоваться лезвием в своих руках. — То, что ты сделал, просто потрясающе, Джаганнат, ты это знаешь? Ты должен раскрыть мне свой секрет.

— Подойди ближе, и я раскрою.

Губы Радика дернулись в легкой усмешке:

— Ты бы хотел этого, не так ли?

Мол просто смотрел в его красные глаза, оценивая расстояние до противника.

— Когда дело доходит до оружия, — продолжал Радик, — я гордец. Но... — он повернул лезвие, внимательно разглядывая его со всех сторон, — я не нахожу для себя зазорным признать работу мастера, когда вижу ее. Конечно, дело не только в геологическом компрессоре. Так расскажи мне, Джаганнат, как получилось, что ты точно знал, что требуется моим синткристаллам, чтобы заработать в полную силу?

Все тело Мола мгновенно пришло в движение. Схватившись за какой-то диагностический прибор за своей спиной, он откинулся назад и, выбросив вверх ногу, впечатал ее в грудь Радика.

Охнув от неожиданности, Радик отлетел назад и врезался в стену, меч выпал из его руки. Мол поймал его в воздухе и описал лезвием круг, поскольку когтекрылы со всех сторон налетели на него, пикируя на лицо и горло, рвали когтями и клювами.

Забрак развернулся, алый клинок превратился в размытое пятно, которое шинковало птиц так, что только трупики падали на пол, а твари налетали с пронзительными криками и

карканьем. Спустя несколько секунд в воздухе закружились черные перья. Ногами Мол отшвырнул тельца назад и протянул конец меча к Радику — он распростерся на полу, откинув голову набок и обнажив пульсирующую вену на шее.

— Джаганнат, — с трудом позвал другой голос откуда-то сзади, и Мол услышал тихий стук.

Держа лезвие у горла Радика, Мол взглянул на рухнувшего Эогана. Некогда гладкое лицо юноши было исполосовано кошмарными царапинами от нападения птиц, но не это убило его. Он неподвижно лежал на полу неподалеку от разрозненных останков дроида, который мог бы спасти его.

Для мальчишки все было кончено, и Мол это видел. Глаза Эогана еще оставались открытыми, но уже начали стекленеть. Губы шевельнулись, как будто он до сих пор пытался что-то сказать, сделать какое-то последнее заявление или попросить о чем-то, когда заряды наконец сработали в его сердце.

— Очень жаль. — Радик покачал головой. — Не то чтобы он не заслуживал этого. Что папаша оказался никчемным куском мяса, что он. — Торговец снова поднял голову и взглянул на Мола. — Продолжим поединок?

Еще один, последний раз Мол взглянул на труп Эогана. В конце концов, он чувствовал себя обязанным юнцу; что касается сострадания и жалости — сейчас они были чужды ему так же, как всегда. Тем не менее Эоган пошел вместе с ним до конца, и кое-какие из обстоятельств его смерти нуждались в том, чтобы навести в них порядок.

Он поднес световое лезвие ближе к горлу Радика:

— Этот поединок окончен.

Радик ухмыльнулся:

— Еще нет.

Мол не видел, откуда в руке Радика возник бластер. Он был карманной модели, очень маленький, и оружейник, должно быть, прятал его в рукаве. Выстрел в упор прошил мышцы в плече забрака и отбросил того назад, из раны во все стороны брызнула кровь.

— Отдай мне меч! — велел Радик. — Немедленно.

Мол попытался сжать пальцы правой руки. Поскольку ткани и нервы в его плече были повреждены, он сомневался, сумеет ли провести атаку до того, как Радик выстрелит снова. На таком расстоянии все, что ему надо было сделать, — один выстрел.

— Как хочешь. — Оружейник прицелился ему в лицо. — Тогда я заберу его из твоих мертвых рук.

Мол видел, как его ладонь крепче сжала оружие, как побелела костяшка пальца, лежавшего под спусковой скобой, и

внезапно уловил тихий возглас — это юнец вскочил и бросился на Радика. Эоган врезался в него под таким углом, что Радик не мог его видеть до момента удара, и действовал достаточно быстро, чтобы навалиться на синекожего гуманоида и обездвижить, а сам в это время схватил его ладонь, державшую бластер, и принялся выворачивать ее вместе с оружием.

— Нет! — прорычал Радик, пытаясь локтем оттолкнуть противника, не выпустив при этом оружия. — Нет! *Нет!*

Парень не стал тратить дыхание на ответ и не стал пытаться отнять бластер у Радика. Он сжал челюсти и плотно стиснул губы, налитые кровью глаза сосредоточились на непосредственно стоящей перед ним задаче. Эоган просто сжал ладонь, держащую бластер, и поворачивал оружие к его владельцу, пока Мол не услышал, что кости в запястьях Радика хрустнули, а ствол не уставился прямо тому в лицо...

...и произвел одну-единственную ослепительную вспышку.

Голова Радика дернулась вбок и исчезла в облаке крови и ошметках мозга, брызнувших на расположенную сзади стену. Его труп упал набок, превратившись в бесформенную кучу, мальчишка отполз от него, а затем встал, вытирая руки о штаны, и медленно, судорожно вздохнул.

— Теперь... — он повернулся к Молу, — я думаю, что мы квиты.

Мол бросил взгляд на его грудь, и Эоган пожал плечами:

— В первый раз, когда мы с отцом пытались бежать, дроид воткнул иглу мне в грудь. Должно быть, этого оказалось достаточно, чтобы деактивировать заряды.

— Ты знал? — поинтересовался забрак.

— Я хотел убедиться. — Эоган нагнулся и вынул бластер из мертвых скрюченных пальцев Радика. — Как твое плечо?

Мол ничего не сказал; мальчишка указал подбородком вперед и обернулся. В этот момент Мол понял, что кто-то стоит в дверях медотсека и наблюдает за ними. Он не знал о ее прибытии до этой самой секунды, но теперь осознал полностью.

— Комари Воса. — Имя слетело с его скривившихся губ словно проклятие. — Ты пришла.

72
ВЫДЕРЖАТЬ!

— Мол. — Воса сделала шаг в медотсек и оглядела мертвое тело оружейника и стоявшего над ним парня. — Я вам не помешала?

Не обратив внимания на этот вопрос, забрак взглянул на изогнутые рукояти световых мечей на ее бедрах.

— Ты носишь на поясе свое наследие.

— Не наследие, — поправила женщина, — а средство к существованию.

— Мой учитель предвидел нашу встречу, — сказал Мол. В груди начала обретать форму новая напряженность, заполняя легкие и разбегаясь по конечностям до самых кончиков пальцев, словно проявление самой темной стороны. — У нас с тобой одно общее дело.

Комари Воса держалась уверенно, лицо напряжено, тело готово напасть.

— Единственное, что я сейчас должна сделать, — немедленно уничтожить тебя.

Он прыгнул на нее и взмахнул мечом; жужжа, меч описал нисходящую дугу и на середине замаха наткнулся на ее меч. Воса была готова к бою — клинки сшиблись, защитная стойка, в которую она встала сразу, поглотила атакующий импульс и отбросила Мола назад. Краем глаза Мол заметил, как Эоган поднял бластер Радика, но не успел даже слова сказать. Жрица «Бандо Гора» протянула руку, при помощи Силы выбила оружие и швырнула мальчишку об пол.

— Не лезь в это, — предупредила она его, — и будешь...

В медотсеке отдалось эхо оглушительного треска, за которым последовало несколько менее громких ударов. Как будто «Улей-7», потеряв интерес к обыкновенным реконфигурациям, решил избавиться от нескольких этажей.

— Подожди, — заговорил Мол, — я вызвал тебя сюда, чтобы передать оружие, а не...

Но Воса уже снова пришла в движение: сделала кувырок назад, вращение и уклонение. Он пытался защититься, и его лезвие прорезало воздух. Он понял, как именно она действует: использует Силу и свои отвратительные взаимоотношения с ней, — и лишь укрепился в решимости закончить этот бой раз и навсегда.

— Ты слаб, — издевалась она, подаваясь назад и вынуждая

его атаковать. — Из-за раны ты стал медлителен. Даже твое оружие предает тебя.

Мол наседал, больше полагаясь на левую руку, стремясь сберечь правую до момента, когда будет нуждаться в ней больше всего. Но Боса, казалось, предвидела любое его движение: она припала к полу, а затем устремилась вверх, в пространство между диагностическими аппаратами в углу медотсека.

Нижняя губа Мола оттопырилась, обнажив зубы. Если необходимо повергнуть Комари Босу, чтобы передать оружие в руки «Бандо Гора», да будет так. Крепче сжав рукоять светового меча, он расправил плечи и снова пошел в атаку, его клинок произвел несколько филигранных выпадов. Боса снова атаковала, вращая обоими клинками.

— «Джар'каи»! — прорычал Мол, автоматически отражая ее удары. — Предсказуемо.

Его меч устремился вниз, но в этот момент тюрьму снова встряхнуло, медотсек завалился набок, заставив обоих потерять равновесие. Боса оправилась первой, она бросилась назад, снова слишком быстро, и скорость, благодаря которой она ушла от нападения, лишь разожгла ярость Мола, послужила пищей для гнева, пока из того не выкристаллизовалась своеобразная зловещая грация.

Теперь он держал меч обеими руками, введя в дело раненую правую руку и изо всех сил стиснув рукоять. Пришло время «джуйо», «пути ворнскра», последней из семи форм боя на световых мечах. Он ухватился за нее с жадностью, позволив себе раствориться в вихре хаотичных фронтальных атак, выпадов, косых ударов и уколов.

— Мол... — Дрожь нового страха пробежала по лицу Босы, разрывая ее самообладание, как будто она в конце концов осознала всю полноту и свирепость его намерений.

Отбежав назад в отчаянной попытке провести маневр уклонения, Боса взмахнула за спиной одним из клинков, отделив от стены тяжелую полку с хирургическими инструментами, и, взмахом руки призвав Силу, обрушила этот сверкающий стальной шторм на противника.

Мол поднырнул под поток летящего металла и отшатнулся, сдавленно рыча. По его мнению, поединок уже давно исчерпал себя. Соперница оттягивала неизбежное поражение, создавая мелкие, унизительные для себя моменты. Обращаясь к отвлекающей тактике, Боса не желала признавать, что не справляется с вихрем переменчивых коротких ударов, которые он наносит ей, кажется, сразу со всех сторон.

«Убей ее. Убей немедленно. Тогда ты сможешь передать

оружие любому из оставшихся „Бандо Гора“».

Легко развернувшись, забрак качнулся к женщине, и темная сторона теперь заструилась сквозь него столь мощно, что казалось, будто она льется широким стремительным потоком. Его клинок двигался так быстро, что за ним почти невозможно было уследить, разрезая воздух вокруг противницы на большие веерообразные куски. Все окружавшее дуэлянтов, весь мир, казалось, распадался на куски.

Воса пригнулась еще ниже и выбросила ногу, сделав последнюю бесплодную попытку лишить его равновесия, и его меч обрушился вниз, нарисовав огромную жадную дугу; этот момент длился достаточно, чтобы успеть насладиться выражением ее лица.

— Проси пощады. Немедленно.

— Прости. — Она задрала подбородок, вытерла с губы кровь и улыбнулась. — Попробуй что-нибудь гораздо более жесткое.

Не успел он ответить, ее макушка врезалась ему в плечо, прямо в открытую рану. Ракета ослепительно-белой ярости взорвалась в мозгу забрака, напрочь стирая мысли. Он взревел и приготовился прикончить ее.

В этот момент пол под их ногами вспучился, металлические пластины разошлись в разные стороны, открывая нечто настолько огромное и непостижимое, что Мол даже не узнал его, пока оно не попыталось откусить ему ногу.

Потрясенный, он смотрел, как это существо вздымается вверх, и вот уже его нога оказывается в отвратительной присоске его рта.

Червь.

Его появление дало Комари Восе последнюю возможность, необходимую, чтобы исправить положение и сбежать: она прыжком взвилась вверх и оттолкнулась от расположенной сзади стенной консоли.

«Слабовольная, трусливая джедайская погань, — раздался голос в сознании Мола. — Вот так ты бежишь при первом признаке...»

Спустя долю секунды мысль прервалась, когда он понял, что она не собиралась удирать.

Она устремилась к червю.

73
РАЗРУШИТЕЛИ

Световые мечи затанцевали перед лицом Комари Восы; она приземлилась на тварь сверху, ее ноги, обретя устойчивость, с противоестественной легкостью проткнули верхнюю часть его головы.

Внизу Мол вывернулся из пасти монстра, стремясь снова восстановить равновесие. Он услышал крик и бросил взгляд через плечо: тварь всем своим чудовищным весом перекатывалась на бок, стремясь зажать под собой «наездницу».

«Червь поворачивается, и костей все больше».

Все гигантское тело отвратительного существа свилось в кольца в попытке придавить женщину к полу и пожрать ее. С дальней стороны медотсека Эоган изо всех сил палил по червю из бластера, взятого из мертвых рук Радика, но это ни в малейшей степени не влияло на происходившее с Комари Восой.

Червь намеревался съесть ее живьем.

Мол встретил взгляд Восы. Он увидел, что даже сейчас, несомненно в последние минуты ее жизни, в ней не было и намека на страх. Наблюдая за ней, Мол понял, что к гневу, который он разжег в себе, примешивается незнакомое чувство сопричастности — примитивное, но непреодолимое.

Она не была джедаем.

Она не была ситхом.

Она была кем-то совершенно другим, и идея предоставить этому червю право оборвать ее жизнь в данный момент казалась недопустимой. Для Мола — недопустимой. Сегодня — недопустимой.

Он бросился на сайрокса, отведя вбок импровизированный световой меч, который сжимал обеими руками, и вонзил его прямо в разверстую пасть твари, описав клинком широкий круг. Казалось, правая рука горит в огне. Правое плечо вопило от боли. Мол не придал этому значения и снова описал мечом мощную дугу, вырезав зубы из чудовищного рта, пронзил изнутри челюсти, затем принялся кромсать под другим углом, пока не покрошил чудовищную пасть на куски.

Эффект проявился сразу. С пронзительным криком, воспринятым Молом одновременно на слух и мысленно, червь содрогнулся, резко ударил хвостом и перекатился на бок, будто озадаченный тем фактом, что его — после всего того, что произошло, — каким-то образом сумели превзойти.

Наконец он упал и остался лежать неподвижно.

Мол отполз, постаравшись оказаться как можно дальше от пасти твари, и увидел, что Комари Воса следит за ним с противоположного края медотсека. Она выглядела опустошенной, но торжествующей.

— У тебя получилось. — Она откинула со лба перепачканные кровью волосы и зло усмехнулась. — Ты убил его.

Мол ничего не сказал. Его взгляд переместился с гигантской мертвой туши червя к Эогану Труаксу, напомнив то, что было забыто.

— Это не имеет значения.

Она нахмурилась:

— Почему?

— В оба моих сердца имплантированы электростатические заряды, — пояснил он. — Они взорвутся в любую секунду.

— Но...

— Я скоро умру. — Он перевел взгляд на ящик у противоположной стены медотсека. — Вон там материал для оружия. Забери его. — Что-то сжалось у него внутри, он отвернулся и направился к двери: — Передавая тебе оружие, я поступаю согласно воле моего учителя.

— Постой, — окликнула его она и осторожно двинулась следом, выставив вперед поднятые руки. — Какие электростатические заряды?

— Ты ничего не сможешь сделать.

— Мол, стой.

Что-то в ее голосе заставило его замереть в дверях.

— Теперь я понимаю, что ошиблась, напав на тебя. Когда ты заявил, что хочешь передать оружие в наши руки, я ожидала обмана или ловушки. — Ее голос слегка дрогнул. — Я не привыкла, что мне оказывают такое большое доверие.

Мол ничего не сказал.

— Я владею Силой, ты знаешь. — Судя по голосу, Воса подошла ближе. — Может быть, есть что-то, что я смогу в конце концов сделать.

74
ДИАСТОЛА

Комари Воса протянула руки, чтобы коснуться ладонями его груди, и Молу пришлось подавить инстинктивное желание с силой оттолкнуть ее.

— Не двигайся, — предупредила она, закрыв глаза. — Чтобы все получилось, я должна заглянуть внутрь.

Забрак заставил себя не шевелиться, стиснул зубы и вытянул руки по швам. Он чувствовал, как слаженно бьются его сердца, как сокращаются сердечные мышцы, желудочки перекачивают остаточный адреналин после боя, отсчитывая последние жалкие секунды его существования.

Но теперь внутри его находилось что-то еще — слабое, зондирующее присутствие, которое он определил как телепатическое присутствие самой Восы, обследующей его сердечные камеры.

— Что ты?.. — хотел было задать вопрос из-за его спины Эоган.

— Тихо. — Она выждала, а затем взглянула на Мола. — Задержи дыхание.

Сквозь стиснутые зубы Мол поинтересовался:

— Зачем?

— При дыхании твои органы приходят в движение, а у меня есть только одна попытка. — Подняв ладонь, она развела пальцы, а затем свела, будто хватая что-то невидимое. — Твои сердца постоянно находятся в движении. У меня будет меньше секунды, когда все четные сердечные камеры будут в состоянии покоя.

Мол ощутил в левой части груди боль, граничащую с шоком. Он поборол желание как-то отреагировать — на это потребовалась вся его сила воли до последней капли, — а затем все прошло.

Воса открыла глаза и посмотрела на него:

— Вот и все.

— Ух ты! — сказал Эоган — на него это явно произвело впечатление. — Как ты это сделала? А ты уверена, что обезвредила оба?

— Нет. Но если я ошиблась, это скоро выяснится. — Она взглянула на стоявший на полу ящик. — Давайте унесем это отсюда, пока никто из нас не упал замертво.

* * *

Путь обратно в ангар прошел большей частью без приключений. Они несли ящик втроем, Эоган помогал Молу, у которого отказывала правая рука, и они быстро преодолели весь путь. Лишь однажды им встретилось свидетельство того, что здесь еще остался кто-то живой, — в тюремной мастерской вооруженные до зубов новоприбывшие заключенные без особого успеха дрались с последними выжившими охранниками. Насколько мог судить Мол, охранники побеждали, но лишь потому, что хорошо знали «поле боя». Он без особого интереса наблюдал, как два офицера из управления исполнения наказаний неожиданно набросились на какого-то арестанта сзади и сунули его в огромный станок. Заключенный не успел даже вскрикнуть.

Пол вдруг накренился у них под ногами. Из-за стен раздалось знакомое клацанье шестеренок.

— Что это? — спросила Воса, в одиночку тащившая свой конец ящика.

Забрак с Эоганом обменялись одним-единственным взглядом. Юноша кивнул, показывая вперед:

— Это значит, что нам надо поторопиться.

Когда они добрались до коридора, ведущего в ангар, стены уже начали дробиться, скользить в разные стороны и сталкиваться друг с другом в неудачных попытках выстроиться в новые уровни и этажи. Лязг и скрежет стали почти оглушительными. Воса бросала по сторонам дикие взгляды, когда приходилось перешагивать через разверзающиеся в полу провалы. Гигантский металлический ландшафт била беспрестанная неровная дрожь.

— Это нормально?! — крикнула она.

Эоган пригнулся — толстый стальной лист развернулся в воздухе и просвистел над его головой, воткнувшись в противоположную стену.

— Здесь нет ничего нормального, — пробормотал парень. — И чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше.

Мол взглянул вдоль уходящего вперед коридора. Его мысли занимала доставка ящика на корабль «Бандо Гора», но он не мог ошибаться — нынешняя реконфигурация непохожа на предыдущие. Ныне все усилия шестеренок и механизмов «Улья-7» направлялись на то, чтобы разорвать космическую станцию в клочья. Был ли это своего рода автоматический режим самоуничтожения или просто результат того, что рассчитывающий поединки алгоритм пошел вразнос, он не знал,

да его это и не интересовало. Времени у беглецов оставалось в обрез.

И тут он понял, что произошло кое-что еще.

Стены начали смыкаться.

* * *

Он увидел причальный порт и пошел быстрее, вынудив Комари Восу и Эогана почти бежать, чтобы успеть за ним.

— Куда-то спешите? — раздался голос за их спинами.

Мол резко вскинул голову и увидел четкую полноразмерную голограмму: Джабба парил над своей репульсорной платформой и злобно глядел на них, словно владыка творения. Остановившись напротив голограммы, Мол заметил наемника-трандошанина, сжимавшего в руках бластерную винтовку. Наемник прицелился в него — вся винтовка скрылась за дулом, превратившимся в идеальную окружность.

— Я вижу, ты завела себе дружка. — Джабба кивнул Восе. — Нечистоты всегда сливаются. Почему я не удивлен? — Он не стал дожидаться ответа. — Что в ящике?

— Не твое дело, — отрезал Мол. — Мы улетаем и берем его с собой.

— Улетаете? — Хатт сдавленно фыркнул и бросил взгляд на стены ангара. — Нет, я думаю, что вы остаетесь. Не хочешь понаблюдать, как тебя и твоих новых компаньонов сотрет в порошок в этом железном гробу? Правда, хорошая идея? Мне нравится.

Воса протянула ладони к мечам:

— Твой последний шанс, Джабба.

— Не в этот раз, мразь. — Скорчив гримасу, хатт махнул рукой — репульсорная платформа отъехала, а трандошанин открыл огонь.

Мол уже пришел в движение. Бросив свой конец ящика, он прыгнул вперед, в воздухе активировав меч, и выполнил невесомый кувырок стиля «атару», нырнув под залп бластерного огня и описав лезвием дугу, чья вершина пришлась прямо по шее трандошанина. Удар обезглавил наемника столь внезапно, что мгновение лишившееся головы тело стояло вертикально на краю парящей платформы, а потом рухнуло вниз и исчезло в только что образовавшемся провале.

Джабба пересекся взглядом с Молом. Криминальный

авторитет что-то сказал, но слова его заглушила какофония механических шумов, и в любом случае они едва ли имели значение. Небрежно махнув рукой, хатт указал на трап.

Мол отпрыгнул к поджидавшим его Эогану и Восе, и вместе они потащили ящик по причальной «кишке» к кораблю Джаббы — «Звездной Драгоценности», уже готовившемуся к вылету.

75
«РЕСПУБЛИКА-500»

Вечерело. Освещение было притушено. Палпатин вышел из душевой, закутанный в халат драмазийского шелка, и обнаружил, что в раздевалке сидит, поджидая его, Хего Дамаск.

— Учитель? — Сенатор остолбенел: его тапочки будто примерзли к дорогому ковру. — Добро пожаловать.

Неожиданное появление мууна здесь, в его апартаментах, в такой час, застало Палпатина врасплох, хотя он вынужден был признать, что Дамаск — в ипостаси владыки Плэгаса — уже некоторое время невольно занимал его мысли.

— Какая приятная неожиданность!

Плэгас кивнул.

— Похоже, в нынешние времена это единственное, что осталось приятного, — загадочно промолвил муун и махнул рукой, приглашая соратника подойти ближе. — Но это неважно. Прости меня за тоскливые мысли вслух, владыка Сидиус, так же как за мой непрошеный визит.

— Я всегда рад твоему визиту.

— Даже теперь? — осведомился старший ситх. — В нынешних обстоятельствах?

Сидиус мгновение смотрел на него, прежде чем кивнуть.

— Вы имеете в виду последние события в «Улье-7»? Да. Мне уже сообщили.

— Похоже, никакого «Улья-7» больше нет, — задумчиво произнес Плэгас. — На данный момент все датчики регистрируют только поток металлических фрагментов где-то во Внешнем Кольце.

— Как и планировалось.

— Действительно, — согласился муун. — По-видимому, космическая станция разорвала себя на части... — Он сделал паузу, встретившись взглядом с Сидиусом. — Сразу же после отбытия твоего ученика. Он полностью выполнил свое задание, не так ли?

— Да, — кивнул Сидиус.

— Судя по информации наших биодатчиков, выживших не было, — почти осторожно произнес Плэгас. — Включая и твою основную цель, Айрема Радика.

Сидиус долго изучающе смотрел на учителя, гадая, имелся ли в словах Плэгаса некий скрытый смысл, подтекст, которого он не замечал до настоящего момента? Начал ли Плэгас

догадываться об истинной цели отправки Мола в «Улей-7»? Как бы он отреагировал, узнав подробности о последних мгновениях станции? Выяснив, что «Бандо Гора» наложили лапу на ядерное устройство, приобретение которого и было конечной целью всей этой операции?

Но Плэгас, по-видимому, уже решил перейти к другим вещам.

— Как ты уже знаешь, — заметил он, — Сила имеет цель и волю относительно всех вещей, которые даже мы с тобой только начинаем открывать. Эксплуатируя ее во всей полноте, мы станем наследниками невиданной мощи и славы. — Плэгас сделал паузу. — Вместе.

Довольно долго Сидиус молчал. Затем кивнул.

— Очень хорошо, — сказал он, а затем не без труда выжал из себя скромную улыбку. — Хотя я не могу избавиться от ощущения, что подвел вас, затеяв это дело с риском быть разоблаченным.

— Разве? — Взгляд Плэгаса был непроницаем. — Кажется, еще рано делать столь радикальные отрицательные выводы. — Затем, едва слышно выдохнув, что означало конец разговора, он поднялся на ноги. — Уже поздно, сенатор Палпатин, а я знаю, что часов уединения и отдыха у тебя становится все меньше, засим откланиваюсь. — Его желтые глаза вспыхнули. — Вскоре мы с тобой увидимся вновь.

Он оставил Сидиуса в раздевалке. Прошло много времени, прежде чем младший владыка ситхов наконец пошевелился: он сошел с места, где стоял как вкопанный, и подошел к двери, чтобы запереть ее изнутри.

76
ПОСЛЕСВЕЧЕНИЕ

Мол сидел в углу грузового отсека, покровительственно глядя на стоящий перед ним ящик. Он ощущал смертоносное тепло и энергию, излучаемые оружейным ураном, и понимал, что передача его в руки Комари Восы означает успешное выполнение порученного ему задания. Но для него самого это имело крайне мало значения.

Он выбрался из «Улья-7», электростатические заряды были деактивированы и извлечены из его сердец, но где-то в глубине души все еще оставалось ощущение, будто он в клетке.

И он до сих пор не связывался с учителем.

Поднявшись на ноги, ситх дошел до конца трюма, развернулся и пошел обратно, не сводя глаз с ящика. Пока Дарт Сидиус не обратится непосредственно к нему, чтобы выразить одобрение успешным окончанием его задания, не видать ему ни радости, ни спокойствия.

Корпус «Звездной Драгоценности» слегка подрагивал, огромные двигатели с ревом гнали яхту из сектора Тарин по Сайсарской дуге обратно в Пространство хаттов, где путь Мола разойдется с путями Эогана, Комари Восы и самого оружия.

Будущее, лежащее после этих событий, неопределенно. Он остро ощущал инструкции Сидиуса не раскрывать себя как владыку ситхов и не полагаться на Силу.

Если только не...

Нет. В словах учителя не могло быть ошибки. Сидиус предназначил ему полностью раскрыть силу темной стороны, и последние минуты в тюрьме — с червем, с самой Комари Восой — являлись очередным испытанием, в ходе которого, как надеялся Мол, он вел себя достойно.

Так почему же Сидиус до сих пор не связался с ним? И когда он снова услышит голос своего учителя?

Ситх снова принялся мерить шагами трюм, затем остановился. Сзади раздалось шипение открываемого люка.

— Мол!

Разворачиваясь, он опустил ладонь на рукоять светового меча — и оставил ее лежать там, даже узнав лицо женщины, возникшей среди теней.

— Чего тебе надо?

Комари Воса ответила не сразу. Невозможно было сказать, на что она устремила взор. Судя по повороту головы, ее внимание

сосредоточилось на ящике, который он охранял... Хотя она могла смотреть и на него самого.

— Просто проверяю наш груз.

Мол не шевелился. Очевидно, соответствующего ответа на этот комментарий не существовало, он и не стал отвечать.

— Повар Джаббы готовит ужин, — сообщила женщина. — Я абсолютно уверена, что жирный слизень не станет нас травить... но, может, следует сначала дать попробовать мальчишке? — Затем она решилась подвести разговор к интересующей ее теме: — Ведь чем-то ты все-таки питаешься?

Мол сверкнул на нее глазами, поднял ладонь:

— Что-то вроде того.

— Юнец буквально молится на тебя. Там, в тюрьме, он разглядел в тебе нечто такое...

— Галактика достаточно быстро его отрезвит, — произнес Мол. — Если раньше не убьет.

— Может, тебе следует взять его с собой? Сделаешь его учеником.

Мол задумчиво взглянул на нее:

— Что ты знаешь об ученичестве?

— Ничего, — тихо промолвила Воса, а затем неопределенно кивнула на ящик. — Мне не нужно знать подробности задания, которое ты выполнял в «Улье-7». Я знаю, что ты служишь высшим целям, намного более важным, чем твои собственные.

— Как и ты, — отозвался Мол. Он ждал, что она станет отрицать это, заявив, будто «Бандо Гора» служат лишь своим собственным интересам, но вместо этого Воса снова кивнула:

— Возможно, это так. И все же, когда я смотрю на тебя, когда вспоминаю, как мы с тобой вместе дрались с червем, я не могу не задаться вопросом...

— Нет! — рыкнул он.

— Я просто хотела сказать... — Она запнулась, тщательно взвешивая слова. — Сейчас мы с тобой — не те, кем когда-то были. Кто знает, где мы можем оказаться в конечном итоге?

Взгляд желтых глаз забрака, сверкнув, на долю секунды пересекся со взглядом женщины. Мол ощутил нечто настолько знакомое, что это казалось невероятным, — более опасное, сильнее затягивающее в ловушку, чем весь «Улей-7», — и немедленно отринул это.

— Когда мы прибываем?

— Тебе так не терпится?

Мол не обратил на эти слова никакого внимания.

— Я уже готов к тому, чтобы забыть об этом деле.

— Я вижу. — В голосе Восы слышалась улыбка, слон но

меньшего она не ожидала. — Уже скоро.

— Тогда оставь меня.

— Возможно, мы с гобой увидимся наверху?

Но Мол уже повернулся к ней спиной и уставился на ящик, стоявший в углу трюма. Однако, не дождавшись звука захлопнувшейся за женщиной двери, он оторвал взгляд от оружия и повернулся, чтобы взглянуть в сторону выхода, но Комари Воса уже скрылась.